

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

На правах рукописи

ГРАФ Роман Викторович

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ВОЗМЕЩЕНИЕ
ГОСУДАРСТВОМ ВРЕДА:
НОРМАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ**

12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор Д.С. Велиева

Саратов – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Конституционно-правовая характеристика права на возмещение государством вреда.....	19
1.1. Понятие и содержание конституционного права на возмещение государством вреда.....	19
1.2. Место и роль конституционного права на возмещение государством вреда в системе конституционных прав и свобод	42
Глава 2. Основания возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц	67
2.1. Нормативные основания возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц	67
2.2. Фактические основания возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц	94
Глава 3. Национальные и международные механизмы обеспечения реализации конституционного права на возмещение государством вреда ..	124
3.1. Публично-правовые механизмы возмещения государством вреда	124
3.2. Международные механизмы обеспечения реализации конституционного права на возмещение государством вреда	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	176
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	186

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Актуальность темы диссертации обуславливается основными тенденциями конституционного развития Российской Федерации последних лет, и, в частности, результатами конституционной реформы 2020 года. Одним из важнейших ее концептов стал вывод социальной политики российского государства на новый уровень. В статье 75.1 Конституции Российской Федерации было закреплено магистральное направление политико-правового развития государства — создание условий для взаимного доверия государства и общества, защита достоинства граждан. Об ответственности государства перед обществом в этой сфере говорил и Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию РФ от 21 апреля 2021 года.

Несомненно, подобное направление конституционного развития нашей страны диктует новое смысловое понимание статьи 53 Конституции Российской Федерации, закрепляющей ответственность государства перед гражданами за причинение вреда действиями или бездействием его органов или должностных лиц.

Логика этого конституционного развития диктует переход от узкого, буквального понимания статьи 53 Основного закона как деликтного способа возмещения вреда, причиненного органами государственной власти и должностными лицами к широкому пониманию ответственности государства за исполнение своих обязательств по гарантированию и реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Заметим, что в статье 53 Конституции Российской Федерации речь идет о вреде, причиненном не только действиями органов государственной власти и должностных лиц, но и в результате их бездействия. Согласно основам конституционного строя (статья 2 Конституции Российской Федерации) признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. В статье 18 Основного закона говорится о том, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Неисполнение этих позитивных обязательств государством в лице

своих органов и должностных лиц в рамках широкого подхода также является основанием для возмещения вреда.

Институт ответственности государства за вред, причиненный его органами, иными органами публичной власти, а также их должностными лицами является относительно новым для отечественной правовой системы и механизмы его функционирования выстроены законодателем пока еще не в полном объеме и выглядят незавершенными.

По своей правовой природе институт ответственности за возмещение вреда носит публично-правовой характер, поскольку базируется на соответствующем субъективном конституционном праве. При этом природа этого конституционного права, его сущность остаются малоисследованными в отечественной правовой науке. Между тем вопрос о реализации данного конституционного права имеет не только большое теоретическое, но и огромное практическое значение, поскольку от этого зависит возможность граждан Российской Федерации, а также иных лиц реально защитить свои права при их нарушении неправомерными действиями органов государственной власти или их должностных лиц.

В настоящее время ответственность государства за вред, причиненный действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностными лицами реализуется преимущественно в общем порядке посредством применения норм гражданского законодательства. Подобный подход, при определенных достоинствах, к которым, прежде всего, относится индивидуализированность возмещения вреда, имеет и определенные недостатки (относительная сложность применения, недоступность для определенных лиц) и не в полной мере соответствует публичному характеру рассматриваемого конституционного права.

В то же время в российском законодательстве имеются примеры закрепления публично-правовых механизмов возмещения государством вреда, касающихся определенных лиц (чернобыльцев, жертв политических репрессий и др.), либо групп лиц (репрессированные народы) и применяющиеся в определенных случаях. Подобные механизмы формируются в законодательстве *ad hoc*, базируются нередко на различных подходах и применение их не всегда способствует защите

нарушенных прав и свобод граждан в полном объеме. Соответственно, имеется необходимость выработки унифицированных оснований, критерий и объемов возмещения вреда в публично-правовом порядке.

Указанные обстоятельства требуют детального изучения конституционного права на возмещение государством вреда, выявление его сущности, нормативного содержания, а также разработки оптимальных механизмов его реализации.

Все вышеизложенное обуславливает актуальность выбранной темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы. В настоящее время в российской научной литературе отсутствует комплексное правовое исследование, посвященное конституционному праву на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Вместе с тем можно выделить отдельные работы, посвященные изучению данного конституционного права. В первую очередь здесь можно назвать труды таких конституционалистов как И.А. Андреева, В.П. Богданов, И.С. Богданова, В.В. Бойцова, Л.В. Бойцова, В.М. Валетова, А.А. Гаджиева, М.А. Мусаев, Н.Р. Скобычкина, О.С. Черепанова и др.

Изучение нормативного содержания конституционного права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц и механизмов его реализации потребовало обращения к трудам ученых, посвященных таким вопросам как конституционные права и свободы; механизмы реализации конституционных прав; конституционная ответственность и др. Здесь необходимо назвать таких специалистов как С.А. Авакьян, М.П. Авдеенкова, Ю.Н. Андреев, С.С. Алексеев, М.В. Баглай, С.В. Бахин, А. Бланкенагель, Н.С. Бондарь, Н.В. Варламова, Д.С. Велиева, В.А. Виноградов, Н.В. Витрук, Л.Д. Воеводин, В.Е. Гулиев, Л.Ю. Грудцына, Ю.А. Дмитриев, Н.М. Добрынин, Г.А. Жилин, Е.М. Заболотских, Т.Д. Зражевская, В.Д. Зорькин, В.Т. Кабышев, И.А. Карташкин, К.О. Кебурия, Е.И. Козлова, Н.М. Колосова,

Ю.М. Колосов, С.А. Комаров, А.А. Кондрашев, В.И. Крусс, О.Е. Кутафин, Л.В. Лазарев, А.М. Ларин, И.А. Ледах, Д.А. Липинский, Е.А. Лукашева, В.О. Лучин, А.В. Малько, Н.С. Малеин, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов, А.В. Мелехин, Т.В. Милушева, С.В. Нарутто, В.В. Невинский, Т.Н. Нешатаева, Ж.И. Овсепян, М.В. Пресняков, И.В. Ростовщиков, Ф.М. Рудинский, М.А. Сидоренко, М.С. Строгович, И.Е. Фарбер, Т.Я. Хабриева, О.И. Цыбулевская, В.И. Червонюк, В.Е. Чиркин, С.М. Шахрай, Ю.Л. Шульженко, Б.С. Эбзеев и др.

Наличие гражданско-правового механизма возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов и должностных лиц потребовало его изучения и, как следствие, обращения к трудам ученых — представителей науки гражданского права, в частности, таких как Ю.Н. Андреев, Д.А. Архипов, А.М. Гатин, А.К. Губаева, О.В. Дмитриева, Э.А. Евстигнеев, Л.Т. Кокоева, А.Л. Маковский, О.В. Михайленко, С.Ю. Рипинский, В.А. Рыбаков, В.Н. Соловьев, Е.П. Чорновол и др.

Отдельно следует выделить некоторые диссертационные исследования, затрагивающие вопросы возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов и должностных лиц. В частности, в 2010 году была защищена диссертация И.А. Андреевой «Возмещение вреда как конституционно-правовой институт»¹. Хотя данная работа непосредственно посвящена изучению конституционно-правовых механизмов возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов и должностных лиц, вопросы сущности и нормативного содержания соответствующего конституционного права в ней не затрагиваются. Также вопросы возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов и должностных лиц нашли отражение в диссертационном исследовании И.А. Минакова «Гражданско-правовое ре-

¹ Андреева И.А. Возмещение вреда как конституционно-правовой институт: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

гулирование возмещения государством вреда, причиненного органами государственной власти и их должностными лицами», однако в данной работе рассматриваются гражданско-правовые, а не публично-правовые аспекты возмещения вреда².

Цели и задачи. Целью диссертационного исследования является разработка и обоснование положений, составляющих теоретическую основу содержания конституционного права каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, а также формирование практических предложений по совершенствованию нормативных правовых актов и правоприменительной практики, регулирующих указанную сферу общественных отношений.

Для достижения цели диссертационного исследования было необходимо решить следующие задачи:

определить понятие и содержание конституционного права человека и гражданина на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц;

выявить место и роль конституционного права человека и гражданина на возмещение государством вреда в системе конституционных прав и свобод;

определить нормативные и фактические основания возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц;

проанализировать публично-правовые механизмы возмещения государством вреда;

обосновать возможности использования международных механизмов обеспечения реализации конституционного права на возмещение государством вреда;

разработать конкретные предложения по совершенствованию законодательства о реализации конституционного права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной

² *Минаков И.А.* Гражданско-правовое регулирование возмещения государством вреда, причиненного органами государственной власти и их должностными лицами: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

власти или их должностных лиц.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является комплекс общественных отношений, связанный с реализацией конституционного права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Предметом исследования выступают международные, национальные нормативные правовые акты, регулирующие закрепление и реализацию конституционного права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, а также акты судебной практики по избранной проблематике.

Методология и методы исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составили общефилософские, общенаучные и частнонаучные (специально-юридические) методы.

Диалектический метод позволил комплексно рассмотреть конституционное право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц с точки зрения вариативности его реализации, обосновать достоинства и недостатки публичного и частноправового механизмов.

Методы формальной логики: описание, сравнение, классификация, анализ и синтез, и др. — позволили охарактеризовать конституционное право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц с позиций его конкретного нормативного содержания (нормативной редукции). Кроме того, благодаря использованию данных методов научного познания в работе удалось провести исследование действующего законодательства, выявить ряд дефектов нормативного регулирования и сделать предложения по их устранению.

Системно-структурный метод позволил определить место и роль конституционного права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц в системе конституционных прав человека и гражданина.

С помощью формально-юридического метода были выявлены пробелы в правовой регламентации конституционного права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, что позволило сформировать конкретные предложения по дополнению или изменению отдельных статей нормативных правовых актов в рассматриваемой сфере.

Применение указанных методов позволило исследовать объекты во взаимосвязях и взаимозависимостях, выявить определенные тенденции, сделать обобщения и выводы. При написании работы был использован междисциплинарный подход, который заключался в рассмотрении конституционного права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц с позиций различных юридических наук (конституционного права, административного права, гражданского права, теории права и др.).

Теоретическая, нормативная и эмпирическая основа исследования. Теоретическую основу исследования составляют труды ученых в области конституционного права, теории государства и права, гражданского права, административного права, имеющие отношение к исследуемой проблематике.

Нормативную основу исследования составили Конституция РФ, международные правовые акты, федеральные законы, Указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, законы субъектов Российской Федерации закрепляющие конституционное право на возмещение государством вреда, а также конкретные механизмы его реализации.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили решения Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Европейского суда по правам человека, судов общей юрисдикции по рассмотрению споров в сфере возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов и должностных лиц, материалы периодической печати и информация, размещенные в сети Интернет по теме диссертационного исследования.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она представляет собой одну из первых комплексных работ по исследованию теоретических и практических проблем реализации конституционного права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Научное исследование содержит авторские предложения по совершенствованию действующего законодательства с целью повышения эффективности осуществления указанного конституционного права.

В диссертации сформулированы новые и уточнены существующие определения основных понятий, используемых в науке конституционного права и относящихся к предмету исследования. Даны авторские дефиниции таких понятий, как «право на возмещение государством вреда», «механизм реализации конституционного права на возмещение государством вреда», обосновано широкое и узкое понимание первого. Выделены особенности субъективного конституционного права на возмещение государством вреда, при этом доказана вариативность его субъектного состава и выявлены основные его правомочия.

Принципиальной новизной работы выступает выделение и анализ двух механизмов возмещения вреда: регулярного (частноправового) и чрезвычайного (публично-правового), при этом сформулированы общие и особые черты обоих механизмов. На этой основе особое внимание уделено концепции конституционного правонарушения как фактического основания возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и должностных лиц, а также «квазиделиктной» ответственности государства в рамках публичного механизма возмещения вреда.

На основе анализа изученной литературы, законодательства и правоприменительной практики сформулированы предложения и рекомендации по совершенствованию законодательства и практического обеспечения реализации и защиты конституционного права на возмещение государством вреда.

Положения, выносимые на защиту:

1. Обосновано, что понятие «право на возмещение государством вреда» мо-

жет употребляться в двух значениях. С одной стороны — как закрепленное в Конституции Российской Федерации субъективное право человека и гражданина, юридических лиц или целого народа на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) государственных органов, органов местного самоуправления или их должностных лиц либо изданием не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, а в случаях, предусмотренных специальными законами — в результате их правомерных действий, одновременно являющееся гарантией реализации других конституционных прав. С другой — право на возмещение государством вреда может рассматриваться как комплексный правовой институт, состоящий из объединенных общими принципами норм конституционного, международного, гражданского, налогового, уголовно-процессуального, административного и других отраслей права.

2. Выделены особенности реализации конституционного права на возмещение государством вреда:

рассмотрение его в контексте юридической ответственности государства или в контексте защиты в прямо указанных в законах случаях, связанных с обстоятельствами исключительного (чрезвычайного) характера;

субъектом реализации данного права являются: физические лица; юридические лица; а в случае возмещения вреда репрессированным народам — народ или социальная общность;

несовпадение субъекта-причинителя вреда (государственный орган, орган местного самоуправления, должностное лицо, а в предусмотренных законами случаях — третьи лица) и субъекта, возмещающего причиненный вред (Российская Федерация, субъект РФ, муниципальное образование).

3. Доказано, что содержание субъективного конституционного права на возмещение государством вреда можно представить в совокупности следующих правомочий: 1) возможность обращения в судебном порядке по правилам гражданского и уголовного судопроизводства в целях полного восстановления нарушен-

ных прав; 2) возможность требовать от государства как обязанного субъекта определенного поведения, заключающегося: в обеспечении восстановления в нарушенных конституционных правах; в возмещении причиненного материального вреда в полном объеме и в процедурах, максимально отвечающих интересам пострадавших; в справедливой компенсации морального вреда, причиненного такими действиями (или бездействием); 3) возможность в случае необходимости обратиться в международные организации для принудительного осуществления своих требований.

4. Выявлено место конституционного права на возмещение государством вреда в системе других конституционных прав и свобод. Это право, сформулированное в Конституции Российской Федерации, является общим, абсолютным, позитивным, активным, несамоисполняемым правом человека, относящимся к особой группе прав по защите других прав и свобод.

Данное право относится к общим правам, поскольку принадлежит всем без исключения физическим лицам и не зависит от специфики специального правового статуса лица.

Абсолютный характер данного права означает, что оно не подлежит ограничениям ни при каких обстоятельствах, в том числе при наступлении чрезвычайных обстоятельств.

Конституционное право на возмещение государством вреда никак не вытекает из свободной воли как естественного состояния человека и не свойственно индивиду имманентно, поэтому данное право относится к позитивным правам.

По критерию способа осуществления прав со стороны правообладателя рассматриваемое право является активным, поскольку требует совершения им активных действий путем обращения в соответствующий орган государственной власти.

Наконец право на возмещение государством вреда относится к несамоисполняемым правам, поскольку его реализация без активных действий государственных органов и их должностных лиц невозможна.

5. Обосновано, что фактически в настоящее время Российской Федерации существуют два независимых механизма возмещения вреда: регулярный (частноправовой) и чрезвычайный (публично-правовой).

Характерными чертами первого являются:

регулярность — он распространяется на широкий перечень случаев причинения имущественного и неимущественного ущерба;

индивидуализированный характер - размер причиненного вреда, а также как и суммы компенсаций, определяются для каждого конкретного случая;

порядок применения определяется общими нормами: как гражданского и гражданско-процессуального законодательства, так и уголовно-процессуальным законом.

Отличительными признаками второго являются:

казуальный характер — он распространяется на конкретные, точно определенные случаи;

причиненный вред презюмируется в определенном объеме, а размеры компенсаций точно определяются для значительных групп лиц;

многие предусмотренные компенсации имеют сходство с мерами социальной поддержки;

порядок применения определяется специально принятым законодательством, относящимся преимущественно к сферам конституционно-правового и административно-правового регулирования.

6. Выяснено, что указанные способы возмещения вреда не являются «позитивной» ответственностью государства или разновидностью социальной помощи, а представляют собой институциональные механизмы реализации конституционного права, предусмотренного статьей 53 Основного закона. В этой связи обоснован вывод, что данные публично-правовые механизмы возмещения государством вреда должны дополняться возможностью обратиться в суд с требованием о возмещении вреда в общем порядке, т.е. путем подачи иска.

В силу массового характера вреда государству в рамках чрезвычайных механизмов его возмещения приходится использовать «усредненный», деиндивидуализированный способ определения вреда. Между тем, в определенных случаях возникает необходимость учесть особый характер причиненного вреда или особые обстоятельства его причинения (например, в случае причинения вреда в результате террористического акта может быть установлена грубая небрежность со стороны органов государственной власти или должностных лиц и т.п.).

Для решения этой проблемы необходимо дополнить всеобщий, публично-правовой механизм возмещения вреда субсидиарным гражданско-правовым, предусмотрев право гражданина обратиться с иском в суд в том случае, если он полагает, что ему причинен вред в большем объеме, чем возмещаемый в соответствии с положениями закона. Подобные изменения должны вноситься в специальные законы, в настоящее время блокирующие возможность обращения в суд граждан.

7. Аргументированно, что фактическим основанием возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и должностных лиц является конституционное правонарушение. Проанализированы признаки такого правонарушения, а также элементы его состава как основания возмещения вреда.

Сделан вывод, что качество «незаконности» деяний, составляющих объективную сторону данного правонарушения должно пониматься максимально широко, включая в себя неисполнение или «недолжное» исполнение конституционных обязанностей государства в лице уполномоченных им органов и должностных лиц, корреспондирующих правам человека и гражданина.

Доказано, что ответственность государства за вред, причиненный только виновными действиями органов государственной власти и должностных лиц, не согласуется со смыслом конституционно-правовой нормы статьи 53 Конституции Российской Федерации. Субъект может нести ответственность только за собственную вину (хотя не исключается ответственность за действия третьих лиц). В данной

ситуации субъект, на которого возлагается ответственность (государство) не совпадает с субъектом — причинителем вреда (конкретный государственный орган или должностное лицо). Поэтому вина последнего не может являться критериальным условием для возмещения вреда со стороны государства. Вина же государства как обобщенного публичного субъекта в данном случае конституируется невыполнением позитивного обязательства по обеспечению гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод.

8. Разработана концепция «квазиделиктной» ответственности государства в рамках публичного механизма возмещения вреда. В ряде случаев российское государство принимает на себя ответственность за вред, причиненный действиями третьих лиц, либо наступивший в результате ситуаций чрезвычайного характера. В таких случаях фактическим основанием такой ответственности выступает конституционно-правовой квазиделикт, который базируется на концепции вины за несоблюдение позитивных обязательств государства по защите прав граждан. Квазиделиктная ответственность Российской Федерации не может носить абсолютный характер (наступать в каждом случае причинения вреда), поэтому юридическая формализация квазиделиктной ответственности государства осуществляется в форме признания и принятия на себя такой ответственности в каждом конкретном случае, то есть, формализации и юридизации позитивной ответственности государства.

9. Выявлено два возможных варианта взаимовлияния конституционного права на возмещение государством вреда с международными органами по защите прав человека: посредством прямой и обратной связи. Прямая связь имеет место в случаях обращения граждан Российской Федерации, а также иных лиц, считающих, что им был причинен ущерб незаконными действиями государственными органами и должностными лицами Российской Федерации в указанные международные органы с индивидуальными жалобами. Обратная связь имеет место в случае вынесения международными органами по защите прав человека решений общего характера (прежде всего, пилотных постановлений ЕСПЧ) с целью воздействия на наци-

ональную правовую систему. Своеобразным способом воздействия в рамках обратной связи является также использование карательных санкций (решений о присуждении возмещения, носящего карательный характер).

10. Определено, что на международном уровне в настоящее время действует только общий порядок возмещения вреда, причиненного нарушениями прав и свобод человека — по индивидуальным жалобам. Не существует каких-либо специальных механизмов компенсации вреда, предусмотренных законодательством Российской Федерации в отношении жертв природных и техногенных катастроф, незаконно репрессированных и т.п. Доказано, что перспективным направлением развития международно-правовых механизмов защиты прав и свобод человека является выработка (при наличии значительного количества потерпевших с однотипными жалобами) общих упрощенных процедур рассмотрения дела и определения суммы, подлежащей возмещению.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что представленные в нем выводы о нормативном содержании и механизме реализации конституционного права на возмещение государством вреда имеют общетеоретическое значение для науки конституционного права. Работа может быть использована для продолжения научных исследований по заявленной проблематике.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выявление сущности, механизмов реализации конституционного права на возмещение государством вреда, нормативного и фактического оснований возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц позволили сформулировать практические рекомендации по совершенствованию конституционного законодательства, а также некоторых смежных отраслей с учетом существующих проблем. Содержащиеся в работе материалы могут быть полезны в учебном процессе при разработке программ для преподавания дисциплин: «Конституционное право», спецкурсов по правам человека, а также при разработке учебных и учебно-методических пособий по указанным дисциплинам.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы,

сделанные в исследовании, были отражены в научных публикациях, рассмотрены на заседании кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», а также представлены на следующих конференциях, круглых столах: на Международной научно-практической конференции «Интеграционные процессы в праве, экономике, культуре и образовании в рамках евразийского пространства Таможенного союза» (г. Мытищи, 29 ноября 2016 г.); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы современной юриспруденции» (г. Орехово-Зуево, 23 ноября, 2017 г.); I Всероссийской научно-практической конференции «Региональная власть, местное самоуправление и гражданское общество: механизмы взаимодействия» (г. Саратов, 26 января 2017 г.); III Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного конституционализма» (г. Пенза, 18 апреля 2018 г.); VIII Международной научно-практической конференции на тему «Права человека и социальное правовое государство», посвященной Дню прав человека (г. Саратов, 6 декабря 2016 г.); Международной научно-практической конференции «25 лет Конституции Российской Федерации: тенденции развития и перспективы реализации» (г. Саратов, 13–14 сентября 2018 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Конституционно-правовые проблемы эффективности публичной власти» (г. Саратов, 27 сентября 2018 г.); на VI международной научно-практической конференции «Гражданин. Выборы. Власть» (г. Пятигорск, 23–25 октября 2019 г.); XV Международной научно-практической конференции «Политические трансформации в современной России: конституционно-правовые параметры и социально-экономические факторы» (г. Самара, 27 сентября 2019 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Государство, общество, бизнес в условиях цифровизации» (г. Саратов, 13 февраля 2020 г.); VII Международной научно-практической конференции «Гражданин. Выборы. Власть» (г. Пятигорск, 30 сентября – 1 октября 2020 г.), международном круглом столе «Конституционный принцип

правовой определенности в механизме реализации прав человека: проблемы и перспективы» (г. Саратов, 23 июня 2021 г.) и др.

По теме диссертационного исследования опубликовано 12 научных статей, 3 из которых опубликованы в журналах из перечня рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ.

Внедрение результатов диссертационного исследования осуществлялось в процессе проведения занятий для студентов Поволжского института управления имени П.А. Столыпина ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Структура диссертации обусловлена обозначенными целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. Конституционно-правовая характеристика права на возмещение государством вреда

1.1. Понятие и содержание конституционного права на возмещение государством вреда

Одним из конституционных прав граждан, является право на возмещение государством вреда. Речь в первую очередь идёт о закреплённом в ст. 53 Конституции РФ праве каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Реализация данного конституционного права гарантируется конституционной обязанностью государства в случае нарушения органами публичной власти и их должностными лицами охраняемых законом прав обеспечивать потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ). При этом установленное ст. 53 Конституции РФ право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц в соответствии с ч. 3 ст. 56 Конституции РФ ни при каких условиях не подлежит ограничению.

Содержание рассматриваемой статьи Конституции Российской Федерации основывается на ряде положений международно-правовых документов³. Так, названные конституционные положения, корреспондируют пунктам 18, 19 и 21 «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью»⁴, предусматривающим, что лица, которым был причинен вред,

³ См., напр.: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.: принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12; Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29 ноября 1985 года Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 24.08.21).

включая моральный ущерб, эмоциональные страдания в результате злоупотребления властью («жертвы»), имеют право на компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством.

Конституционное право граждан на возмещение государством вреда имеет многоаспектный характер, так как оно реализуется и в иных, отличающихся по своей природе правовых отношениях – гражданских, налоговых, уголовно-процессуальных, административных. При таком подходе право на возмещение государством вреда может рассматриваться как комплексный правовой институт, состоящий из объединенных общими принципами норм конституционного, международного, гражданского, налогового, уголовно-процессуального, административного и других отраслей права.

С другой стороны, право на возмещение государством вреда – это конституционное право граждан, которое традиционно рассматривается в русле юридической ответственности государства и в связи с причинением вреда правомерными действиями государственных органов, возникают в редких, прямо указанных законом случаях, в обстоятельствах исключительного (чрезвычайного) характера.

Для определения понятия и выявления правовой природы права на возмещения государством вреда следует проанализировать сущность данного права. Согласно ст. 53 Конституции РФ, причинителем вреда являются органы государственной власти или их должностные лица. При этом в ряде специальных законов называются вполне определенные государственные органы – причинители вреда: органы дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, налоговые органы и таможенные органы, органы внутренних дел и др.

Вместе с тем, было бы неверным ограничительно толковать перечень субъектов причинения вреда, отнеся к ним только государственные органы, входящие в систему разделения властей (ст. 10 Конституции РФ). Полагаем, что помимо органов законодательной, исполнительной и судебной власти, к таковым могут быть отнесены и «иные государственные органы»: Прокуратура РФ, Центральная избирательная комиссия РФ, Центральный Банк РФ, Счетная палата РФ, Уполномочен-

ный по правам человека РФ, и другие государственные органы, не входящие в систему разделения властей, в том государственные органы субъектов Российской Федерации.

В числе причинителей вреда, при этом, прямо не названы органы местного самоуправления. В то же время, как справедливо констатирует Р.Г. Жметкин, исходя из принципа открытости перечня прав (п. 1 ст. 55 Конституции РФ), нельзя исключать возможность возмещения вреда, причинённого органами местного самоуправления, поскольку это позволяет расширительно толковать ст. 53 Конституции РФ⁵.

Следует учитывать, что Гражданский кодекс РФ в ст. 1069 расширяет перечень субъектов, вред от незаконных действий (или бездействия) которых подлежит возмещению, включив в их перечень органы местного самоуправления, что, на наш взгляд справедливо, учитывая, что органы местного самоуправления осуществляют на местном уровне публичную власть⁶. Эта позиция вполне корреспондирует поправкам в Конституцию Российской Федерации 2020 года, согласно которым органы государственной власти и органы местного самоуправления образуют единую систему публичной власти Российской Федерации (ч. 3 ст. 132) и позволяет прийти к выводу о том, что органы местного самоуправления также могут рассматриваться в качестве причинителей вреда, который подлежит возмещению в соответствии с положениями ст. 53 Конституции Российской Федерации.

В качестве отдельной категории причинителей вреда, подлежащей возмещению государством, можно выделить третьих лиц. Речь идёт о возмещении вреда, причиненного в результате террористических актов, когда «возмещение ущерба не

⁵ См.: *Жметкин Р.Г.* Гражданско-правовая ответственность государства и иных публичных образований: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 81.

⁶ Такая позиция высказывалась представителями науки конституционного и муниципального права, а также включение органов местного самоуправления в систему органов публичной власти обусловлен также конституционными поправками 2020 // Об этом: *Шугрина, Е. С., Нарутто, С. В., Заболотских, Е. М.* Ответственность органов публичной власти: правовое регулирование и правоприменительная практика: учебник для магистров / Е. С. Шугрина, С. В. Нарутто, Е. М. Заболотских. — М. : Издательство Юрайт, 2015. С. 11.

может быть полностью обеспечено за счет конфискации имущества, принадлежащего исполнителям, организаторам и спонсорам террористических актов, и других источников»⁷. В этом случае содействие возмещению ущерба жертвам за нанесенные увечья и причиненный вред здоровью является обязанностью государства. Как отметил Конституционный Суд РФ, исходя из характера причиненного вреда, государство принимает на себя ответственность за действия третьих лиц, выступая тем самым гарантом возмещения ущерба пострадавшим⁸. В данном случае Конституционным Судом рассматривалась жалоба группы граждан на отказ в возмещении морального вреда, который был причинён им как заложникам и родственникам заложников в результате террористической акции. Отказ был обоснован отсутствием вины ответчиков – государственных органов – в причинении истцам нравственных и физических страданий. Конституционный Суд Российской Федерации посчитал, что в положениях статьи 17 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» отсутствует неопределенность, а следовательно, они не нарушают конституционные права заявителей.

Основанием возмещения вреда являются незаконные действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе связанные с изданием не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, а в *случаях, предусмотренных законом*, правомерные действиями *государственных* органов, органов местного самоуправления либо их должностных лиц, которыми причинён вред, *в обстоятельствах исключительного (чрезвычайного) характера*.

⁷ См.: ст. 18 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146; 2021. № 22. Ст. 3690.

⁸ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2005 г. № 523-О «По жалобе граждан Бурбан Елены Леонидовны, Жирова Олега Александровича, Миловидова Дмитрия Эдуардовича, Миловидовой Ольги Владимировны и Старковой Тамары Михайловны на нарушение их конституционных прав положениями статьи 17 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1326.

По прямому указанию статьи 16.1 Гражданского кодекса РФ, вред, причиненный правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегировало властные полномочия в соответствии с законодательством, должен подлежать компенсации. При этом нормативно закреплены и случаи возмещения вреда, причиненного правомерными действиями органов государственной власти и должностных лиц. Так, согласно Федеральному закону «О государственной регистрации недвижимости», компенсации со стороны государства подлежит ущерб, причиненный правомерными действиями органа регистрации прав на недвижимое имущество (часть 4 ст. 66)⁹. Согласно части 2 статьи 18 Федерального закона «О противодействии терроризму» возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в порядке, установленном Правительством Российской Федерации¹⁰.

Что интересно, при реализации права на возмещение государством вреда имеет место несовпадение субъекта-причинителя вреда (государственный орган, орган местного самоуправления, должностное лицо) и субъекта, возмещающего причиненный вред (Российская Федерация, субъект РФ, муниципальное образование).

Так, требование в суд о возмещении вреда потерпевшие предъявляют непосредственно к Российской Федерации (субъекту Российской Федерации). Это связано с тем, что государственные органы и органы местного самоуправления являются представителями указанных публично-правовых образований (п. 1, 2 ст. 125 ГК РФ). Возложение бремени возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов власти и должностных лиц, на государство объясняется тем, что

⁹ Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // СЗ РФ. 2015. N 29 (часть I). Ст. 4344; 2021. N 27 (часть I). Ст. 5171.

¹⁰ СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146; 2021. № 22. Ст. 3690.

орган власти или должностное лицо, выполняя свои функции, осуществляют полномочия государства, реализуя его право- и дееспособность, а, следовательно, государство несёт ответственность за собственные действия.

В научной литературе обращается внимание на то, что нормы Налогового кодекса РФ (ст. 35, 37, 103) вступают в противоречие с нормами статей 1069 и 1070 ГК РФ в части установления в качестве субъекта возмещения вреда – государственного органа, являющегося непосредственным причинителем вреда (налоговые, таможенные органы, органы внутренних дел, следственные органы), а в качестве источника выплат в возмещение вреда – средства федерального бюджета»¹¹.

Анализ нормативных актов, регулирующих деятельность налоговых органов, позволяет сделать вывод, что, согласно п. 5.14 Положения о Федеральной налоговой службе¹² (далее – ФНС России), ФНС России осуществляет функции главного распорядителя средств федерального бюджета, что в соответствии с бюджетным законодательством возлагает на него полномочия выступать в суде от имени РФ в качестве представителя ответчика по искам к РФ о возмещении вреда, причиненного физическому лицу или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов или их должностных лиц, в том числе в результате издания актов органов государственной власти, не соответствующих закону или иному правовому акту (п. 3 ст. 158 БК РФ).

Таким образом, субъектом, возмещающим вред, причинённый налогоплательщикам, плательщикам сборов, налоговым агентам будет государство (Российская Федерация, субъект РФ, муниципальное образование), а соответствующие государственные органы – представителями ответчика в суде.

¹¹ Валетова В.М., Ермаков В.Г. Конституционно-правовые механизмы возмещения государством вреда в результате противоправной деятельности публичной власти [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/16378928> (дата обращения: 15.11.2020).

¹² См.: Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 (ред. от 17.08.2021) «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3961; 2021. № 34. Ст. 6206.

Выражая свою правовую позицию, связанную возмещением вреда гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, Конституционный Суд РФ указал, что «публичный субъект несет обязанность по возмещению вреда, связанного с реализацией публичных функций во всех сферах публичного управления, независимо от возложения ответственности на конкретные органы публичной власти или должностных лиц»¹³.

Что касается источника возмещения вреда, в качестве которого в налоговом законодательстве назван федеральный бюджет, следует иметь в виду, что федеральный бюджет является частью государственной казны РФ (п. 4 ст. 214 ГК РФ), а соответствующая норма носит отсылочный характер.

Независимо от того, к кому предъявлено требование - к самому органу или государству, источником возмещения всегда является казна.

Спорным вопросом в отечественной юридической науке остается вопрос о правовой природе института возмещения вреда государством. Анализ позволяет выделить три основных подхода в этой сфере: частноправовой, или гражданско-правовой (цивилистический), публично-правовой и комплексный (частноправовой и публично-правовой).

По мнению представителей частноправового подхода, ответственность государства является разновидностью гражданско-правовой обязанности возместить вред, при этом не имеет значения сфера его причинения, будь то административное управление или уголовное преследование. Так, О.В. Михайленко отмечает, институт возмещения государством вреда имеет частноправовую природу, так как гражданским законодательством конкретизируется субъективное конституционное право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и должностных лиц, что нашло

¹³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1997 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 6.

свое развитие в ст. 1069–1071 ГК РФ гл. 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда»¹⁴.

Однако стоит отметить, что сторонники частноправового подхода не учитывают «не только публично-правовую сферу причинения вреда в результате осуществления государственно-властных функций и общегосударственное значение восстановления нарушенных конституционных прав и свобод человека и гражданина, но и положения статьи 56 Конституции РФ, в соответствии с которой право на компенсацию государством причиненного ущерба и вреда не подлежит ограничению даже в условиях чрезвычайного положения»¹⁵.

Другая группа авторов является сторонниками публичной природы института возмещения вреда государством¹⁶. В частности, И.А. Андреева, в обоснование публично-правовой природы данного института приводит ряд аргументов, в частности: 1) правосстановительный характер обязанности государства по возмещению вреда; 2) посягательство на конституционный статус человека и гражданина в результате причинения государством вреда и ущерба личности; 3) стороны правоотношений по возмещению государством вреда неравноправны; 4) неудовлетворительное осуществление органами государственной власти (их должностными лицами) своей компетенции обуславливает публично-правовую природу ответственности государства; 5) гражданско-правовой подход не позволяет охватывать случаи возмещения вреда в результате законных действий (решений); 6) возмещение

¹⁴ Михайленко О.В. Имущественная ответственность за вред, причиненный осуществлением публичной власти: теоретические аспекты и проблемы ее реализации на практике. М.: «Волтерс Клувер», 2007. С. 30.

¹⁵ Валетова В.М. Возмещение вреда государством как конституционно-правовой институт // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1 (64). С. 243.

¹⁶ Андреева И.А. Возмещение вреда как конституционно-правовой институт: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С.8; Безлепкин Б.Т. Отраслевая принадлежность института возмещения материального ущерба реабилитированному // Советское государство и право. 1989. № 1. С. 66; Бойцова В.В., Бойцова Л.В. Ответственность государства за действия должностных лиц: Публично-правовая или частноправовая? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1993. № 3. С. 72.

пострадавшему вреда государством гарантируется не только внутренним законодательством Российской Федерации, но и нормами международного права¹⁷.

Соглашаясь с приведёнными доводами, вместе с тем полагаем, что в некоторых случаях вред может быть возмещён только государством как субъектом публично-правовых отношений (речь идёт, например, о предоставлении права репрессированному народу возвратиться на исконное место пребывания; возмещение вреда в результате экологического ущерба; террористического акта). Кроме того, вывод о публично-правовом характере возмещения вреда государством можно сделать из самого факта провозглашения данного права как одного из основополагающих конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Анализ содержания нормы ст. 53 Конституции РФ, закрепляющей право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, демонстрирует неоднозначность её доктринального толкования, обусловленным несовершенством юридической техники при её формулировании. Как отмечается в научной литературе, нормативно-правовое регулирование общественных отношений, возникающих в области возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, разными отраслями права обуславливает смешение правовых институтов разной отраслевой принадлежности и утрату их конституционно-правовой основы»¹⁸. Аналогичные проблемы выделяются и представителями науки административного права¹⁹.

Среди учёных отсутствует единство мнений относительно возможности отнесения права на возмещение государством вреда к числу самостоятельных прав. Так, И.А. Андреева относит право на возмещение вреда к одному из основных прав

¹⁷ См.: Андреева И.А. Указ. соч. С. 7–8.

¹⁸ См.: Валетова В.М. Возмещение вреда государством как конституционно-правовой институт // Учёные записки Орловского государственного университета. 2015. № 1(64). С. 242.

¹⁹ См.: Маскаева И. И. Проблемы возмещения вреда, причиненного действиями (бездействием) или решениями государственных органов и их должностных лиц в рамках административного процесса // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2016. №4. С. 123-147.

и свобод человека и гражданина²⁰. Схожей позиции придерживается и ряд других представителей науки конституционного права²¹.

Вместе с тем, некоторые ученые не считают право на возмещение вреда самостоятельным правом, а рассматривают его как гарантию реализации других конституционных прав. Так, Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов и Н.С. Бондарь считают право на возмещение вреда в качестве гарантии защиты других конституционных прав применительно к случаям нарушения прав и свобод самим государством²². Подобной точки зрения придерживаются Н.В. Витрук, С.М. Шахрай и некоторые другие учёные. Так, С.М. Шахрай право на возмещение государством вреда относит к числу общих гарантий реализации прав и свобод граждан²³, Н.В. Витрук выделяет его в системе юридических гарантий охраны и защиты прав, свобод и обязанностей личности²⁴.

Представляет интерес позиция таких учёных, как С.А. Авакьян, Н.С. Бондарь Н.М. Добрынин, которые рассматривают право на возмещение вреда в качестве права-гарантии. Так, по мнению Н.С. Бондаря, права, направленные на охрану и защиту прав, предназначенных для пользования определёнными социальными благами, как в личных, так и в общественных интересах, выступают как права-гарантии, то есть выполняют гарантирующие функции по отношению к другим правам и свободам²⁵.

²⁰ *Андреева И.А.* Возмещение вреда как конституционно-правовой институт: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 7.

²¹ См., напр.: *Лазарев Л.В.* Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: Городец, Формула права, 2003; *Валетова В.М.* Возмещение вреда государством как конституционно-правовой институт // Учёные записки Орловского государственного университета. 2015. № 1(64). С. 239–244 и др.

²² См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. С. 494.

²³ *Шахрай С.М.* Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017. 624 с.

²⁴ *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008.

²⁵ *Бондарь Н.С.* Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. Ростов н/Д, 1996. С. 179–182.

По мнению С.А. Авакьяна, устанавливая право на возмещение ущерба, государство, по сути, заявляет о гарантии, что государственные органы и их должностные лица будут действовать в соответствии с законом, в случае же нарушения закона, причиняемый вред будет возмещён, а виновные лица наказаны. В связи с чем, по мнению автора, в ст. 53 Конституции РФ просматривается принцип ответственности государства за действия (бездействие) своих органов и должностных лиц²⁶.

При этом, обосновывая новый подход к классификации, С.А. Авакьян выделяет права, которые служат для обеспечения всех иных основных прав и свобод личности²⁷. Представляется, что к этой группе и относится право на возмещение государством ущерба, которое вполне можно отнести к праву, выполняющему функцию гарантии реализации других прав.

Предлагая классификацию прав в зависимости от сферы жизнедеятельности, в которой личность реализует свои права, Н.М. Добрынин в числе прав в сфере использования различных форм реализации и защиты нарушенных или оспариваемых называет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц²⁸. При этом автор отмечает, что данная группа прав в силу своего содержания призвана создать индивиду условия для деятельности, связанной с надлежащей и эффективной защитой его прав, свобод и законных интересов, которые оспорены или нарушены. Подобный подход, исходя из приведённого автором критерия, также демонстрирует, что автор относит право на возмещение государством вреда к гарантиям реализации других конституционных прав.

Таким образом, можно сделать вывод, что право на возмещение государством вреда ущерба является самостоятельным конституционным правом, которое

²⁶ Авакьян С.А. Конституционное право России. Т. 1. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 799.

²⁷ Там же. С. 661.

²⁸ См.: Добрынин Н.М. Конституционное (государственное) право Российской Федерации. Современная версия новейшей истории государства. Учебник. В 2 т. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2015, С. 494.

выступает как право-гарантия, по отношению к другим конституционным правам и свободам.

В конституционном праве гарантии определяются в качестве условий и способов, позволяющих беспрепятственно реализовывать правовые нормы, пользоваться субъективными правами, исполнять юридические обязанности²⁹. Расширительно понимая гарантии, С.В. Колобова утверждает, что гарантии – есть обязанность государства³⁰. В этом смысле взаимосвязь прав и гарантий очень точно выразил М.В. Баглай, утверждая, что «Каждое право только тогда может быть реализовано, когда ему соответствует чья-то обязанность, применительно к конституционным правам и свободам – это обязанность государства»³¹.

Разграничивая права и гарантии, следует отметить, что гарантии отличаются от прав тем, что это не сами права, а условия и средства, предназначенные обеспечить правам признание, осуществление и защиту³², соответственно они лишены характерных особенностей, присущих субъективным конституционным правам.

Примечательно, что судебная практика исходит из того, что конституционное право на полное возмещение государством вреда относится к *числу прав человека и гражданина*³³. Так, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, конкретизация права на возмещение вреда возможно при воспроизведении его в нормах отраслевого законодательства с учетом специфики регулируемых общественных отношений. Вместе с тем, Конституционный Суд РФ признал недопустимым установление ограничений полного возмещения ущерба для граждан, чьи

²⁹ Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. – 7-е изд. Спб.: Питер, 2006. С. 463.

³⁰ См.: Колобова С.В. Защита конституционных прав граждан Российской Федерации в сфере труда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2001. С. 22.

³¹ См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1998. С. 246.

³² Арановский К.Ю., Князев С.Д., Хохлов Е.Б. О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 61-91.

³³ Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России (постатейный) / Л.В. Лазарев, Т.Г. Морщакова, Б.А. Страшун и др. М.: Институт права и публичной политики, 2005. 670 с. [Электронный ресурс]. Доступ из Справ. правовой системы «Консультант-Плюс».

права и свободы были нарушены незаконными действиями государственных органов и должностных лиц³⁴.

По справедливому утверждению И.Е. Фарбера, «конституционные права – подлинно субъективные права»³⁵. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость выделения составляющих его правомочий. В научной литературе отмечается, что любое конституционное право, помимо закрепления в Конституции РФ, представляет собой гарантированную государством возможность «созидать и пользоваться предоставленными ему (человеку) социальными благами как в личных, так и в общественных интересах»³⁶. Исходя из данного определения, реализация какого-либо конституционного права связана с возможностью использования того или иного социального блага.

Наряду с правомочием пользования тем или иным социальным благом, в составе субъективного права выделяют такие три правомочия, как: 1) право на положительные активные действия управомоченного лица; 2) право требования соответствующего поведения от обязанного лица; 3) право на обращение за защитой к компетентным государственным органам³⁷.

И здесь важно подчеркнуть, что право на возмещение государством вреда не дает каких-то новых социальных благ, а позволяет получить возмещение в случае нарушения иных конституционных прав, следовательно, по своей сути является обеспечивающим правом, носит при этом компенсационный характер. Так, по мне-

³⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1993 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1993. № 2-3.

³⁵ Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974. С. 78.

³⁶ Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972. С. 35.

³⁷ Малько А.В. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения / А.В. Малько, В.В. Субочев, А.М. Ширяев. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 11.

нию Н.С. Бондаря, права, направленные на охрану и защиту других социально-экономических прав и свобод человека и гражданина, отличается тем, что они не связаны с пользованием определёнными социальными благами³⁸.

Следует отметить, что вопрос, касающийся такого правомочия субъективного права, как возможность пользоваться определённым социальным благом, является предметом научной дискуссии и не получила однозначной поддержки. Представляет интерес точка зрения Л.А. Пустобаевой, по мнению которой указанная возможность не может быть определена в качестве самостоятельного правомочия, поскольку все иные правомочия направлены на пользование социальными благами³⁹. Полагаем, что субъективное право – благо само по себе, и как верно отмечает М.С. Строгович, будет неверным смешивать разные аспекты понятия субъективного права: структурный анализ его содержания и определение его социальной значимости⁴⁰.

Обоснование самостоятельного характера права на возмещение государством вреда обуславливает необходимость обратиться к понятию субъективного конституционного права и выявить его содержание.

Данный вопрос достаточно широко исследован в отечественной правовой науке, что позволяет условно выделить две концепции *субъективного права*. Представители первого направления, под субъективным правом понимают дозволенное поведение управомоченного субъекта⁴¹. Представители второго направления рассматривают субъективное право в качестве средства регулирования поведения

³⁸ Бондарь Н.С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. Ростов н/Д, 1996. С. 179–182.

³⁹ Пустобаева Л.А. О понятии субъективного права // Правоведение. 1984. № 3. С. 49.

⁴⁰ Строгович М.С. Социалистическое право и личность // Проблемы советского социалистического государства и права в современный период. М., 1981. С. 224.

⁴¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М., 1981. С. 118; Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1949. № 8. С. 33–35; Спиридонов Л.И. Теория государства и права: учебник. М., 1996. С. 99; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 249–250; Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М., 2001. С. 641; Абдулаев М.И. Теория государства и права. СПб., 2003. С. 194; и др.

субъектов. В данном аспекте субъективное право определяется в качестве возможности управомоченного лица требовать от обязанных лиц совершения определённых действий либо воздержания от их совершения⁴².

Вместе с тем, традиционно субъективное право определяется как принадлежность права конкретному субъекту, является видом и мерой возможного поведения, особой юридической возможностью действовать в соответствии с нормами объективного права, а также требовать соответствующего поведения от других лиц, в случае необходимости обращаться к компетентным органам государства за защитой⁴³.

В отечественной теории права доминирует представление о субъективном праве как о праве, характеризующемся следующими признаками:

- 1) наличие субъекта, которому это право принадлежит;
- 2) волевой момент, который выражается в наличии выбора модели возможного поведения указанного субъекта;
- 3) субъективное право всегда имеет определенное содержание.

Проанализируем признаки субъективного права применительно к праву на возмещение государством вреда.

1) Прежде всего, следует выяснить, кто же является *субъектом реализации данного права*. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на то, что правовая доктрина использует термины «человек», «гражданин», «личность», «физическое лицо», а глава 2 Конституции РФ называется «Права и свободы человека и гражданина», в качестве субъекта права на возмещение государством вреда называется «каждый».

Общеизвестно, что «права человека» являются исходными и проистекают из естественного права, присущи всем людям от рождения, являются наиболее общими, основными, обеспечивающими нормальное существование человека. В

⁴² См.: *Иоффе О.С.* Избранные труды: в 4 т. Т. 1. С-Пб., 2003. С. 83, 88; *Вильнянский С.И.* Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков, 1958. С. 78–79.

⁴³ См.: *Южанин Н.В.* Реализация субъективного права на защиту посредством односторонних правоохранительных мер // Юрист. 2013. № 15. С. 42.

свою очередь, «права гражданина» закрепляются за лицом только в силу его принадлежности к государству, в их основу положен принцип гражданства. Исходя из этого, адресатом права на возмещение вреда, является как человек, так и гражданин.

Необходимо отметить, что в настоящее время разделение прав человека и прав гражданина всё более утрачивает смысл, поскольку, как писал Н.И. Матузов, прирождённые права человека давно признаны развитыми демократическими государствами и выступают одновременно в качестве и прав гражданина⁴⁴. Да и в целом, по мнению Е.И. Фарбера, «между правами человека, гражданина и лица нет абсолютной грани»⁴⁵.

Учитывая, что в Гражданском кодексе РФ законодателем конкретизирован конституционный термин «каждый» (ст. 53 Конституции РФ), субъектом возмещения вреда являются не только физические лица (граждане РФ, иностранные граждане, лицам без гражданства), но и юридические лица (ст. 1069 ГК РФ), которым также предоставляется правомочие требовать возмещения вреда.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно рассматривал дела о нарушении конституционных прав юридических лиц⁴⁶, общественных объединений⁴⁷, политических партий⁴⁸ и т.п. Коллективные субъекты права, безусловно, могут быть самостоятельным носителем конституционных прав, в том

⁴⁴ Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юрист, 1997. С. 258.

⁴⁵ Фарбер Е.И. Свободы и права человека в Советском Союзе. Саратов, 1974. С. 42.

⁴⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 N 4-О «По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-Кокс») на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 части второй статьи 38 и частью одиннадцатой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 18.11.2004 N 356-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы региональной общественной организации вкладчиков «Объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод частью девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2018 N 42-П «По делу о проверке конституционности части 15 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой регионального отделения политической партии «Справедливая Россия» в городе Санкт-Петербурге» // СЗ РФ. 2018. № 48. - Ст. 7491.

числе, и права на возмещение государством вреда, причиненного действиями органов государственной власти и должностных лиц. Причем, учитывая, что указанные субъекты обладают собственной (специальной) правосубъектностью, подобное право принадлежит непосредственно юридическому лицу, общественному объединению или политической партии, а не их учредителям, членам или представителям.

Сложнее обстоит дело с «неформализованными» коллективными субъектами конституционно-правовых отношений. «Неформализованные коллективные субъекты права представляют собой естественно сложившиеся общности людей, не обладающие официально закрепленным статусом. К таковым следует отнести народы, нации, меньшинства и т. п.»⁴⁹. Д.С. Велиева отмечает, что, как правило, такие субъекты действительно могут реализовать свои права через своих представителей, однако, носителем права, в интересах которого осуществляется правоотношение является непосредственно сам коллективный субъект. Это, разумеется, не отрицает того факта, что члены или представители такого коллективного субъекта могут обладать специальными правами, вытекающими из факта принадлежности к данному коллективному субъекту. В этом смысле, например, необходимо различать права малочисленных народов (ст. 8 Федерального закона от 30.04.1999 N 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации») и права лиц, относящихся к коренным малочисленным народам (ст. 9 того же Закона).

Как нам представляется подобное же разграничение уместно и в отношении права на возмещение государством вреда, причиненного органами государственной власти и должностными лицами. Так, например, статья 7 Закона РСФСР от 26.04.1991 № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» предусматривает реабилитацию репрессированных народов, ранее имевших свои незаконно упраздненные национально - государственные образования, в виде восстановления этих образований. Данное право не может принадлежать отдельным лицам из числа

⁴⁹ Велиева Д.С. Конституционная правосубъектность народов Российской Федерации в контексте демократического государства // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 17-20.

репрессированных народов, а только народу в целом как субъекту конституционно-правовых отношений.

В частности, Конституционным Судом Российской Федерации рассматривалось дело о праве репрессированного народа на восстановление территориальной целостности⁵⁰. В данном Определении Конституционный Суд в числе прочего отметил, что территориальная реабилитация репрессированных народов осуществляется на основе их волеизъявления, при соблюдении требования об учете прав и законных интересов всех граждан, проживающих на соответствующей территории. Характерно, что и поводом к рассмотрению данного дела был запрос Парламента Республики Северная Осетия - Алания, т.е. представительного органа народа.

В случае если речь идёт о возмещении вреда репрессированным народам⁵¹, потерпевшим, наделённым особым статусом, являющимся субъектом реализации права на возмещение государством вреда может являться целый народ или социальная общность.

2) *Волевой момент* права на возмещение государством вреда находит своё выражение в инициативе обращения лица, чьи права или свободы нарушены, в соответствующий суд за защитой.

3) *Содержание права* на возмещение государством вреда, нормативно закреплённого ст. 53 Конституции РФ, заключается в субъективном праве каждого требовать от государства возмещения вреда, причиненного незаконными деяниями органов государственной власти и их должностных лиц. Данному праву корреспондирует конституционная обязанность государства в случае нарушения органами

⁵⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 01.12.2005 N 365-О «По запросу Парламента Республики Северная Осетия - Алания о проверке соответствия Конституции Российской Федерации положений статей 3 и 6 Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» // СЗ РФ. 2006. № 5. - Ст. 634.

⁵¹ См.: Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 (ред. от 01.07.1993) «О реабилитации репрессированных народов» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 18. Ст. 572.

публичной власти и их должностными лицами охраняемых законом прав обеспечивать потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ)⁵².

При этом в научной литературе указывается на сложность фактической реализации права на возмещение государством вреда ввиду причин, носящих нормативно-правовой характер»⁵³. К примеру, в федеральном законе о бюджете законодатель неоднократно, в нарушение Конституции РФ, возлагал на Правительство РФ полномочие, которое является исключительной прерогативой федерального законодателя, – регулирование исполнения судебных решений по искам к Российской Федерации⁵⁴.

Содержание субъективного права есть многоплановое понятие, требующее раскрытия его структуры. По мнению М.И. Матузова, ключевым элементом структуры субъективного права являются конкретные юридические возможности, притязания, правомочия, которые предоставляются и гарантируются субъекту, и их взаимосвязь⁵⁵. Общепризнанная структура субъективного права в настоящее время включает в себя такие элементы как: 1) право-поведение; 2) право-требование; 3) право-притязание; 4) право-пользование⁵⁶.

⁵² Постановление Конституционного Суда РФ от 8 июня 2015 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 256 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.И. Романовой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 5.

⁵³ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с. [Электронный ресурс]. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵⁴ См., напр.: ст. 122 Федерального закона от 24 декабря 2002 г. № 176-ФЗ (ред. от 10.11.2004) «О федеральном бюджете на 2003 года» // СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5132; 2004. № 46 (ч. 1). Ст. 4491; ст. 135 Федерального закона от 23 декабря 2003 г. № 186-ФЗ (ред. от 10.11.2004) «О федеральном бюджете на 2004 год» // СЗ РФ. 2003. № 52 (ч. 1). Ст. 5038; СЗ РФ. 2004. № 46 (ч. 1). Ст. 4491 и др.

⁵⁵ См.: Матузов Н.И. Теоретические проблемы субъективного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1973. С. 18.

⁵⁶ См.: Общая теория прав человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1996. С. 35; Матузов Н.И. Теория и практика прав человека в России // Известия ВУЗов. Правоведение. 1998. №. 4. С. 26; Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Теория государства и права: учебник. М.: Эксмо, 2005. с. 398 и др.

Проанализируем данные элементы структуры субъективного права применительно к конституционному праву на возмещение государством вреда.

Известно, что *право-поведение* – юридическая возможность совершать юридически значимые активные действия. Данное правомочие касается самого потерпевшего, которому причинён вред, при этом его реализация не нуждается в активном содействии каких-либо других лиц. Необходимый эффект данной юридической возможности в структуре права на возмещение государством вреда достигается фактической деятельностью потерпевшего путём обращения в судебном порядке по правилам гражданского и уголовного судопроизводства в целях полного восстановления нарушенных прав.

Таким образом, данное правомочие заключается в активных действиях, непосредственно направленных на достижение юридического результата, есть гарантия обеспечения и восстановления политических, культурных, социальных и иных прав, предусмотренных Конституцией РФ и другими формальными источниками права.

Право-требование – возможность требовать от государства (обязанного лица) определённого поведения, заключающегося:

- а) в обеспечении восстановления в нарушенных конституционных правах;
- б) в возмещении причиненного материального вреда в полном объеме и в процедурах, максимально отвечающих интересам пострадавших⁵⁷;
- в) в справедливой компенсации морального вреда, причиненного такими действиями (или бездействием), на что неоднократно указывал Конституционный Суд РФ в своих решениях⁵⁸.

⁵⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2011 года «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Денисенко Людмилы Ивановны на нарушение ее конституционных прав статьями 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из Справ. правовой системы «Консультант-Плюс».

⁵⁸ Определения Конституционного Суда РФ: от 16 октября 2001 года № 252-О, от 3 июля 2008 года № 734-О-П, от 4 июня 2009 года № 1005-О-О, от 24 января 2013 года № 125-О. [Электронный ресурс]. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, например, требование жертв политических репрессий заключается в их реабилитации, содержанием которой является:

- восстановление в утраченных ими в связи с репрессиями социально-политических и гражданских правах, воинских и специальных званий,
- возвращение государственных наград,
- предоставление мер социальной поддержки,
- выплата компенсаций в порядке, устанавливаемом федеральным и региональным законодательством.

Право-притязание, входящее в состав субъективного права, определяется в теории права как правомочие, выраженное в возможности привести в действие аппарат государственного принуждения против обязанного лица⁵⁹, по сути, оно является продолжением права-требования.

Так, например, в Законе РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» отсутствуют положения, предусматривающие выплату компенсации морального вреда, реабилитированным лицам, что вынуждает граждан, получив отказ, использовать право-притязание – возможность в случае необходимости обратиться Европейский суд по правам человека для принудительного осуществления своих требований. Представляется, что конституционное право на возмещение вреда не должно подлежать ограничению, связи с этим назрела необходимость коренным образом переработать закон «О реабилитации жертв политических репрессий», дополнив его положениями, устанавливающими особенности расчета физического и морального вреда, причинённого репрессированным гражданам. Право-требование включает возможность обращаться в иные международные организации, например, в Комиссия по правам человека ООН, в Европейский Суд по правам человека. О случаях нарушения права на возмещение государством вреда свидетельствуют жалобы, в частности, в Европейский Суд по правам человека, касающиеся случаев,

⁵⁹ Алексеев С.С. Общая теория права. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 366.

когда выплаты, осуществление которых предусматривалось за счет казны Российской Федерации, были произведены несвоевременно либо вообще не производились⁶⁰.

Право-пользование – право управомоченного лица пользоваться социальными благами, обладание наиболее ценными благами личности, без которых она не может существовать. К таким благам относятся право собственности и неимущественные права: жизнь, здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, и т.п.⁶¹.

М.С. Строгович подчёркивал важность данной юридической возможности, утверждая, что в ней проявляется подлинная сущность субъективных прав и именно в этом особенно наглядно видно основное направление развития прав граждан в условиях правовой действительности⁶².

Однако сложно согласиться с тем, что каждое из субъективных конституционных прав должно включаться все четыре правомочия. Наиболее убедительным является мнение Н.И. Матузова, что «правомочия – это дробные части субъективного права, у разных прав их больше или меньше...»⁶³. При этом, как мы уже отмечали, обеспечивающий характер права на возмещение государством вреда, отнесение его к правам-гарантиям, не наделяет его субъектов возможностью получения новых социальных благ, а позволяет получить возмещение в случае нарушения иных конституционных прав.

Таким образом, на основании изложенного, дефиниция «право на возмещение государством вреда» может употребляться в двух значениях. С одной стороны - как закрепленное в Конституции Российской Федерации субъективное право человека и гражданина, юридических лиц или целого народа на возмещение государ-

⁶⁰ См.: Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2007. № 9 (18).

⁶¹ См.: ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2021. № 29. Ст. 5751.

⁶² См.: *Строгович М.С.* Социалистическое право и права личности // Проблемы советского государства и права в современный период. М., 1969. С. 226.

⁶³ *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 89.

ством вреда, причинённого в незаконными действиями (или бездействием) государственных органов, органов местного самоуправления или их должностных лиц либо изданием не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, а в случаях, предусмотренных специальными законами – в результате их правомерных действий, одновременно являющееся гарантией реализации других конституционных прав.

С другой стороны, право на возмещение государством вреда может рассматриваться как комплексный правовой институт, состоящий из объединенных общими принципами норм конституционного, международного, гражданского, налогового, уголовно-процессуального, административного и других отраслей права.

Особенностями субъективного конституционного права на возмещение государством вреда является:

1. Рассмотрение его в контексте юридической ответственности государства или в контексте защиты в прямо указанных в законах случаях, связанных с обстоятельствами исключительного (чрезвычайного) характера.

2. Субъектом реализации данного права являются: физические лица; юридические лица; а в случае возмещении вреда репрессированным народам – народ или социальная общность.

3. Несовпадение субъекта - причинителя вреда (государственный орган, орган местного самоуправления, должностное лицо, а в предусмотренных законами случаях – третьи лица) и субъекта, возмещающего причинённый вред (Российская Федерация, субъект РФ, муниципальное образование).

Содержание субъективного конституционного права на возмещение государством вреда можно представить в совокупности следующих правомочий: 1) возможность обращения в судебном порядке по правилам гражданского и уголовного судопроизводства в целях полного восстановления нарушенных прав; 2) возможность требовать от государства как обязанного лица определённого поведения, заключающегося: в обеспечении восстановления в нарушенных конституционных правах; в возмещении причиненного материального вреда в полном объеме; в справедливой компенсации морального вреда; 3) возможность в случае необходимости

обратиться в международные организации для принудительного осуществления своих требований. Поскольку право на возмещение государством вреда выступает как право-гарантия, то есть выполняющее гарантирующую функцию по отношению к другим правам и свободам, это не позволяет выделить в структуре данного субъективного права возможность получения новых социальных благ.

Реализацию субъективного конституционного права на возмещение государством вреда обеспечивают внутригосударственные (конституционные) и международные гарантии.

1.2. Место и роль конституционного права на возмещение государством вреда в системе конституционных прав и свобод

В предыдущем параграфе диссертационного исследования было обосновано, что право на возмещение государством вреда является именно субъективным конституционным правом, а не правомочием, гарантией других прав и т.п. В качестве такового оно занимает определенное место в системе других конституционных прав и свобод. Указанный вопрос распадается на два направления:

- а) место конституционного права на возмещение государством вреда в системе различных конституционных прав и свобод;
- б) взаимодействие конституционного права на возмещение государством вреда с другими конституционными правами.

Обращаясь к первому направлению, прежде всего, отметим, что в российской правовой науке существуют самые различные классификации прав человека. Так, к примеру, Д.И. Луковская насчитывает более 10 критериев их классификации. Некоторые из них отражают официальные, т.е. закрепленные законодательно, разграничения прав, другие – исключительно доктринальные⁶⁴. Но в любом случае такое разнообразие является вполне допустимым и даже целесообразным. Как отмечал в

⁶⁴ Луковская Д.И. Классификация прав и свобод человека и гражданина // История государства и права. 2007. № 15. С. 2-4.

связи с этим известный отечественный конституционалист Л.Д. Воеводин «классификаций прав и обязанностей должно быть много, т.к. даже весьма совершенная классификация прав и обязанностей не исключает, а предполагает другие виды классификации, и отсюда было бы ошибкой настаивать на универсальном характере той или иной классификации прав или прав и обязанностей и отвергать другие виды»⁶⁵.

В первую очередь, на наш взгляд, имеет смысл обратиться к классификациям, непосредственно вытекающим из текста Конституции Российской Федерации. И здесь, конечно, в первую очередь, можно вспомнить, что в конституционно-правовой науке права и свободы человека и гражданина подразделяются на права, прямо сформулированные в Конституции Российской Федерации; и права, вытекающие из ее норм. Конституционное право на возмещение государством вреда прямо указано в тексте российской конституции, соответственно, оно относится к первой группе.

Обращаясь к правам, прямо указанным в тексте конституции, обратим внимание, что глава 2 Конституции Российской Федерации именуется: «Права и свободы человека и гражданина». Из этого уже логично вытекает, что все признаваемые и гарантируемые в Российской Федерации права подразделяются на права человека и права гражданина. Данное разделение прав личности, впервые закрепленное во французской Декларации прав человека и гражданина, обусловлено дуализмом ее правового статуса, которая выступает в соответствующих сферах либо как человек, либо как гражданин: личность выступает как человек в сфере экономической (гражданское общество) и как гражданин - в сфере политической (политическая общность)⁶⁶.

В настоящее время, несмотря на то, что в международно-правовых актах дефиниции «права человека», «права гражданина», «права личности», как правило,

⁶⁵ Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1970. С. 238.

⁶⁶ Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для вузов. 17-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2013. [Электронный ресурс]. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

имеют одно и то же значение⁶⁷, в отечественной конституционно-правовой науке они чаще разграничиваются. При этом в юридической литературе проблема соотношения прав человека и прав гражданина решалась неоднозначно, причем расхождения порой были весьма значительны⁶⁸. Так, ряд специалистов, справедливо указывая, что права человека суть общесоциальная категория, они представляют собой социальные возможности и необходимости, приходят к выводу, что права человека – те права, которые существуют еще до государственного их признания; в то время как права гражданина - это такие права человека, которые находятся под охраной и защитой государства⁶⁹. Исходя из этой позиции, конституционное право на возмещение государством вреда относится именно к правам гражданина, поскольку оно полностью и непосредственно зависит от его признания и гарантирования государством.

Однако есть и другое мнение, в рамках которого разграничение между правами человека и правами гражданина производится исключительно по субъектному составу правообладателей. Соответственно, под правами человека понимаются права и свободы, присущие всем людям независимо от гражданства, вытекающие из естественного права, принадлежащие любому человеку в любое время в силу факта его рождения, его принадлежности к биологическим созданиям, считающимся людьми. Эти права неотчуждаемы⁷⁰. Права же гражданина принадлежат только тем лицам, которые состоят в гражданстве данного государства. В демократических государствах большая часть конституционных прав - это права человека.

⁶⁷ Алексеева И.С., Валяровский Ф.И. Теоретические аспекты реализации прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2017. № 1. С. 8.

⁶⁸ Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017. 624 с. [Электронный ресурс]. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶⁹ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. [Электронный ресурс]. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷⁰ Маклаков В.В. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 163.

Правами гражданина являются в основном политические права и отдельные права других видов⁷¹.

Конституция Российской Федерации, говоря во второй главе о правах человека и гражданина, в то же время четко называет их обладателей – субъектов: «граждане Российской Федерации» (ст. 31-33, 36 и др.) либо «каждый» (ст. 20-23, 26-30 и др.). Вполне очевидно, что во втором случае речь идет как о гражданах Российской Федерации, так и об иных лицах, не являющихся таковыми. Соответственно, здесь в основу отделения прав человека от прав гражданина положен второй критерий.

Статья 53 Конституции Российской Федерации, закрепляющая конституционное право на возмещение государством вреда, использует применительно к данному праву категорию «каждый», то есть, правом на возмещение вреда могут воспользоваться как граждане Российской Федерации, так и иностранцы и лица без гражданства. Соответственно, рассматриваемое право следует отнести к правам человека.

Вообще, анализ именно субъектного состава правообладателей, называемых во второй статье Конституции Российской Федерации, позволяет выделить еще несколько классификаций прав и свобод. Так, Л.Д. Воеводин предложил разделять права человека и гражданина на общие и специальные. Различие между ними проводится по тому критерию, что общие права присущи всем людям исключения, в то время как специальные права характеризуют конституционно-правовой статус лишь отдельных категорий (матерей, несовершеннолетних, социально незащищенных граждан и др.)⁷². Обычно такого рода права уточняют, дополняют общие права и свободы личности, устанавливают обоснованные льготы и преимущества. Иногда

⁷¹ Преснякова А.В. Право на неприкосновенность частной жизни в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 8. С. 18.

⁷² Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М.: Норма, 1997. С. 105.

они ориентированы принципиально на правоохрану⁷³. Вполне очевидно, что конституционное право на возмещение государством вреда относится к общим правам.

Также, исходя из субъектного состава, в научной литературе выделяется классификация прав и свобод человека и гражданина по субъекту осуществления прав. По этому критерию принято разграничивать права индивидуальные (к примеру, право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 29)); и коллективные (солидаристские) - обладание и пользование которыми возможно только коллективно (право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования (ст. 31)), включая права народов⁷⁴. «Коллективность» этих прав обуславливается тем, что они принадлежат и могут осуществляться уже не конкретным индивидом, а целыми народами, нациями и т.д. С этой позиции конституционное право на возмещение государством вреда, хотя в большинстве случаев и выступает индивидуальным правом, но может проявлять себя как коллективное право. Например, это относится к праву на реабилитацию репрессированного народа.

Наконец, еще одна классификация прав, напрямую вытекающая из содержания Конституции Российской Федерации, подразделяет их на абсолютные и относительные. Абсолютными в науке конституционного права именуются права, не подлежащие ограничениям ни при каких обстоятельствах. В части 3 ст. 56 Конституции РФ установлены так называемые абсолютные права и свободы, которые «не подлежат ограничению» - права и свободы, предусмотренные ст. 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46 - 54⁷⁵. Поскольку в данном случае все определено непосредственно конституционным текстом, можно констатировать, что конституционное право на возмещение государством вреда является абсолютным правом.

⁷³ Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. СПб., 2002. С. 96 - 97.

⁷⁴ Бахин С.В. О классификации прав человека, провозглашенных в международных соглашениях // Правоведение. 1991. № 2. С. 44 - 45.

⁷⁵ Шустров Д.Г. Иерархия конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 6 - 15; Варламова Н. Классификация прав человека: подходы к проблеме // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4. С. 155 - 156; и др.

Следующая классификация прав и свобод человека и гражданина напрямую из текста Конституции Российской Федерации не вытекает. Тем не менее, она является, пожалуй, самой известной и наиболее часто используемой в научной и учебной литературе. Речь идет о разделении прав и свобод человека и гражданина в зависимости от сфер их реализации. Правовой основой ее выступают принятые в 1966 году Генеральной Ассамблеей ООН два международных пакта – о гражданских и политических правах⁷⁶ и об экономических, социальных и культурных правах⁷⁷. Вполне логично, что по данному критерию, права и свободы, как правило, подразделяются на пять групп: личные (гражданские), политические, экономические, социальные и культурные права⁷⁸.

Обратившись к тексту главы 2 Конституции Российской Федерации (в основу которой были положены те же пакты), несложно заметить, что эти права расположены в ней примерно в таком порядке. Так, ст. 20-27 закрепляют личные права, ст. 28-33 – политические, ст. 34-37 – экономические, ст. 38-41 и 43 – социальные, ст. 44 – культурные. Вместе с тем, такой порядок соблюдается не абсолютно точно. При этом, разумеется, необходимо понимать, что данная классификация прав и свобод человека и гражданина является в определенной степени условной. Как верно указывает М.В. Баглай разграничение любых прав, а также свобод на личные, социальные, политические и иные очень условно, так как отдельные права по своей сути и направленности одновременно могут относиться не к одной, а сразу к не-

⁷⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

⁷⁷ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

⁷⁸ *Шахрай С.М.* Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017. 624 с.; *Иванов Г.И.* Права человека: Учебное пособие / Под ред. М.Ф. Чудакова. Приложение. М., 2004. С. 154 – 157; и др.

скольким группам. При этом, все права и свободы являются неразделимыми и взаимосвязанными между собой, в связи с чем любая из существующих классификаций имеет относительный и субъективный характер⁷⁹.

Вполне логично, что на этом фоне классическая пятизвенная модель прав и свобод подвергается различной критике. Так, из приведенного выше перечня выпадает ст. 42, закрепляющая право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Данное право явно не может быть отнесено к социальным правам. Некоторые специалисты относят их к правам личным⁸⁰; другие – выделяют в отдельную группу экологических прав⁸¹.

Также не все специалисты разделяют социальные и экономические права, многие относят их к одной группе прав – социально-экономических⁸². Ряд ученых, напротив, подразделяют социально-экономические права не на две группы – социальные и экономические, а на большее количество. К примеру, Н.С. Бондарь представляет социально-экономические права в виде системного единства (совокупности) следующих групп прав: а) рыночно-экономические права и свободы, обеспечивающие свободу предпринимательской деятельности и иных форм экономической, трудовой деятельности; б) социально-культурные права и свободы, способствующие духовному развитию граждан; в) социальные права, гарантирующие человеку достойную жизнь, защиту от негативных воздействий рынка; г) социальные

⁷⁹ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. С. 166 - 167.

⁸⁰ См. напр.: Пяткина С. Вступление к гл. 2 // Комментарий к Конституции РФ / Под ред. А.А. Окунькова. М., 1996; Князькин А.Д. Особенности компенсации морального вреда, причиненного экологическими правонарушениями // Экологическое право. 2013. № 4. С. 14.

⁸¹ См., напр.: Велиева Д.С. Понятие конституционных экологических прав и их значение в системе действующего правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 75; Назарова И.С. Экологические права личности: конституционно-правовое преломление // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 9. С. 10-13.

⁸² См.: напр.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М., 1998. С. 235; Грачев Н.А. О видах и месте конституционных экономических прав и свобод человека и гражданина в системе прав и свобод // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 8; и др.

права-гарантии, обеспечивающие нормальное физиологическое развитие личности⁸³. Также по мнению И.Н. Иковой, «между тем социальные и экономические права обладают различным материально-правовым содержанием»⁸⁴.

Представляется, что в рамках настоящей диссертации нет необходимости подробно останавливаться на данных дискуссионных моментах. Поэтому лишь отметим, что рассматриваемое в рамках настоящей диссертации конституционное право на возмещение государством вреда вполне очевидно не является культурным или экологическим. Никак нельзя отнести его и к политическим, поскольку они «описывают правомочия, позволяющие гражданам участвовать в формировании и осуществлении государственной власти»⁸⁵. Реализуя конституционное право на возмещение государством вреда, гражданин, безусловно, взаимодействует с органами государственной власти, однако считать его действия формированием и (или) осуществлением государственной власти достаточно сложно (во всяком случае, напрямую).

Конституционное право на возмещение государством вреда имеет определенные точки пересечения с экономическими правами в том смысле, что, как правило, связано с реализацией имущественных отношений (возмещение государством вреда осуществляется чаще всего путем выплат гражданам, пострадавшим от незаконных действий органов государственной власти и их должностных лиц). Однако возмещение может осуществляться и иными способами, например, применительно к жертвам политических репрессий – путем восстановления их в гражданстве, возврате государственных наград и т.п.; если речь идет о реабилитации репрессированных народов, здесь используются такие меры как восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики

⁸³ Бондарь Н.С. Права человека и Конституция РФ. Ростов-на-Дону, 1998. С. 186.

⁸⁴ Плотникова И.Н. Система экономических прав и свобод человека и гражданина: проблемы классификации и содержания // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 41.

⁸⁵ Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017. 624 с.

насильственного перекраивания границ, на восстановление национально - государственных образований, сложившихся до их упразднения, возвращение в места традиционного проживания и др.

Экономические права граждан «возникают в результате осуществления гражданами экономической деятельности, а также в связи с полномочиями органов государственной власти и местного самоуправления, направленными на защиту и реализацию указанных прав, а также на контроль за их осуществлением»⁸⁶. Рассматриваемое конституционное право на возмещение государством вреда не касается собственно экономической деятельности и, хотя и направлено на защиту нарушенных прав, однако не в данной сфере.

Достаточно сложным видится разграничение конституционное право на возмещение государством вреда с социальными правами. Как отмечает К.Б. Бароцкая, «социальные права имеют совершенно иную природу и иные механизмы защиты, чем гражданские и политические. Для реализации социальных прав недостаточно просто воздерживаться от вмешательства в данную сферу: их реализация предполагает активную роль государства в обеспечении гражданам достойного уровня жизни и ряда иных благ»⁸⁷. Сказанное в определенной степени характеризует и конституционное право на возмещение государством вреда.

Более того, по мнению Г.А. Трофимовой, «сущность социальных прав состоит во взаимодействии, с одной стороны, индивида, в частности гражданина конкретного государства, с другой стороны, сообщества граждан как большой общей семьи, где должна в силу морально-нравственных устоев проявляться: забота о нуждающихся в помощи; поощрение тех, кто создал что-то на общее благо; *компенсация потерь тем, чьи права были ущемлены в результате неправомерных действий представителей государственного аппарата* (при невозможности компенсации непосредственно со стороны этих лиц); а также правомерных действий таких

⁸⁶ Соловьев А.А. Экономические права граждан Российской Федерации: понятие и виды // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. N 12. С. 3.

⁸⁷ Бароцкая К.Б. Конституционное право на социальное обеспечение в системе прав человека и гражданина: Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 20.

лиц, повлекших за собой причинение вреда, так называемого риска управления»⁸⁸. Таким образом, по мнению данного специалиста, конституционное право на возмещение государством вреда относится именно к социальным правам.

Мы, однако, не можем в полной мере согласиться с приведенной выше точкой зрения. «Понятие «социальный» означает связь человека с обществом и затрагивает их взаимоотношения, подразумевает комплекс социальных благ, предоставляемых человеку и гражданину государством, которое берет на себя ответственность за его жизнь в обществе»⁸⁹. Иными словами, социальные права в современном обществе носят, в первую очередь, гарантирующий характер, призванный обеспечить лицу определенный уровень образования, охраны здоровья, предоставления иных социальных благ и т.п.

Конституционное же право на возмещение государством вреда имеет характер преимущественно компенсационный, направленный на восстановление нарушенной в результате неправомерных действий органов государственной власти и государственных должностных лиц ситуации, или же на получение имущественной компенсации в случаях, когда такое восстановление в полном объеме невозможно. Правда, и некоторые социальные права – а именно права на социальное обеспечение - имеют характер компенсации, однако основания этой компенсации различны: «суть социального обеспечения - это компенсация дохода, недополученного по уважительным причинам»⁹⁰ – материнство, инвалидность, достижение определенного возраста и т.п., в то время как применительно к конституционному праву на возмещение государством вреда нельзя говорить о компенсации недополученного дохода как об основной цели рассматриваемого права.

Также, проводя границу между конституционным правом на возмещение государством вреда и социальными правами, отметим, что оно как уже отмечалось

⁸⁸ Трофимова Г.А. Социальные права: критерии определения нуждающихся в помощи // Социальное и пенсионное право. 2016. № 3. С. 8.

⁸⁹ Соловьев А.А. К вопросу о разграничении экономических и социальных прав граждан как самостоятельных групп конституционных прав и их защита средствами прокурорского надзора // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 38.

⁹⁰ Ахмедшина А.Н. Право на материнский (семейный) капитал в системе мер социального обеспечения // Журнал российского права. 2009. № 1 (145). С. 99.

выше, несводимо только к имущественным благам или их эквивалентам – что характерно для социальных прав. Наконец, как мы также уже отмечали в диссертации, конституционное право на возмещение государством вреда в силу прямого указания ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации не может быть ограничено. Это нельзя сказать о социальных правах, наполнение которых напрямую зависит от экономической ситуации в государстве. «Их происхождение, состав и объем не просто допускают их сокращение вплоть до «ничего», но и понуждают себя сократить, когда исполнение их невозможно или нецелесообразно, когда это будет решено в правомерной законодательной, бюджетной, договорной или в административной процедуре»⁹¹.

Таким образом, убедившись, что конституционное право на возмещение государством вреда не может быть отнесено к политическим, экономическим, социальным, экологическим и культурным правам, целесообразно рассмотреть его соотношение с правами личными.

Здесь, прежде всего, необходимо отметить, что конституционное право на возмещение государством вреда как целостное право отсутствует в пактах о правах 1966 года. В то же время, Международный пакт о гражданских и политических правах упоминает о некоторых правах, которые могут рассматриваться как его составляющие. Так, в ч. 5 ст. 9 данного пакта определяется, что «каждый, кто был жертвой незаконного ареста или содержания под стражей, имеет право на компенсацию, обладающую исковой силой». Также ч. 6 ст. 14 гласит: «если какое-либо лицо окончательным решением было осуждено за уголовное преступление и если вынесенный ему приговор был впоследствии отменен или ему было даровано помилование на том основании, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, то это лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает компенсацию согласно закону, если не будет доказано, что указанное неизвестное обстоятельство не было в

⁹¹ Арановский К.В., Князев С.Д., Хохлов Е.Б. О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 71.

свое время обнаружено исключительно или отчасти по его вине». Поскольку данные права очевидно не являются политическими, следовательно, авторы Пакта рассматривали их как гражданские (личные). Это, безусловно, является доводом (хотя и формальным) для отнесения конституционного права на возмещение государством вреда к личным правам.

Каковы же признаки личных прав? С. М. Шахрай подчеркивает, что личные права и свободы являются неотчуждаемыми, присущими каждому от рождения, не зависящими от наличия или отсутствия гражданства⁹². Безусловно, все эти признаки характеризуют и конституционное право на возмещение государством вреда: оно, как уже отмечалось выше, принадлежит как гражданам Российской Федерации, так и лицам, не имеющим такого гражданства; в силу ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации является неотчуждаемым; возникает у людей от рождения, а не по достижению какого-либо возраста.

В то же время, в литературе выделяются и другие признаки личных прав. Так, к примеру, в комментарии к Федеральному закону «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» применительно к личным правам указывается:

1) эти права и свободы являются по своей сущности правами и свободами человека, т.е. каждого, и не связаны напрямую с принадлежностью к гражданству государства;

2) эти права и свободы принадлежат каждому от рождения и неотчуждаемы, т.е. их ограничение возможно только в целях, установленных в ч. 1 ст. 55 Конституции РФ (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства), и только федеральным законом;

⁹² Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017. 624 с. [Электронный ресурс]. Доступ из Справ. Правовой системы «КонсультантПлюс».

3) это естественные права, т.е. их естественный характер обусловлен «природой» человека, без этих правовых возможностей теряет смысл само его существование, так как они служат необходимым условием для обеспечения естественных потребностей личности⁹³.

Соответственно, встает вопрос – применим ли к конституционному праву на возмещение государством вреда последний признак – является ли данное право естественным? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к еще одной классификации прав и свобод человека и гражданина: на естественные и позитивные.

Идея о естественных правах человека формировалась на протяжении двух с половиной тысячелетий как неотъемлемая часть теории естественного права, обосновывающей естественно-природный характер происхождения государства и права, взаимоотношений человека с государством. Под влиянием взглядов Г. Гроция, Б. Спинозы (Голландия), Т. Гоббса, Д. Локка (Англия), Вольтера, Ш.Л. Монтескье (Франция) и других просветителей XVII - XIX вв. сформировалось представление об «объективно существующем естественном, «природном» праве, олицетворяющем собой справедливость и свободу человека и в таком качестве составляющем основу, своеобразный «образец» для позитивного права, исходящего от государства»⁹⁴.

В течении последующих веков концепция естественных прав, разумеется, эволюционировала и менялась, и в настоящее время разделение прав человека на естественные и позитивные вообще признается не всеми. Все чаще звучат предложения о создании модели конституции, «не разделяющей естественные и позитивные права, а соединяющей их», об использовании для обозначения субъекта таких «интегрированных» прав обобщающего термина - «индивид», «личность» и т.п.⁹⁵

⁹³ Жеребцов А.Н., Облезова А.О., Семенова А.В., Ситкова О.Ю., Степанов А.В., Очеретко Е.А., Шапиро И.В., Артемьев Е.В., Богатырева Н.В., Тишин Р.В. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (постатейный) [Электронный ресурс]. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.05.2020).

⁹⁴ Невинский В.В. Естественные права человека на весах современного конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 8. С. 29.

⁹⁵ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. С. 144.

Тем не менее, и в теории права, и в конституционном праве такое разделение многими специалистами все же проводится. Каким же образом предлагается устанавливать границу между ними? Этот вопрос решается примерно следующим образом:

а) естественные права - это правила поведения, вытекающие из свободной воли как естественного состояния человека и призванные служить мерилom и руководством для положительного законодательства, образцом его усовершенствования;

б) позитивные права - правила поведения, определяемые государством и облакаемые в определенную форму⁹⁶.

«Представители школы естественного права на особое место ставят ценности свободы и справедливости. Справедливость лежит в основе самой доктрины естественного права. Ее содержание заключается в признании за другими права на жизнь и благополучие в той мере, в какой это признается каждым за самим собой... Естественное право в этом смысле очерчивает минимальную степень нравственного совершенства и тем самым ограничивает возможность безнравственного проявления воли отдельных субъектов. Это позволяет посредством права обеспечить внешний порядок, не допускающий каких бы то ни было проявлений зла»⁹⁷.

В таком понимании естественного права конституционное право на возмещение государством вреда вполне может пониматься как естественное. Действительно, давая возможность лицу, пострадавшему от незаконных действий (бездействия) государства или его представителей, получить за это определенное возмещение, рассматриваемое право, с одной стороны, восстанавливает – насколько это возможно в данном случае – справедливость для самого потерпевшего от незаконных действий, с другой – уменьшает возможность совершения подобных противоправных действий в дальнейшем, как в отношении лица, получившего возмещение,

⁹⁶ Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: Маркет ДС, 2007. [Электронный ресурс]. Доступ из Справ. Правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹⁷ Соловьев В.С. Собрание соч. СПб. Т. 7. С. 148.

так и в отношении третьих лиц и, тем самым, «ограничивает возможность безнравственного проявления воли отдельных субъектов».

В то же время, такое понимание естественных прав более характерно для теории права. Между тем, как верно подчеркивал О.Е. Кутафин «концепция естественного права в конституционно-правовой науке отличается от концепции естественного права в теории права. Прежде всего сама идея естественного права в конституционно-правовой науке обладает более точным предметным характером, чем в теории права. Признание человека, его прав и свобод высшей ценностью оказывает непосредственное влияние не только на содержание основных прав и свобод человека и гражданина, но и на деятельность государства, на его компетенцию и потенциальные возможности»⁹⁸.

Конституционное право на возмещение государством вреда никак не вытекает из свободной воли как естественного состояния человека. Имея по своей природе гарантирующий характер, оно никак не свойственно индивиду имманентно, а определяется именно волей государства, только при наличии последней возможно создание механизмов, дающих возможность его реализации.

Таким образом, по нашему мнению, конституционное право на возмещение государством вреда относится все же к позитивным, а не к естественным правам. Указанный вывод, разумеется, ставит под вопрос и его отнесение к правам личным.

И в связи с этим нам представляется вполне обоснованным вспомнить точку зрения С.А. Авакьяна, который, помимо гражданских (личных), политических, экономических, социальных, экологических и культурных прав отдельно выделяет «права по защите других прав и свобод»⁹⁹. Данная позиция поддерживается и некоторыми другими авторами. В частности, В.Е. Гулиев и Ф.М. Рудинский выделяют особую группу прав – общих юридических гарантии, которые обеспечивают реальность всех остальных прав и свобод¹⁰⁰. К указанной категории они, а также

⁹⁸ Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 63.

⁹⁹ Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс: Учеб. пособие: В 2 т. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. Т. 1. С. 669 - 670.

¹⁰⁰ Гулиев В.Е., Рудинский Ф.М. Демократия и достоинство личности. М., 1983. С. 143-160-161.

некоторые другие авторы вполне обоснованно относят конституционное право на судебную защиту прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации); право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации); право на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации) и другие. Представляется, что конституционное право на возмещение государством вреда, являясь по своей сути дополнением к праву на защиту прав и свобод, также должно быть отнесено к этой особой группе.

К классификациям прав на естественные и позитивные (а также на личные, политические, экономические и иные) примыкает и классификация прав и свобод человека и гражданина по поколениям. Современная система прав и свобод человека и гражданина сложилась исторически. Поэтому по историческим этапам утверждения прав (по времени возникновения) различают определенные поколения прав. Выделяются три, а иногда и четыре поколения прав¹⁰¹.

В соответствии с данной классификацией, исходя из содержания Пактов 1966 г. к первому поколению прав относятся права гражданские и политические. Их также называют негативными, т.е. выражающими независимость личности в определенных действиях от власти государства, обозначающими пределы его невмешательства в область природно-суверенного самовыражения личности¹⁰². По этой причине они и характеризуются с помощью понятия *liberte* (свобода) – как выражающие свободу личности от государства.

Второе поколение – это права социально-экономические. Они отражают равенство возможностей граждан в экономической жизни и равные права доступа к

¹⁰¹ Луковская Д.И. Классификация прав и свобод человека и гражданина // История государства и права. 2007. № 15.

¹⁰² См.: Комаров С.А., Ростовщиков И.В. *Личность. Права и свободы. Политическая система*. СПб., 2002. С. 89.

социальным услугам и, в том числе, мерам социальной поддержки *egalite* (равенство). Данные права именуют также позитивным в том смысле, что именно государство должно предпринимать определенные действия для реализации¹⁰³.

Наконец, права третьего поколения – права, которые могут быть реализованы только коллективно *fraternite* (братство). Иначе они именуются солидарными правами. Права третьего поколения принадлежат не отдельным индивидам, а общностям: религиозным, национальным и т.п. Как правило, применительно к ним речь идет о меньшинствах, хотя другие исследователи относят к третьему поколению и права народов (например, право на самоопределение).

В последнее десятилетие все чаще высказываются предложения о формировании четвертого поколения прав и свобод. К ним, в частности, относят права в области информационных технологий; соматические права, а также некоторые другие¹⁰⁴.

Конституционное право на возмещение государством вреда, хотя, как мы уже отметили выше, не может быть отнесено к естественным и личным, все же следует рассматривать в качестве права первого поколения. Данный вывод определяется его гарантирующими свойствами, направленным на защиту личности от государства, то есть, обеспечивающим характером по отношению к личным (гражданским) правам.

Как нам представляется, возмещение государством вреда, причиненного действиями органов государственной власти и должностных лиц является проявлением более общего принципа - принципа ответственности государства перед личностью. Собственно, само закрепление прав первого поколения и явилось след-

¹⁰³ См.: *Бахин С.В.* О классификации прав человека, провозглашенных в международных соглашениях // *Правоведение.* 1991. № 2. С. 43.

¹⁰⁴ См. напр.: *Старовойтова О.Э.* Тело и закон. СПб., 2006. С. 9 – 10; *Крусс В.И.* Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // *Государство и право.* 2000. № 10. С. 43; и др.

ствием признания данного принципа на государственном уровне: «Первое поколение прав человека возникает через дихотомию «личность vs государство», как средство защиты индивида от государства»¹⁰⁵.

На наш взгляд, право на возмещение государством вреда, причиненного его органами и должностными лицами призвано гарантировать в первую очередь личные права и свободы (свобода, личная неприкосновенность и др.). Все это позволяет отнести данное право-гарантию к правам первого поколения.

Что касается исторического закрепления данного права, то в России оно впервые появилось в Судебнике 1550 года, который предусматривал ответственность судей за неправильно вынесенное решение за взятку в виде возмещения истцу суммы иска и судебных пошлин в троекратном размере¹⁰⁶. Кроме того, в мировой практике в ряду прав первого поколения развивался институт реабилитации. Многие исследователи отмечают, что институт реабилитации в законодательстве зарубежных стран появился уже в конце 18 века. Так, например, в Пруссии Законом 1776 было предусмотрено «право лица, подозреваемого в совершении преступления, задержанного до судебного разбирательства и освобожденного за недостаточностью доказательств из заключения, при установлении его полной невиновности на возвращение в полном объеме понесенных издержек, а также выплату из фондов суда денежной суммы в качестве компенсации, определенной в соответствии со всеми обстоятельствами дела»¹⁰⁷. Аналогичные нормы нашли выражение в законодательстве Италии, Швейцарии, Венгрии, Германии и т.п. В 19 веке принцип ответственности государства перед личностью «воспринимается как неотъемлемый признак правового государства»¹⁰⁸. «В Австрии институт вознаграждения невинно

¹⁰⁵ Велева Д.С., Пресняков М.В. «Поколения» прав человека: проблема предметной определенности концепта «основные права» // Материалы XI Международного Конституционного Форума, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. 2020. С. 44.

¹⁰⁶ Ананьева Н.Г. Гражданско-правовая ответственность по Судебнику 1550 года // Вектор науки Тольятинского государственного университета. № 2 (13). 2013. С. 13

¹⁰⁷ Рохлин В.И. Институт реабилитации в российском законодательстве (возникновение, развитие, понятие, перспективы) / В.И. Рохлин, С.И. Захарцев, М.А. Миронов [и др.]; под общ. ред. В.И. Рохлина. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2007. 416 с.

¹⁰⁸ Там же.

осужденных начал свое развитие с 1872 года, в Швеции с 1886 года, в Венгрии с 1900 года, в Германии с 1904 года»¹⁰⁹.

Помимо рассмотренных выше, основополагающих классификаций прав и свобод, в научной литературе предлагается их подразделять и по некоторым другим основаниям. Так, по критерию способа осуществления прав со стороны правообладателя, конституционные права подразделяют на активные – требующие от него активных действий для их реализации, и пассивные – для осуществления которых предпринимать специальные действия необходимости нет. В рамках данной классификации конституционное право на возмещение государством вреда несомненно относится к первой группе, поскольку для получения возмещения лицу необходимо обратиться в установленный государственный орган.

Конституционные права и свободы можно также подразделить на две группы и по такому критерию как роль государства в их осуществлении. Как правило, в данном случае говорят о самоисполняемых и несамоисполняемых конституционных правах. К первой группе относятся права и свободы, не требующие от государства каких-либо действий (достаточно, чтобы оно лишь не мешало осуществлению конституционного права), ко второй – те, реализация которых без активных действий государственных органов и их должностных лиц невозможна¹¹⁰. Вполне очевидно, что и в данном случае рассматриваемое право необходимо отнести ко второй группе.

Занимая свое место в системе конституционных прав и свобод, конституционное право на возмещение государством вреда нередко перекесается и иным образом взаимодействует с другими конституционными правами.

Выше уже неоднократно говорилось, что конституционное право на возмещение государством вреда носит по отношению к другим, базовым правам, дополнительный, компенсационный и обеспечивающий характер. Компенсационная составляющая в данном случае позволяет возместить лицу,

¹⁰⁹ Пакулина Н.Ф. Зарубежное законодательство и опыт в сфере реабилитации // Евразийский научный журнал. 2017. № 12.

¹¹⁰ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 184-186.

пострадавшему от незаконных действий (бездействия) государственных органов и государственных должностных лиц, причиненный ему ущерб. Обеспечивающая составляющая обуславливается выполнением механизмов возмещение вреда функций общей и специальной превенции: сама возможность подобной компенсации уменьшает вероятность совершения противоправных действий властных структур. В этом плане конституционное право на возмещение государством вреда взаимодействует практически со всеми важнейшими конституционными правами.

К примеру, ст. 21 Конституции Российской Федерации закрепляет конституционное право на достоинство личности; запрещает применять пытки, насилие, другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание; медицинские, научные или иные опыты без добровольного согласия подопытного лица. Соответственно, лицо, чье достоинство было ущемлено в результате незаконных действий (бездействия) представителей органов государственной и муниципальной власти может потребовать возмещения ему причиненного вреда в установленном законе порядке. Таким образом, право, предусмотренное ст. 53 Конституции Российской Федерации обеспечивает право, предусмотренное ст. 21.

Аналогично взаимодействие между рассматриваемым в настоящей диссертации правом и другими конституционными правами, причем не только личными. Право на возмещение вреда в порядке ст. 53 Конституции Российской Федерации может возникнуть и в случае нарушения политических, экономических, социальных и иных прав.

Одновременно конституционное право на возмещение государством вреда носит частный характер по отношению к установленному ст. 45 Конституции правом на государственную защиту прав и свобод, поскольку выступает одним из средств таковой защиты. В той же статье, кроме того, отдельно выделяется право каждого на судебную защиту его прав и свобод (ст. 45), понимаемое «как неотъемлемая часть права на государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, которое имеет высшую ценность, действует непосредственно, определяет

смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием»¹¹¹. Конституционное право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов и государственных должностных лиц в определенной степени (частично) пересекается и с этим правом. Пересечение их обусловлено тем обстоятельством, что конституционное право на возмещение государством вреда может осуществляться в судебном порядке и вынесенное судебное решение в пользу заявителя способствует защите его нарушенных прав. В то же время пересечение между рассматриваемыми правами не является полным. Во-первых, реализация права на судебную защиту прав и свобод личности не во всех случаях связана с возмещением вреда, причиненного указанным правам и свободам. Во-вторых, право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) может реализовываться не только в судебном, но и в административном порядке.

Соответственно, графически соотношение между данными двумя конституционными правами можно выразить следующим образом:

Конституционное право на возмещение государством вреда тесно взаимодействует и еще с одним конституционным правом – правом потерпевших от преступ-

¹¹¹ Жилин Г.А. Право на судебную защиту в конституционном измерении // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 2. С. 4.

лений и злоупотреблений властью на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации). В статье 52 Конституции Российской Федерации, в отличие от статьи 53, прямо речь идет лишь об одном из оснований возмещения вреда - возмещении вреда, причиненного преступлением. Правда, на этот счет есть и другие мнения. В частности, некоторые специалисты полагают, что «нарушения прав граждан должностными лицами, не являющиеся преступлениями, но представляющие собой злоупотребления властью, также могут быть предметом обращения гражданина в суд»¹¹². Однако данная позиция видится нам спорной, поскольку та же 52 статья оперирует понятием «потерпевший», что требует признания такового в установленном порядке в рамках уголовного судопроизводства.

В любом случае анализируемой нормой не гарантируется возмещение такого ущерба государством: государство лишь обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Кроме того, как отмечается в юридической литературе, понятие «вред» является более широким, чем понятия «убытки» или «ущерб»¹¹³. Понятие вред охватывает собой любые неблагоприятные воздействия на личность или имущество, а понятие ущерба, как правило, применяется к имущественному вреду. Например, моральный вред обычно не охватывается понятием «ущерб».

Между тем, реализация права, предусмотренного статьей 52 носит более широкий характер: так, потерпевший обладает возможностью подать гражданско-правовой иск о возмещении морального вреда.

Интерес с точки зрения взаимодействия с рассматриваемым в настоящей диссертации конституционным правом на возмещение государством вреда, представляет именно обязанность государства компенсировать потерпевшему причиненный ущерб. Как отмечает судья Конституционного Суда Российской Федерации в

¹¹² Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) (2-е издание, измененное и дополненное) / рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. М.: "Статут", 2013.

¹¹³ *Пешкова О.А.* Соотношение понятий «вред», «убытки», «ущерб» // *Мировой судья.* 2010. N 7. С. 7 - 11.

отставке А.Л. Кононов, «статус жертвы как лица, конституционные права которого нарушены, требует обеспечения возмещения вреда и компенсации ущерба и в тех случаях, когда конкретный правонарушитель не установлен или не привлечен к ответственности либо вред невозможно возместить в полном объеме, а также когда деликтные обязательства отсутствуют. Проблема справедливой компенсации возникает и в случаях массовых нарушений прав жертв политических репрессий, вооруженных конфликтов, терроризма, экологических или техногенных катастроф»¹¹⁴. Как мы видим, такое понимание предусмотренного ст. 52 Конституции Российской Федерации права в значительной степени совпадает с рядом аспектов реализации конституционного права на возмещение государством вреда.

Отличную позицию, как также мы уже отмечали, занимает Европейский Суд по правам человека, рассматривающий ответственность государства за вред, причиненный преступлением как абсолютный. И это вполне логично, поскольку в большинстве стран-членов Совета Европы действует Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений, от ратификации которой Российская Федерация отказалась¹¹⁵. Государство при этом берет на себя компенсацию причиненного вреда не как должник по деликтному обязательству, а как орган, действующий в публичных интересах, преследующий цели поддержания социальных связей сохранения социума¹¹⁶.

Таким образом, подводя итоги второго параграфа, а также первой главы диссертации в целом, отметим следующее.

1. Само понятие «право на возмещение государством вреда» может употребляться в двух значениях. С одной стороны - это закрепленное в Конституции

¹¹⁴ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с. [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹⁵ Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (Страсбург, 24 ноября 1983 г.) // Сб. док. Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. С. 81 - 85.

¹¹⁶ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с. [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

Российской Федерации субъективное право человека и гражданина, юридических лиц или целого народа на возмещение государством вреда, причинённого в незаконными действиями (или бездействием) государственных органов, органов местного самоуправления или их должностных лиц либо изданием не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, а в случаях, предусмотренных специальными законами – в результате их правомерных действий, одновременно являющееся гарантией реализации других конституционных прав.

С другой стороны, право на возмещение государством вреда может рассматриваться как комплексный правовой институт, состоящий из объединённых общими принципами норм конституционного, международного, гражданского, налогового, уголовно-процессуального, административного и других отраслей права.

2. Особенности субъективного конституционного права на возмещение государством вреда являются следующие:

- рассмотрение его в контексте юридической ответственности государства или в контексте защиты в прямо указанных в законах случаях, связанных с обстоятельствами исключительного (чрезвычайного) характера;

- субъектом реализации данного права являются: физические лица; юридические лица; а в случае возмещения вреда репрессированным народам – народ или социальная общность;

- несовпадение субъекта - причинителя вреда (государственный орган, орган местного самоуправления, должностное лицо, а в предусмотренных законами случаях – третьи лица) и субъекта, возмещающего причинённый вред (Российская Федерация, субъект РФ, муниципальное образование).

3. Содержание субъективного конституционного права на возмещение государством вреда можно представить в совокупности следующих правомочий: 1) возможность обращения в судебном порядке по правилам гражданского и уголовного судопроизводства в целях полного восстановления нарушенных прав; 2) возможность требовать от государства как обязанного лица определённого поведения, заключающегося: в обеспечении восстановления в нарушенных конституционных

правах; в возмещении причиненного материального вреда в полном объеме; в справедливой компенсации морального вреда; 3) возможность в случае необходимости обратиться в международные организации для принудительного осуществления своих требований. Поскольку право на возмещение государством вреда выступает как право-гарантия, то есть выполняющее гарантирующую функцию по отношению к другим правам и свободам, это не позволяет выделить в структуре данного субъективного права возможность получения новых социальных благ.

4. Конституционное право на возмещение государством вреда, являясь субъективным правом человека и гражданина, занимает определенное место в системе других конституционных прав и свобод. Анализ, проведенный в рамках данного параграфа, позволяет его классифицировать следующим образом: это право, сформулированное в Конституции Российской Федерации, является общим, абсолютным, позитивным, активным, несамоисполняемым правом человека, относящимся к особой группе прав по защите других прав и свобод.

5. Конституционное право на возмещение государством вреда взаимодействует практически со всеми важнейшими конституционными правами, в силу своего компенсационного и обеспечивающего характера. В то же время, конституционное право на возмещение государством вреда особым образом взаимодействует с другими конституционными правами из группы прав по защите прав человека, дополняя их специальными механизмами реализации.

Глава 2. Основания возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц

2.1. Нормативные основания возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц

Согласно статье 53 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Исходя из буквальной формулировки данной нормы государство принимает на себя обязанность возместить вред, противоправно причиненный его органами и должностными лицами. Таким образом, в первом приближении данная норма Основного закона закрепляет деликтную ответственность государства за причинение вреда, основанием которой выступают незаконные действия (бездействие) органов государственной власти.

Статья 53 Конституции Российской Федерации фактически закрепляет ответственность государства за противоправный вред, причиненный личности. Учитывая, что данная норма не конкретизирует ни характер такого вреда, ни сферу общественных отношений, где могут складываться указанные деликтные правоотношения (учитывая, что данная норма закреплена Основным законом, данная сфера является весьма широкой), необходимо поставить вопрос об основаниях такой ответственности.

В специальной литературе принято выделять нормативные или юридические основания юридической ответственности, с одной стороны, и фактические (юридико-фактические) основания - с другой: «первое - закон как правовое основание; второе - само правонарушение, т.е. административный проступок, дисциплинарный проступок, преступление, иначе говоря, фактическое основание,

которое приводит в движение всю структуру юридической ответственности»¹¹⁷. Сторонники данной точки зрения под нормативным основанием понимают конкретную юридическую норму или их совокупность, которые закрепляют возложение неблагоприятных последствий в случае совершения лицом предусмотренного в ней деяния (действия или бездействия), закрепляют условия, вид и меру такой ответственности. Фактическое же основание представляет собой само правонарушение, противоправное деяние, за которое соответствующей нормой права предусматривается юридическая ответственность.

Все это относится и к ответственности за причинение вреда. Так, например, А.М. Гатин отмечает, что «основания ответственности за причинение вреда можно поделить на фактические и юридические. Фактическим основанием является причинение вреда одним лицом другому. Юридическим основанием служит закон, охраняющий имущественное положение потерпевшего и предписывающий причинителю возместить причиненный вред»¹¹⁸.

Впрочем, существует и другая точка зрения, сторонники которой наряду с этими двумя основаниями юридической ответственности выделяют решение судебного, административного или иного органа, уполномоченного привлекать правонарушителя к юридической ответственности - процессуальное основание юридической ответственности. Е.М. Заболотских отмечает: «Любая реальная юридическая ответственность имеет три основания: нормативное (систему регулирующих ее правовых норм), фактическое (неправомерные деяния субъектов права), процессуальное (акты субъектов власти о применении санкций правовых норм к конкретным субъектам)»¹¹⁹.

Аналогичным образом в качестве оснований конституционно-правовой ответственности, которая стала объектом пристального исследования в доктрине

¹¹⁷ Духно Н.А., Ивакин В.И. Понятие и виды юридической ответственности // Государство и право. 2000. N 6. С. 12 - 17.

¹¹⁸ Гатин А.М. Гражданское право: Учебное пособие. М.: Дашков и К, 2007. 384 с. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.maupfib.kg/wp-content/uploads/Grazhdanskoe-pravo_Gatin-A.M_Uch-pos_2009-384s.pdf (дата обращения: 21 мая 2020 г.)

¹¹⁹ Заболотских Е.М. Ответственность должностных лиц и органов местного самоуправления: научно-практическое пособие. Москва: Проспект, 2011. 232 с.

конституционного права в последние годы, большинство авторов выделяют два основания: юридическое и фактическое¹²⁰. Между тем, представлена и другая точка зрения: В.А. Виноградов выделяет наряду нормативным и фактическим основаниями такой ответственности также процессуальное, которое, по его мнению, представляет собой акт компетентного органа об установлении факта конституционного нарушения и определение соответствующей меры конституционной ответственности¹²¹.

В этом смысле нам представляется убедительным возражение, которое высказал Судья Конституционного Суда в отставке, профессор Н.В. Витрук, который, не соглашаясь с позицией В.А. Виноградова, заметил, что «конституционная ответственность возникает с момента совершения конституционного нарушения независимо от того, известно это нарушение или нет компетентным органам и должностным лицам»¹²².

Как нам представляется, можно выделить фактические и юридические (нормативные или правовые) основания возникновения обязанности государства по возмещению вреда, причиненного личности, которые находятся в тесной взаимосвязи: «...Вопрос о юридическом основании может быть рассмотрен с позиций нормативно-правового и сущего (действительного, свершившегося); ответственность конкретного индивида возникает с момента совершения им правонарушения. Поэтому можно говорить о единстве нормативно-правового (на основании чего) и фактического (за что) основания юридической

¹²⁰ См.: *Авдеенкова М.П.* Конституционно-правовая ответственность в России: проблемы становления и реализации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 40; *Зражевская Т.Д.* Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980. С. 47; *Колосова Н.М.* Конституционная правовая ответственность в РФ. Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушения конституционного законодательства РФ. С. 102 и др.

¹²¹ *Виноградов В.А.* Ответственность в механизме охраны конституционного строя. М., 2005. С. 42-47.

¹²² *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., исправленное и доп. М.: НОРМА, 2009. 432 с. [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

ответственности»¹²³. Между тем, по нашему мнению, конституирующим значением обладают именно юридические основания ответственности в целом и возмещения вреда, в частности, поскольку на основе соответствующих норм права осуществляется определение фактического основания возникновения соответствующей обязанности. Последнее же представляет собой юридический факт, влекущий возникновение конкретных правоотношений, связанных с возмещением причиненного вреда.

Дифференцированный подход к разграничению юридических и фактических оснований ответственности представляется нам весьма важным и значимым именно в отношении конституционной ответственности, поскольку как справедливо отмечается в специальной литературе «в отличие от уголовной или административной ответственности здесь не определен четкий круг нормативных, фактических и процессуальных оснований реализации конституционно-правовой ответственности»¹²⁴. Кроме того, как отмечает Н.В. Витрук, «особенностью нормативно-правовой характеристики (описания) конституционных нарушений (деликтов) является то, что они, как правило, не формулируются в виде конкретных составов (как это имеет место относительно административных правонарушений и уголовных преступлений), а конструируются, выводятся из конституционных положений, имеющих высокую степень обобщения и абстракции»¹²⁵.

Как мы покажем ниже, возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц реализуется посредством целого ряда самостоятельных разноотраслевых институтов (нормативных или юридических оснований), каждый из которых предполагает различные фактические основания возмещения такого вреда.

¹²³ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс»

¹²⁴ Тарабан Н.А. Конституционно-правовая ответственность в избирательном праве: историко-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 54 - 58.

¹²⁵ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

На первый взгляд, положения статьи 53 Конституции Российской Федерации представляют собой деликтное обязательство государства, т.е. обязательство, вытекающее из причинения вреда. Как отмечается в специальной литературе, «свое продолжение данная норма получила в гражданском законодательстве, определившем основные правила, регулирующие порядок, условия и пределы имущественной ответственности»¹²⁶. Судья Конституционного Суда Российской Федерации Л.О. Красавчикова, комментируя данную конституционную норму, полагает подобное положение дел вполне обоснованным, поскольку именно гражданское законодательство среди своих основных начал «предусматривает восстановление нарушенных прав (ст. 1) с использованием для этого широкого круга различных способов защиты (ст. 12), включающих как полное возмещение убытков (ст. 15), так и компенсацию морального вреда (ст. 151)»¹²⁷.

Статья 16 Гражданского кодекса РФ фактически воспроизводит данную конституционную норму в несколько расширенном содержании, закрепляя, что убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием.

Вместе с тем, в данной статье содержатся определенные уточнения конституционного положения статьи 53 Основного закона. Во-первых, в части

¹²⁶ Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. 688 с. [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹²⁷ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с. [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

круга потерпевших от незаконных действий органов государственной власти - называется не только физическое, но и юридическое лицо (что полностью соответствует правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации). Во-вторых, в части субъекта, обязанного такой вред возместить - конкретизируются соответствующие публичные образования (Российская Федерация или субъект Российской Федерации), а также закрепляется ответственность муниципального образования за вред, причиненный органами местного самоуправления. Наконец (в-третьих), под вредом, причиненным лицу действиями органов государственной власти здесь понимаются убытки, т.е. расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) (ст.15 ГК РФ).

Гражданский кодекс Российской Федерации в статье 1069 закрепляет гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный действиями органов государственной власти и должностных лиц. Данная формула предполагает доказывание противоправности действий соответствующих органов и лиц или незаконности изданного ими акта, а их вина в совершении данного деяния презюмируется.

Помимо этой общей формулы деликта с участием органов государственной власти, Гражданский кодекс РФ вводит два «специальных деликта»: а) причинение вреда в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности; б) причинение вреда при осуществлении правосудия.

В первом случае причиненный вред должен возмещаться независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Во-втором, напротив, - не действует презумпция вины причинителя вреда, а вина судьи должна быть установлена приговором суда, вступившим в законную силу.

Указанные нормы в своей совокупности образуют формальное основание (одно из многих) юридической ответственности государства за причинение вреда незаконными действиями органов государственной власти и их должностных лиц, которая выражается в обязанности такой вред возместить.

Следует отметить, что деликтная ответственность государства за незаконные (противоправные) деяния (как действия, так и бездействия) собственных органов и должностных лиц получила отраслевую институционализацию и конкретизацию не только в положениях гражданского, но и уголовного законодательства. Возмещение вреда, причиненного вследствие незаконного или необоснованного уголовного преследования урегулировано нормами главы 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ - «Реабилитация».

Следует отметить, что слово «реабилитация» (нем. «rehabilitation») в юриспруденции не имеет четкого «терминологического» значения и используется в общеупотребительном, «словарном» значении, означая возвращение в прежнее состояние; восстановление¹²⁸. Так, например, в Федеральном законе от 24.11.1995 N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» вводится понятие реабилитации инвалидов, под которым понимается система и процесс полного или частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности. В Федеральном законе от 23.06.2016 N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» говорится о социальной реабилитации, которая представляет собой совокупность мероприятий по восстановлению утраченных

¹²⁸Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3 / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1998. С. 1663.

социальных связей и функций лицами, находящимися в трудной жизненной ситуации, в том числе потребляющими наркотические средства и психотропные вещества в немедицинских целях. Уголовный же кодекс РФ использует слово «реабилитация» как в значении комплекса мер (медицинская реабилитация, социальная реабилитация), которые принудительно назначаются больным наркоманией, так и в наименовании особого состава преступления - «реабилитация нацизма» (ст. 354.1). Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» использует понятие «реабилитационная процедура», направленная как на восстановление платежеспособности гражданина, так и на удовлетворение требований кредитора.

Как отмечается в специальной литературе, понятие реабилитации в отечественном юридическом дискурсе получило свое распространение относительно недавно - в период формирования законодательства о реабилитации народов и жертв политических репрессий. «Ранее этот термин практически не использовался, а применительно к институту ответственности государства за незаконное и необоснованное преследование устанавливалось лишь возмещение имущественного вреда, но о реабилитации как таковой речь не шла»¹²⁹. В уголовно-процессуальном законодательстве понятие реабилитации было введено действующим Уголовно-процессуальным кодексом 2001 года и согласно статье 5 означает «порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда».

Таким образом, действующее законодательство содержит два «регулярных» (помимо них существуют еще и чрезвычайные или экстраординарные) разноотраслевых механизма возмещения государством вреда, причиненного органами государственной власти и должностными лицами: предусмотренный нормами гражданского законодательства и установленный положениями Уголовно-

¹²⁹Яшина А.А. Реабилитация в уголовном процессе // Российская юстиция. 2017. N 3. С. 38 - 41.

процессуального кодекса. Причем, указанные механизмы компенсации такого вреда содержат предпосылки для взаимного пересечения и возникновения коллизий. Так, например, зачастую реабилитированные лица подают иски о возмещении государством вреда в порядке гражданского судопроизводства¹³⁰, однако, согласно статье 138 Уголовно-процессуального кодекса, восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного производится в порядке, установленном статьей 399 УПК РФ для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора. Некоторые авторы полагают, что буквальное прочтение взаимосвязанных норм статей 138 и 399 УПК РФ означает, что «реабилитированный гражданин имеет право на непосредственное обращение в суд в порядке гражданского судопроизводства с требованием о возмещении причиненного ему материального ущерба, независимо от того, обращался ли он ранее с соответствующим заявлением к органу, постановившему реабилитировавший его акт, в порядке, установленном УПК РФ»¹³¹.

Вместе с тем, судебная практика (в том числе, Верховного Суда Российской Федерации) исходит из иного толкования данных норм: суды рассматривают защиту прав реабилитированного в части возмещения имущественного вреда в порядке уголовного судопроизводства как специальную процедуру по отношению к общему гражданско-правовому порядку возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти и должностных лиц¹³². Соответственно, исковое заявление в части заявленных требований о взыскании убытков в виде заработной платы, пособия по безработице, которых гражданин лишился в результате незаконного уголовного преследования, не подлежит

¹³⁰ *Аверина О., Захаров В.* Право на реабилитацию есть, а вот закон не позволяет [Интервью с Н.А. Колоколовым] // ЭЖ-Юрист. 2010. N 11. С. 1, 5.

¹³¹ *Богданов В.П., Богданова И.С.* Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов и судов: некоторые вопросы теории и практики // Адвокат. 2013. N 1. С. 24 - 36.

¹³² Апелляционное определение Липецкого областного суда от 25.05.2015 по делу N 33-1282а/2015. [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из Справ. Правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2019).

рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку рассматривается и разрешается в порядке уголовного судопроизводства¹³³.

Верховный Суд Российской Федерации также неоднократно обращал внимание, что вопросы реабилитации граждан, привлеченных к уголовной ответственности, не подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства¹³⁴. Дела о взыскании ущерба вследствие реабилитации не могут быть рассмотрены в порядке гражданского судопроизводства, а разрешаются судьей в порядке, установленном статьей 399 УПК РФ для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора (ч. 5 ст. 135 УПК РФ)¹³⁵.

Между тем, согласно части 2 статьи 136 УПК РФ иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении предъявляются в порядке гражданского судопроизводства. На этом основании Верховный Суд неоднократно отменял решения нижестоящих судов, которыми помимо возмещения ущерба, причиненного незаконным уголовным преследованием, разрешались вопросы о возмещении морального вреда, не в порядке гражданского судопроизводства районным судом, а в порядке УПК РФ¹³⁶. По мнению суда подобный подход нарушает правила подсудности, предусмотренные действующим законодательством.

В этой связи в юридической литературе неоднократно высказывалось мнение, что необходимо изменить указанные положения закона и предусмотреть публичный порядок возмещения морального вреда в рамках реабилитации гражданина, незаконно привлеченного к уголовному преследованию¹³⁷. «Действующий закон

¹³³ Апелляционное определение Мурманского областного суда от 23.04.2014 N 33-1164 [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из Справ. Правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2019).

¹³⁴ Определение Верховного Суда РФ от 13.12.2006 N 48-Г06-21. [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³⁵ Определение Верховного Суда РФ от 20.03.2012 N 78-В12-3 [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³⁶ Определение Верховного Суда РФ от 08.07.2008 N 18-Г08-18 [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³⁷ Глыбина А.Н., Якимович Ю.К. Реабилитация и возмещение ущерба в порядке реабилитации в уголовном судопроизводстве России. Томск, 2006. С. 86 - 87.

обрекает такого человека на самостоятельное «пробивание» этого вопроса в порядке гражданского судопроизводства, что не очень-то соответствует его интересам и справедливости»¹³⁸. В этой связи А.П. Гуляев полагает, что «государство должно само инициировать и рассмотреть вопрос о возмещении имущественного и морального вреда человеку, незаконно или необоснованно подвергнутому уголовному преследованию, в том числе и осуждению».

Следует подчеркнуть, что вопрос о юридической природе реабилитации является достаточно дискуссионным в специальной литературе. А.А. Подопригора и Ю.Б. Чупилкин¹³⁹, отмечая неоднозначность вопроса об отраслевой принадлежности института реабилитации, выделяют три существующих подхода к решению этого вопроса: а) идентификация реабилитации как гражданско-правового института¹⁴⁰, б) признание специального уголовно-процессуального характера этого института¹⁴¹; в) отнесение реабилитации к межотраслевым или «смешанным» институтам¹⁴².

Как нам представляется, в целом институт реабилитации включает в себя как элементы уголовно-процессуального механизма возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти и должностных лиц, так и гражданско-правового. При этом частно-правовой порядок возмещения такого вреда является субсидиарным по отношению к публично-

¹³⁸ Гуляев А.П. Возмещение вреда: межотраслевой аспект и актуальные проблемы // Российская юстиция. 2012. N 5. С. 46 - 48.

¹³⁹ Подопригора А.А., Чупилкин Ю.Б. Актуальные вопросы института реабилитации в российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2015. N 7. С. 46 - 50.

¹⁴⁰ Маковский А.Л. Гражданская ответственность государства за акты власти // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. М., 1998. С. 67 - 112; Михайленко О.В. О юридической природе отношений по возмещению вреда реабилитированному // Юрист. 2006. С. 4 - 9.

¹⁴¹ Безлепкин Б.Т. Отраслевая принадлежность института возмещения ущерба реабилитированному // Советское государство и право. 1989. N 1. С. 65 - 73; Полякова М.Ф. Возмещение имущественного ущерба в случаях реабилитации - одна из гарантий прав личности в советском уголовном процессе. М., 1986. 34 с.

¹⁴² Орлова А.А. Концепция реабилитации в российском уголовном процессе: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011; Гуляев А.П. Возмещение вреда: межотраслевой аспект и актуальные проблемы // Российская юстиция. 2012. N 5. С. 46 - 48.

правовому. Так, как мы говорили выше, возмещение ущерба (восстановление прав), за исключением компенсации материального вреда, осуществляется в рамках уголовного судопроизводства и регламентируется уголовно-процессуальным законодательством. Однако, согласно части 1 статьи 138 УПК, если требование о возмещении вреда судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением, то он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Следует отметить, что в юридической доктрине сложились различные подходы относительно отраслевой принадлежности института возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц, в целом¹⁴³. Так, ряд ученых, преимущественно цивилистов, полагают, что «возмещение вреда, причиненного осуществлением власти, направленное, прежде всего, на восстановление частных, гражданских прав и интересов личности, является гражданско-правовым способом их защиты, а следовательно, и юридическая природа такого возмещения может быть исключительно гражданско-правовой»¹⁴⁴.

Сторонники частно-правовой концепции возмещения вреда государством исходят из того, что вред в данном случае возникает в результате нарушения субъективных гражданских прав и имеет имущественный характер (или, в случае морального вреда, предполагает имущественную компенсацию), а, следовательно, возмещение такого вреда предполагает восстановление нарушенных гражданских прав и возмещение причиненного имущественного ущерба. При этом государство выступает как деликвент, который несет ответственность за противоправные действия своих органов и должностных лиц, подобно тому как юридическое лицо отвечает за вред, причиненный его работниками.

¹⁴³ *Афанасьев С.Ф., Макарова Н.А.* Юридическая природа компенсации, присуждаемой за нарушение права на судопроизводство или исполнение судебного акта в разумный срок, и ее связь с цивилистическим процессом (в свете КАС России) // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. N 5. С. 10 - 16.

¹⁴⁴ *Михайленко О.В.* Имущественная ответственность за вред, причиненный осуществлением публичной власти: теоретические аспекты и проблемы ее реализации на практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 8.

В качестве примера позиции сторонников гражданско-правовой природы возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти и их должностных лиц, можно привести точку зрения Чорновол Е.П. и Чорновол О.Е. Данные авторы рассматривают отдельные случаи возмещения такого вреда, предусмотренные различными нормативными правовыми актами (УПК РФ, КоАП, ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» и др.) в качестве субьинститутов гражданско-правового механизма возмещения вреда, причиненного незаконными актами власти.

Последний же также является субьинститутом гражданско-правового института деликтной ответственности в целом: «...нормы соответственно о возмещении и компенсации вреда, причиненного незаконными актами власти, входят в гражданско-правовой институт возмещения и компенсации вреда в качестве отдельных субсубинститутов»¹⁴⁵.

Таким образом, и общий гражданско-правовой порядок возмещения вреда, причиненного органами государственной власти и, например, реабилитация, предусмотренная уголовно-правовым законодательством, представляют собой различные субьинституты гражданско-правового института возмещения причиненного вреда и соотносятся между собой как общие и специальные.

С такой точкой зрения довольно сложно согласиться, особенно с конституционно-правовой позиции: конституционное положение о праве каждого на возмещение вреда, причиненного органами власти, с этой точки зрения выглядит явно «избыточным», поскольку любые механизмы возмещения подобного вреда выводятся «как следствие» из деликтной ответственности и имеют больше общего с римским частным правом, чем с Конституцией.

¹⁴⁵ Чорновол Е.П. , Чорновол О.Е. Регулирование возмещения и компенсации вреда, причиненного незаконными актами публичной власти: проблемы и направления совершенствования // Научный вестник Уральской академии государственной службы. - Екатеринбург: ФГОУ ВПО Урал. акад. гос. службы, 2010, № 2 (11). - С. 102-112.

Разумеется, авторы упомянутой работы в качестве первоосновы возмещения вреда, причиненного органами государственной власти, называют конституционные положения и положения международных актов о необходимости признания и защиты прав человека, но по факту эти положения не нужны цивилистической концепции возмещения государством вреда.

Характерно, что в процитированной работе не говорится о таких механизмах возмещения вреда как реабилитация жертв политических репрессий или репрессированных народов, которые было бы на порядок сложнее «вывести» из положений Гражданского кодекса. Но и в отношении института реабилитации лиц, незаконно привлеченных к уголовному преследованию аргумент, что «большинство правоположений главы 18 УПК носят процедурный характер... либо декларируют право потерпевших граждан на восстановление их трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав»¹⁴⁶, на наш взгляд, не свидетельствует о гражданско-правовой природе данного института и уж никак не позволяет рассматривать его как субинститут деликтной ответственности.

Выведение всех ситуаций возмещения государством вреда, причиненного органами власти, из общих норм о деликтной ответственности представляет собой определенную абсолютизацию положения, что причиненный вред должен быть возмещен, которая принципиально допустима только в условиях актуального существования концепции судейского активизма.

Э.А. Евстигнеев детально анализируя применение и применимость принципа генерального деликта («причиненный вред должен быть возмещен») в различных национальных правовых системах, отмечает, что для этой системы характерно «большее доверие к суду и его компетенции, чем к законодателю» - компетенция суда здесь шире чем компетенция законодателя. В рамках российской модели компенсации вреда, напротив, «законодатель имеет больше, чем суд, полномочий по определению случаев компенсации вреда, а суд намеренно устраняется от возложения на себя хотя бы части этих полномочий; перечень случаев компенсации

¹⁴⁶ Чорновол Е.П., Чорновол О.Е. Указ. соч. С. 102-112

вреда значительно ограничен как законодателем, так и судебной практикой; общество (и, что показательно, само профессиональное сообщество) испытывает большее доверие к законодателю как лицу, определяющему перечень случаев и условия компенсации причиненного вреда»¹⁴⁷.

Проиллюстрируем сказанное на конкретном примере: ст. 27.1 КоАП в части первой содержит перечень мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, а часть вторая данной статьи предусматривает, что в случае незаконного применения этих мер, вред ими причиненный подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством.

В рамках концепции «активного суда» в части второй статьи 27.1 КоАП нет необходимости, поскольку существует общая норма, позволяющая требовать возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти. Однако в условиях российской системы права и правосудия совсем неочевидно, что суд возьмет на себя решение вопроса о том, что именно этот конкретный вред подлежит возмещению.

Так, например, Конституционным Судом рассматривался вопрос о возмещении вреда, причиненного лицу административным задержанием. В отношении граждан, подвергшейся этой мере административного принуждения, производство по делу в дальнейшем было прекращено в связи с отсутствием состава административного правонарушения. С точки зрения «активного суда» дело предельно ясное: если нет состава правонарушения, то очевидно, что лицо подверглось административному задержанию незаконно и у государства возникает обязанность по возмещению вреда. Однако, судебные инстанции отказали данным гражданам, поскольку по их мнению, административное задержание было законным, т.е. соответствовало формальным условиям, предусмотренным КоАП: сроки, составление протокола и т.п. При этом суды сослались на то, что статья 1070

¹⁴⁷ *Евстигнеев Э.А.* Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения // Вестник гражданского права. 2017. N 4. С. 45 - 83; N 5. С. 55 - 84.

ГК РФ в качестве основания возмещения вреда независимо от вины соответствующих должностных лиц предусматривает только административный арест, но не задержание.

Конституционный Суд пришел к выводу, что правовые последствия административного задержания сходны с административным арестом а, следовательно, на него также должно распространяться положение о «безвиновном» возмещении вреда. Данное дело является ярким примером того, что случаи возмещения вреда в российской правовой системе и системе правосудия постулируются по принципу «ad hoc», т.е. для каждого конкретного случая.

Другие ученые полагают, что отношения по возмещению государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов и должностных лиц, во-первых, не отвечают признакам диспозитивности и равенства сторон, характерным для гражданско-правовых отношений. Во-вторых, объектом посягательства со стороны властных органов и их должностных лиц являются не гражданско-правовые, а конституционные права и свободы, конституционно-правовой статус человека и гражданина. Поэтому и деликт здесь имеет особый публично-правовой или конституционный характер. Кроме того, (в-третьих) весьма интересным является тот аргумент сторонников публично-правовой природы рассматриваемых отношений, что возмещение вреда, причиненного органами государственной власти, предполагает не только национальный порядок, но и может осуществляться межгосударственными органами (например, Европейским судом по правам человека).

Следует заметить, что общая конфронтация частно-правовой и публично-правовой концепций возмещения государством вреда, причиненного действиями органов государственной власти и должностных лиц (как, например, это видно в работе О.В. Михайленко) представляется несколько непонятной. Конечно, можно спорить о механизмах возмещения государством вреда в отдельных отраслевых сегментах, например, в рамках института реабилитации, однако, нельзя отрицать, что некоторые институты (случаи) возмещения такого вреда априори не могут быть ассимилированы гражданским законодательством. Например, это относится к

реабилитации жертв политических репрессий, репрессированных народов, возмещению вреда, причиненного в результате аварии на Чернобыльской АЭС и в результате других глобальных катастроф и т.п.

В этой связи мы поддерживаем точку зрения тех авторов, которые полагают, что институт возмещения государством вреда носит комплексный или конституционно-правовой характер, включая в себя как классические деликтные обязательства государства, регулируемые гражданским законодательством, так и публично-правовой порядок возмещения вреда, причиненного органами государственной власти¹⁴⁸.

На сложную природу и комплексный характер данных отношений, в частности обращает внимание Т.Н. Нешатаева: «Представляется, что институт ответственности органов публичной власти за вред, причиненный физическим и юридическим лицам в ходе осуществления своих функций, действительно имеет сложную природу и может быть реализован лишь как комплексный правовой механизм»¹⁴⁹.

Татьяна Николаевна выделяет два основных вектора развития данного института: во-первых, расширение гражданско-правовых средств защиты и, во-вторых, создание эффективных административно-правовых механизмов возмещения вреда. В плане совершенствования гражданско-правовых механизмов возмещения государством вреда, с учетом публично-правового характера отношений, она предлагает ввести принцип генерального деликта, согласно которому вред должен быть возмещен даже если он причиняется правомерно, т.е. в соответствии с действующим законодательством, но в том случае, когда такой вред является индивидуальным и чрезмерным.

Второе направление касается создания особого публично-правовых механизмов возмещения вреда: «Суть его сводится к тому, что частные лица

¹⁴⁸ Мельничук Г.В. Реабилитация как межотраслевой институт российского права // Административное право и процесс. 2017. N 1. С. 11 - 18.

¹⁴⁹ Нешатаева Т.Н. Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2013. 304 с.

получают денежную компенсацию за вред, причиненный действиями государства, если вред признается чрезмерным»¹⁵⁰. Следует отметить, что подобные публичные или административно-правовые механизмы возмещения вреда в российском законодательстве уже имеются. Например, к ним можно отнести возмещение вреда в результате террористического акта, аварии на Чернобыльской АЭС, нарушения права на судопроизводство в разумный срок и т.п.

Таким образом, как нам представляется отраслевая принадлежность норм о возмещении государством вреда не является надлежащим критерием дифференциации механизмов возмещения такого вреда, поскольку не отражает их специфики. Например, возмещение вреда в порядке реабилитации, предусмотренной Уголовно-процессуальным законодательством РФ, по сути, конкретизирует основания возникновения соответствующего права и некоторые процедурные особенности его реализации. Однако, в целом подобный механизм является индивидуализированным и регулярным, как и возмещение вреда в порядке, предусмотренным гражданским законодательством. В этой связи следует провести определенный анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих возмещение государством вреда.

Так, В.М. Валетова и В.Г. Ермаков выделяют следующие нормативно-правовые акты, в которых конкретизируется механизм реализации конституционного права на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц:

- Гражданский кодекс РФ;
- Уголовно-процессуальный кодекс РФ;
- Федеральный закон № 68-ФЗ от 30 апреля 2010 года «О компенсации

за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»;

¹⁵⁰ *Нешатаева Т.Н.* Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2013. 304 с.

- Налоговый кодекс РФ;
- Специальные законы, регламентирующие деятельность органов государственной власти.

Авторы отмечают, что Налоговый кодекс в статьях 35 и 37 предусматривает возмещение вреда налогоплательщикам в результате неправомерных действий (решений) или бездействия налоговой и таможенных органов (ст. 35 НК РФ), а также органов внутренних дел, следственных органов (ст. 37 НК РФ) и их должностных лиц.

Данные нормы предусматривают возмещение причиненного вреда (убытков) за счет средств федерального бюджета в порядке, установленном законодательством. В связи с этим в юридической литературе справедливо отмечается, что сам «порядок возмещения причиненного вреда за счет средств федерального бюджета в данном случае законодательно не определен, а соответствующая норма носит отсылочный характер»¹⁵¹.

К «специальным» законам, регулирующим деятельность отдельных органов власти В.М. Валетова и В.Г. Ермаков относят нормативно-правовые акты, которые предусматривают возможность возмещения вреда, причиненного сотрудниками отдельных органов государственной власти при исполнении служебных обязанностей (Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» и др). Законов, закрепляющих общую норму о возмещении вреда, причиненного деятельностью тех или иных органов государственной власти достаточно много, а сами эти нормы, как правило, отсылают к «порядку, установленному законодательством».

Так, например, согласно статье 25 Федерального закона от 27.11.2010 №311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» вред, причиненный лицам и их имуществу вследствие неправомерных решений, действий

¹⁵¹ Валетова В.М., Ермаков В.Г. Конституционно-правовые механизмы возмещения государством вреда в результате противоправной деятельности публичной власти // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 3. С. 302.

(бездействия) должностных лиц таможенных органов при исполнении ими служебных обязанностей, подлежит возмещению в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Характерно, что все выделенные данными авторами нормативно-правовые акты регламентируют общий порядок возмещения вреда государством. Например, Федеральный закон № 68-ФЗ от 30 апреля 2010 года «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» регулирует гражданско-правовое возмещение вреда, причиненного действиями государственной власти применительно к частному случаю – нарушению прав на судопроизводство в установленные сроки.

Здесь необходимо отметить еще две законодательные новеллы, связанные с возмещением государством вреда, появившиеся в российском законодательстве в 2019 году. Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены изменения в Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», которыми предусматривается возмещение государством вреда, причиненного нарушением условий содержания под стражей, предусмотренных законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации.

Данный законопроект был разработан в связи с пилотным Постановлением Европейского Суда по правам человека от 10 января 2012 г. по жалобам № 42525/07 и № 60800/08 «Ананьев и другие против Российской Федерации», в котором констатировалось наличие системной («структурной») проблемы в России, связанной с необеспечением ненадлежащих условий содержания под стражей и отсутствием эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

В прессе отмечается, что с момента присоединения России к Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом было рассмотрено

353 дела по жалобам на необеспечение надлежащих условий содержания в изоляторах и исправительных учреждениях, а в настоящее время на рассмотрении находится еще около 750 дел данной категории¹⁵². Во исполнение вынесенных ЕСПЧ постановлений и решений по таким делам российскими властями выплачено около 3,4 млн. евро в счет компенсации заявителям причиненного вреда, а также судебных расходов и издержек.

Идея внесенных в действующее законодательство изменений заключается в том, чтобы создать механизм возмещения вреда, причиненного в связи с ненадлежащими условиями содержания под стражей и в исправительных учреждениях, на национальном уровне. Сегодня это возможно только в общем порядке, предусмотренном гражданским законодательством, а также в рамках института реабилитации. Однако, гражданско-правовой механизм возмещения такого вреда требует установления факта незаконных действий органов государственной власти или должностных лиц, а также их вины (за отдельными исключениями).

Принятый закон предполагает выплаты компенсаций из средств федерального бюджета за нарушение условий содержания, предусмотренных законодательством РФ и международными договорами (отсутствие должных санитарных условий, превышение нормы жилой площади и др.) в порядке административного искового судопроизводства. При этом иск подается непосредственно к Российской Федерации, а выплата компенсации производится вне зависимости от наличия вины соответствующих органов власти, учреждений, их должностных лиц.

Очевидно, что данный закон представляет собой частный случай общего механизма возмещения вреда, предусмотренного гражданским законодательством. Даже то, что рассмотрение данной категории дел осуществляется в рамках не гражданско-процессуального, а административного искового судопроизводства не

¹⁵² Принят закон о компенсации за ненадлежащие условия в СИЗО// Ассоциация юристов России. URL: <https://alrf.ru/news/prinyat-zakon-o-kompensatsii-za-nenadlezhashchie-usloviya-v-sizo/> (дата обращения: 03.01.2020).

меняет ситуации, поскольку по существу речь идет о компенсации индивидуализированного вреда. Следует отметить, что если в административном исковом заявлении будет содержаться требование о возмещении вреда имуществу или здоровью, то суд должен принять решение о переходе к рассмотрению этого требования по правилам гражданского судопроизводства. Также характерно, что получение указанной компенсации не исключает обращения с иском о возмещении вреда в общегражданском порядке, т.е. по правилам статьей 1069 и 1070 Гражданского кодекса РФ. При этом присуждение компенсации за нарушение условий содержания под стражей лишает заинтересованное лицо права на компенсацию морального вреда за нарушение условий содержания под стражей. Из всего этого напрашивается вывод, что по сути данный механизм является административно-правовым аналогом исковых споров о компенсации морального вреда, причиненного ненадлежащими условиями содержания под стражей.

Еще одним механизмом возмещения государством вреда, введенным в 2019 году в российское законодательство, является компенсация добросовестному приобретателю за утрату им жилого помещения. Так, федеральным законом от 02.08.2019 № 299-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» дополнен главой 10.1 «Компенсация добросовестному приобретателю за утрату им жилого помещения».

Данный механизм представляет собой систему перераспределения бремени взыскания ущерба, причиненного в связи с переходом прав на жилое помещение, от добросовестного приобретателя к государству. Здесь обязательно следует иметь в виду, что речь идет о тех жилых помещениях, право на которые было надлежащим образом зарегистрировано уполномоченным государственным органом. Согласно поправкам в Гражданский кодекс РФ, с 1 января 2020 года приобретатель недвижимого имущества, полагавшийся при заключении сделки на данные ЕГРН, получает статус добросовестного и считается таковым до тех пор, пока в судебном порядке не будет доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии права на отчуждение имущества у продавца недвижимости. При этом статья 66

Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» предусматривает ответственность органа регистрации прав, в том числе за полноту и достоверность предоставляемых сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости.

Таким образом, по сути, данный закон устанавливает ответственность государства за вред, хотя и причиненный, как правило, мошенническими действиями третьих лиц, но в результате ненадлежащего осуществления контроля за сделкой со стороны органа регистрации прав. В этом смысле речь также идет об ответственности государства за действия его органов и должностных лиц, которая наступает в виде возмещения индивидуализированного вреда – убытков. Поэтому данный случай возмещения вреда также представляет собой конкретизацию общего механизма компенсации государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти.

Следует отметить, что помимо, рассмотренных выше «регулярных» механизмов возмещения вреда, российское законодательство закрепляет и «чрезвычайные» или «экстраординарные» порядки возмещения такого вреда как способа восстановления прав, нарушенных неправомерными действиями органов государственной власти. Особые, специальные механизмы реабилитации и возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц, предусмотрены Законом РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», а также Законом РСФСР от 26.04.1991 № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов». Эти виды реабилитации введены «ad hoc», т.е. для конкретного случая, что и дает основания охарактеризовать их как «экстраординарные». Их исключительный характер, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации обусловлен реальной неисчислимостью и невосполнимостью причиненного вреда.

По этому же признаку («чрезвычайность вреда») выделяется институт возмещения государством вреда, причиненного глобальными радиационными и техногенными катастрофами. основополагающим нормативным основанием

возмещения такого вреда является положение статьи 42 Конституции Российской Федерации, согласно которому каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, а также - на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Данное конституционное положение нашло свою дальнейшую конкретизацию в Законе РСФСР от 15.05.1991 № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», а также, принятом впоследствии, Федеральным законом от 26.11.1998 № 175-ФЗ «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча».

Следует заметить, что некоторые авторы, основываясь на известной правовой позиции Конституционного Суда, согласно которой в ряде отношений, связанных с возмещением «чрезвычайного вреда» государство выступает не как причинитель вреда, который несет ответственность за собственные противоправные действия, а как распорядитель бюджетных средств, полагают, что данные отношения не охватываются содержанием статьи 53 Конституции Российской Федерации¹⁵³. Данные исследователи рассматривают данные отношения как разновидность отношений по социальному обеспечению, а ответственность государства за причиненный вред как разновидность позитивной ответственности. Вряд ли с подобной точкой зрения можно согласиться: согласно статье 2 Конституции Российской Федерации признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства. В данном случае невыполнение данной обязанности вполне может рассматриваться как основание для возложения на государство юридической ответственности в виде возмещения причиненного вреда.

¹⁵³ *Чорновол Е.П.* Гражданско-правовой институт предупреждения причинения, возмещения и компенсации вреда: понятие и система // Актуальные проблемы российского права. 2015. N 4. С. 146 - 153.

Мы в данном случае солидарны с позицией Д.С. Велиевой, которая отмечая трудности в применении непосредственно к государству традиционных конструкций позитивной и негативной (юридической) ответственности, приходит к выводу, что в данном случае государство несет ответственность независимо от персональной вины конкретного органа или должностного лица, а лишь в силу допущенного вреда (своего рода, разновидность генерального деликта в сфере конституционно-правовых отношений)¹⁵⁴.

Как нам представляется сказанное относится и к возмещению вреда, причиненного в результате совершения террористического акта, которое регламентируется Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Спецификой данного механизма возмещения вреда является то, что сам по себе вред причиняется действиями третьих лиц, не имеющих никакого отношения к органам государственной власти. Поэтому согласно статье 18 Закона о противодействии терроризму возмещение такого вреда должно осуществляться лицом его причинившим, т.е. совершившим террористический акт, на общих началах гражданского законодательства, т.е. по правилам главы 59 ГК РФ.

Вместе с тем, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, такое возмещение на практике часто является затруднительным в силу того, что причинитель вреда погиб, либо не установлен или в силу масштаба причиненного вреда его средств явно недостаточно для возмещения вреда в полном объеме. Кроме того, в силу осуществления мероприятий по установлению лиц, совершивших террористический акт, определения и доказывания их вины, такое возмещение вреда может быть сильно отсрочено во времени, что не соответствует задаче скорейшего и полного восстановления нарушенных прав граждан.

В этой связи государство выступает гарантом конституционных прав граждан, пострадавших в результате совершения террористического акта,

¹⁵⁴ *Велиева Д.С.* Конституционно-правовая ответственность российского государства в сфере обеспечения экологической безопасности // *Власть.* 2013. № 5. С. 160-162.

принимая на себя ответственность за действия третьих лиц и обязанности по возмещению причиненного вреда.

Подводя определенный итог всему сказанному выше, следует отметить, что фактически в настоящее время Российской Федерации существуют два независимых механизма возмещения вреда: частно-правовой и публично-правовой.

Характерными чертами первого являются:

1) *регулярность* - он распространяется на широкий перечень случаев причинения имущественного, а в ряде случаев и неимущественного ущерба;

2) *индивидуализированный характер* - размер причиненного вреда, также как и суммы компенсаций, определяются для каждого конкретного случая;

3) порядок применения определяется *общими нормами*: как гражданского и гражданско-процессуального законодательства, так и уголовно-процессуальным законом.

Отличительными признаками второго являются:

1) *казуальный характер* - он распространяется на конкретные, точно определенные случаи;

2) причиненный вред *презюмируется* в определенном объеме, а размеры компенсаций точно определяются для значительных групп лиц;

3) многие предусмотренные компенсации имеют сходство с мерами социальной поддержки;

4) порядок применения определяется *специально принятым законодательством*, относящимся преимущественно к сферам конституционно-правового и административно-правового регулирования.

Очевидно, что к частно-правовому порядку возмещения вреда, мы в данном случае, относим не только механизмы, предусмотренные гражданским законодательством, но и институт реабилитации, компенсации вреда, причиненного нарушением условий содержания под стражей, несмотря на то, что последний компенсируется в рамках административного судопроизводства, а реабилитация регламентируется уголовно-процессуальным законодательством. В данном случае критерием отнесения данных механизмов к частно-правовому порядку возмещения

вреда выступает не принадлежность правовых норм к «частной» или «публичной» отрасли права (что, кстати, не всегда однозначно), а, прежде всего, индивидуализированный и регулярный характер. Поэтому такой механизм возмещение вреда можно охарактеризовать как «общий» или «регулярный».

Вместе с тем, действующее законодательство содержит довольно большой перечень специальных правил возмещения государством вреда, причиненного действиями органов государственной власти и их должностных лиц, применительно к различным частным ситуациям: возмещение вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумный срок, компенсация добросовестному приобретателю утраты им жилого помещения и др. Указанные правила представляют собой специальные или частные механизмы общего («регулярного») порядка возмещения государством вреда.

Публично-правовой механизм возмещения вреда в порядке реализации статьи 53 Конституции Российской Федерации носит «иррегулярный» или «чрезвычайный» характер, поскольку, как правило, вызывается к правовому закреплению «чрезмерным», «невосполнимым» и т.п. вредом (например, вред причиненный аварией на Чернобыльской АЭС). Такой вред причиняется значительному кругу лиц (например, жертвам политических репрессий), а поэтому предполагает использование правовых средств его компенсации, рассчитанных на неопределенный круг лиц (компенсации, льготы и т.п.). С этим же связан его презюмируемый (усредненный, деиндивидуализированный) характер.

Основным отличием публичного механизма возмещения государством вреда является деиндивидуализация вреда. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, такой механизм используется в случаях причинения вреда людям в результате техногенных катастроф глобального характера, экологических бедствий, когда такой вред реально невосполним и неисчислим, он не может быть возмещен в порядке, предусмотренном гражданским,

административным, уголовным и другим отраслевым законодательством¹⁵⁵. Соответственно, государством используются специальные способы возмещения такого вреда – льготы, пенсии, социальные выплаты и т.п. Указанные способы возмещения вреда предполагают их распространение на неопределенный круг лиц.

2.2. Фактические основания возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и должностных лиц

Вопрос о фактических основаниях возмещения государством вреда, причиненного органами государственной власти, как и возмещения вреда в целом, в юридической литературе является дискуссионным и неоднозначным. Так, некоторые ученые полагают, что таким основанием выступает гражданское правонарушение, которое обладает определенным составом, т.е. совокупностью юридических фактов, влекущих возникновение обязанности по возмещению причиненного вреда¹⁵⁶. При этом в составе гражданского правонарушения в доктрине выделяются различные элементы, которые часто называют условиями гражданско-правовой ответственности. Некоторые авторы разграничивают элементы состава правонарушения и условия наступления ответственности: «Основанием возникновения гражданско-правовой ответственности за причиненный вред будет являться юридический факт - правонарушение, элементами которого выступают: вред, противоправность и причинная связь. А к

¹⁵⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1997 N 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // СЗ РФ. 1997. N 50. Ст. 5711.

¹⁵⁶ *Рипинский С.Ю.* Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям. СПб., 2002. С. 69.

условиям гражданско-правовой ответственности за причиненный вред следует отнести вину как субъективную сторону состава правонарушения»¹⁵⁷.

Другие ученые возражают против выделения конструкции «состав правонарушения» в качестве основания гражданско-правовой ответственности. Так, например, В.В. Витрянский полагает, что «основанием гражданско - правовой ответственности (единственным и общим) является нарушение субъективных гражданских прав, как имущественных, так и личных неимущественных»¹⁵⁸. Обосновывая свою позицию, он выступает именно против «вторжения» «чуждых» цивилистики уголовно-правовых учений о составе преступления¹⁵⁹. При этом он приводит цитату Г.Ф. Шершеневича о том, что уголовная ответственность основана на принципе «*nulla poenas sine crimine*», согласно которому нет преступления без четкого указания закона, тогда как гражданская ответственность может устанавливаться как без вины причинителя вреда, так и вообще за причинение вреда третьим лицом.

В гражданском праве (по крайней мере, в системе континентального права) действует, так называемый, «принцип генерального деликта», согласно которому само по себе причинение вреда является основанием для возложения обязанности его возместить. Если обратить внимание на буквальную формулировку части 1 статьи 1064 ГК РФ, согласно которой вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред, то становится очевидным, что это прямое закрепление принципа генерального деликта. Безусловно, далее этот принцип снабжается рядом оговорок или дополнительных условий, направленных на учет различных обстоятельств: вины причинителя, противоправности его действий и т.п. Например, из смысла части второй, той же статьи следует, что вина причинителя вреда имеет характер пусть и опровержимой,

¹⁵⁷ Гражданско-правовой механизм возмещения вреда, причиненного актом терроризма: монография / Л.Т. Кокоева, В.А. Рыбаков, В.Н. Соловьев и др. М.: Юрист, 2009. С. 77.

¹⁵⁸ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2001. Кн. 1. С. 705.

¹⁵⁹ Там же.

но презумпции и, если лицо докажет, что вред причинен не по его вине, то он освобождается от его возмещения (причем, это не относится к, так называемой, невиновной ответственности). А вот, что касается противоправности, то по смыслу части 3 ст. 1064 ГК РФ, она является обязательным условием возложения обязанности возместить причиненный вред, поскольку согласно данной норме вред, причиненный правомерными действиями, возмещается, только в случаях, прямо предусмотренных законом.

В контексте данной дискуссии следует иметь в виду, что отношения по возмещению государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти, даже урегулированные нормами гражданского законодательства, не являются исключительно институтом цивилистики. Этимологически понятие «деликт» происходит от латинского «*delictum*», что означает «проступок», «правонарушение», «погрешность», «ошибка». При этом в римском праве выделялись частные (*delicta privata*) и публичные (*delicta publica*) деликты, которые отличались как объектом посягательств, так и характером юридической ответственности за их совершение. Частный деликт представлял собой причинение вреда частному лицу и предполагал имущественную ответственность в виде возмещения вреда или штрафных санкций. Объектом публичного деликта являлись интересы государства и в случае их совершения применялись физические наказания вплоть до казни нарушителей или денежный штраф в доход государства¹⁶⁰. Как отмечается в специальной литературе, «на основе публичного деликта в современном уголовном праве разработано понятие преступления, на основе частного - гражданского правонарушения»¹⁶¹.

Современное российское законодательство понятие «деликт» не использует, однако оно является чрезвычайно востребованным в юридической доктрине (в основном в цивилистике), широко используется в актах высших судебных

¹⁶⁰ *Барина М.А., Максименко С.Т.* Римское частное право: учебное пособие для ВУЗов. 2006. – 208 с.

¹⁶¹ *Добробаба М.Б.* Концептуальные основы служебно-деликтного права // *Lexrussica*. 2014. N 2. С. 199 - 210.

инстанций, международных документах и т.п. При этом в целом сохраняется диспозиция, согласно которой к частным деликтам относится причинение вреда в результате противоправных действий, который возмещается в рамках гражданско-правовой ответственности. К публичным же деликтам относятся, прежде всего, уголовные преступления и административные проступки. Например, в Определении Конституционного Суда РФ от 05.02.2015 N 236-О¹⁶² прямо говорится, что публичные деликты подразделяются на преступления и административные проступки.

Несмотря на это, в специальной литературе довольно часто высказывается мнение, что причинение вреда гражданину или юридическому лицу незаконными действиями (бездействием) власти представляет собой особую разновидность именно публичного деликта. Так, например, А.К. Губаева отмечает: «Для российской практики также актуальна проблема известного приоритета норм публичного права и взаимодействия норм публичного и частного права при квалификации причинения вреда в качестве публичного деликта. Под публичным деликтом в широком смысле в данном случае понимается нормативное основание возмещения вреда, причиненного незаконным актом власти (ст. ст. 1069, 1070 ГК РФ)»¹⁶³. А.Б. Агапов также полагает правильным выделение публичных деликтов, «возникновение которых обусловлено правомерными и противоправными действиями органов государственной власти, муниципальных органов или их должностных лиц (см. ст. ст. 16, 16.1, абз. 1 п. 3 ст. 1064, 1069 ГК)»¹⁶⁴.

М. Авдеенкова и Ю. Дмитриев предлагают использовать понятие «конституционный деликт», который представляет собой «противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) деяние (действие или бездействие)

¹⁶² Определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2015 N 236-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Михайловой Валентины Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 25.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶³ Губаева А.К. Возмещение государством вреда, причиненного незаконными актами власти, и векторы контентного развития деликтного права // Закон. 2017. N 10. С. 73 - 82.

¹⁶⁴ Агапов А.Б. Корреляция публичных и цивилистических форм вины // Административное и муниципальное право. 2016. N 9. С. 791 - 798.

органа публичной власти или должностного лица такого органа, которое причинило либо создало опасность причинения вреда общественным отношениям в сфере осуществления публичной власти и за которое законодательством предусмотрена конституционно-правовая ответственность»¹⁶⁵. Очевидно, что данное определение описывает не деликт (в частно-правовом смысле этого термина), а конституционное правонарушение, поскольку речь идет не о причинении вреда конкретному субъекту, а о вредоносности (в том числе потенциальной) данного деяния для общественных отношений и интересов. Кстати, многие авторы употребляют слово деликт наряду с понятием правонарушение – «конституционное правонарушение (деликт)»¹⁶⁶.

Это не вполне верно, поскольку деликт как причинение вреда может и не обладать всеми признаками правонарушения, например, вполне возможно причинение вреда правомерными действиями. Между тем, указание на незаконный характер действий причинителя вреда позволяет рассматривать указанные действия как правонарушение.

В теории государства и права «под правонарушением принято понимать виновное, противоправное деяние вменяемого лица, причиняющего вред другим лицам и обществу, влекущее юридическую ответственность»¹⁶⁷. В учебнике под редакцией В.В. Лазарева правонарушение определяется как «общественно вредное (или общественно опасное) противоправное и виновное деяние деликтоспособного субъекта, влекущее юридическую ответственность»¹⁶⁸.

При этом в специальной литературе обращается внимание на отличие термина «правонарушение» от понятия «нарушение права»: «Нарушение права, закона вовсе не тождественно термину «правонарушение». О правонарушении можно говорить только в том случае, когда есть виновное противоправное деяние,

¹⁶⁵ Авдеенкова М., Дмитриев Ю. Конституционно-правовая ответственность в РФ // Право и жизнь. 2002. N 45(2). С. 3 - 5.

¹⁶⁶ См.: Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 288.

¹⁶⁷ Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: Маркет ДС, 2007. С. 328.

¹⁶⁸ Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. М.: Юрист, 2002. С. 287.

совершенное деликтоспособным лицом»¹⁶⁹. Незаконное или противоправное деяние является правонарушением и влечет за собой ответственности только в том случае, если оно содержит состав правонарушения.

Под составом правонарушения в теории государства и права понимается «система необходимых и вместе с тем достаточных с точки зрения действующего законодательства для возложения юридической ответственности признаков правонарушения»¹⁷⁰. «Для того чтобы привлечь лицо к юридической ответственности, необходимо наличие в каждом конкретном случае определенного состава правонарушения, то есть основанием юридической ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава правонарушения, предусмотренного законодательством»¹⁷¹.

В этой связи, с позиции заявленной темы исследования, представляется необходимым, прежде всего, рассмотреть причинение лицу вреда незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц с точки зрения соответствия этого деяния признакам правонарушения (во-первых) и проанализировать элементы состава такого правонарушения (во-вторых).

Под признаками правонарушения в юридической литературе принято понимать:

- наличие «волевой» составляющей субъекта, т.е. «определенное деяние (действие или бездействие) субъекта права, акт его поведения»¹⁷².
- общественная «вредность»¹⁷³ или «опасность»¹⁷⁴ такого деяния;

¹⁶⁹ *Абдулаев М.И.* Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. М.: Магистр-Пресс, 2004. [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷⁰ *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Теория государства и права: учебник. М.: Прометей, 2017. С. 189.

¹⁷¹ *Абдулаев М.И.* Теория государства и права. [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷² Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.И. Абрамова, С.А. Боголюбов, А.В. Мицкевич и др.; под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. С. 389.

¹⁷³ Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.И. Абрамова, С.А. Боголюбов, А.В. Мицкевич и др.; под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. 544 с.

¹⁷⁴ *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Теория государства и права: учебник. М.: Прометей, 2017. С. 311.

- признак противоправности означает, что правонарушение всегда характеризуется незаконным деянием субъекта: не всякое противоправное деяние (нарушение права) является правонарушением, но всякое правонарушение противоправно;

- виновность, т.е. правонарушение предполагает определенное психическое отношение к совершаемому деянию, но всегда сознательное нарушение субъектом правовых норм.

Некоторые авторы расширяют данный перечень признаков, включая в него, например, наказуемость деяния, наступление вредоносных последствий и т.п., однако названные выше признаки выделяются практически всеми исследователями.

С одной стороны, первые три признака правонарушения отчетливо выражены в нормативной конструкции статьи 53 Конституции Российской Федерации: вред причиняется непосредственно деянием органов власти и должностных лиц; вредоносность (общественная опасность) постулируется самим существом права на возмещение вреда; противоправность вытекает из прямого указания на незаконный характер действий (бездействия) органов государственной власти и их должностных лиц.

Сложнее дело обстоит с квалификацией данного деяния в качестве виновного, поскольку Основной закон прямо об этом не упоминает. Однако, известна правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой отсутствие непосредственно в данной конституционной норме указания на необходимость учета вины соответствующего органа или должностного лица, как на условие возмещения государством причиненного вреда, не означает, что вред возмещается государством независимо от наличия их вины. Наличие вины, по мнению Суда, представляет собой общий и необходимый принцип юридической ответственности во всех отраслях права, а всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е.

закреплено непосредственно¹⁷⁵. Другими словами, Конституционный Суд прямо признал, что возмещение вреда в порядке статьи 53 Конституции Российской Федерации выступает, во-первых, мерой юридической ответственности и, во-вторых, имманентно подразумевает учет вины причинителя.

С другой стороны, отмеченные Судом исключения из общего правила виновной ответственности прямо и непосредственно закрепляются, например, положениями Гражданского кодекса, предусматривающими в ряде случаев (незаконное осуждение, незаконное привлечение к уголовной ответственности, незаконное применение в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде и др.) возмещение вреда, причиненного органами власти, независимо от вины причинителя.

Кроме того, согласно статье 16.1 ГК РФ предусматривается (в случаях, прямо предусмотренных законом) компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, что ставит под сомнение и признак противоправности как условие возмещения вреда.

Более того, на сегодняшний день уже существуют нормативные механизмы возмещения государством вреда, причиненного не органами государственной власти или местного самоуправления, а третьими лицами (вред, причиненный террористическими актами, вред жертвам преступлений, вред в результате радиационных аварий и техногенных катастроф и т.п.).

Все это размывает позицию, согласно которой право, закрепленное в статье 53 Конституции Российской Федерации представляет собой ответственность государства за правонарушение, совершенное его органами или должностными лицами. Тем не менее, из всего сказанного выше, можно сделать вывод, что фактическим основанием возмещения государством вреда, безусловно, является правонарушение в виде незаконного деяния органов государственной власти и их

¹⁷⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 N 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 700.

должностных лиц. Вместе с тем, нуждается в дальнейшем уточнении вопрос: только ли подобное правонарушение может быть фактическим основанием возмещения такого вреда? К этому вопросу мы вернемся ниже, здесь же есть необходимость остановиться на характеристике правонарушения как фактического основания возмещения вреда, причиненного органами власти.

Прежде всего, следует задуматься об отраслевой принадлежности данного правонарушения и виде юридической ответственности, которая наступает за его совершение. В теории государства и права правонарушения обычно подразделяют по отраслевому принципу на уголовные преступления, административные правонарушения, дисциплинарные проступки и гражданско-правовые правонарушения¹⁷⁶. Впрочем, некоторые авторы расширяют данный перечень за счет специфики тех или иных нарушений отраслевого законодательства, выделяя процессуальные правонарушения, финансовые проступки, семейные проступки и др.¹⁷⁷.

Зачастую в этом ряду отраслевых правонарушений выделяются и конституционные проступки. На наш взгляд, это не вполне правильно: конституционное право не является однопорядковой отраслью права наряду с административным, трудовым или уголовным правом, поскольку Конституция Российской Федерации регулирует не отдельный сегмент «однородных общественных отношений», а представляет собой общерегулятивный императив формирования и функционирования всей системы отраслевого законодательства. Поэтому, следует безусловно согласиться с мнением Ф.С. Скифского, что в широком смысле «всякое нарушение юридических норм есть нарушение

¹⁷⁶ Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.И. Абрамова, С.А. Боголюбов, А.В. Мицкевич и др.; под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. 544 с.; *Абдулаев М.И.* Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. М.: Магистр-Пресс, 2004. 410 с.

¹⁷⁷ *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Теория государства и права: учебник. М.: Прометей, 2017. 330 с.

конституционного закона, а равно любое правонарушение является конституционным правонарушением»¹⁷⁸.

Большинство исследователей, признающих существование и самостоятельный характер конституционных правонарушений (конституционных деликтов), полагают, что к ним применимо классическая конструкция состава правонарушения, включающая в себя четыре элемента: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона¹⁷⁹.

Традиционно под объектом правонарушения понимают то, на что направлено противоправное деяние и на что оно посягает: «Объектом правонарушения всегда выступают общественные отношения, регулируемые и охраняемые правом, которым правонарушение причиняет или может причинить вред. Это - права и свободы личности, общественный порядок, конституционный строй государства и т.д.»¹⁸⁰.

Объект конституционного правонарушения в целом в специальной литературе рассматривается максимально широко: конституционный строй, конституционную законность, правопорядок¹⁸¹; конституционные принципы организации формы правления; форма государственного устройства, принципы народовластия, «разделения властей», «социального государства» и др.¹⁸². Однако, если говорить о конституционном правонарушении, ответственность за которое закрепляется в статье 53 Конституции Российской Федерации, т.е. выражающемся в причинении вреда в результате незаконных действий органов власти, то можно выделить родовой и непосредственный объект данных противоправных деяний.

¹⁷⁸ Скифский Ф.С. Конституционные правонарушения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1998. С. 8.

¹⁷⁹ См.: Лучин В.О. Конституционные деликты // Государство и право. 2000. N 1; Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правового регулирования. М., 2002; Литинский Д.А., Великосельская И.Е. К вопросу о составе конституционных правонарушений // Конституционное и муниципальное право. 2016. N 9 и др.

¹⁸⁰ Абдулаев М.И. Теория государства и права. С.124.

¹⁸¹ Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации. М.: Городец, 2000. С. 105.

¹⁸² Овсяян Ж.И. Юридическая ответственность и государственное принуждение. Ростов н/Д: Эверест, 2005. С. 236.

Как известно, в юридической науке принято выделять общий (вся совокупность охраняемых общественных отношений, например, конституционный строй в целом), родовой (устойчивые однородные группы защищаемых отношений, например, народовластие, федерализм и т.п.) и непосредственный (конкретное общественное, которое нарушается) объект противоправных посягательств. Учитывая, что в рассматриваемой норме Конституции Российской Федерации речь идет о возмещении вреда, причиненного противоправным посягательством, очевидно, что родовым объектом являются, предусмотренные второй главой Основного закона права и свободы, а непосредственным - конкретное нарушенное право или права. При этом речь может идти о нарушении иных конституционно-правовых норм, например, нарушении принципов федерализма, выраженного в положениях главы 3 Конституции РФ (выход субъекта Российской Федерации за пределы своей компетенции), однако, при рассмотрении вопроса о возмещении государством вреда, причиненного таким деянием, правовой оценке подлежит вопрос о нарушении конкретного права (неправомерное ограничение прав нормативным актом субъекта Российской Федерации, нарушение социально-территориального равенства и т.п.).

В этой связи интересна позиция Конституционного Суда, которая неоднократно им высказывалась в делах о нарушении избирательных прав. По жалобам о нарушении избирательного законодательства суды как правило отказывают гражданам в признании выборов незаконными, что приводит их в зал Конституционного Суда. Констатируя конкретные нарушения пассивных избирательных прав граждан и одновременно невозможность в таких случаях отменить результаты выборов, Конституционный Суд указывает, что гражданин может использовать для защиты своих прав «компенсаторные механизмы» в соответствии со статьей 53 Конституции Российской Федерации¹⁸³. В данном

¹⁸³ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2017 N 11-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и

случае можно заметить, что объектом конституционного правонарушения в целом является нарушение избирательного процесса, однако, с точки зрения возмещения вреда конкретному субъекту права таким объектом выступает гарантированное ему Основным законом пассивное избирательное право.

Следующим элементом состава конституционного правонарушения по причинению вреда органами государственной власти и их должностными лицами выступает объективная сторона. В теории государства и права в качестве объективной стороны правонарушения рассматривается «общественно вредное деяние лица, отрицательные последствия, причиненные этим деянием, существующая причинная связь между совершенным деянием и результатом»¹⁸⁴.

В литературе по конституционному праву отмечается, что объективная сторона конституционного правонарушения может рассматриваться в широком и узком смысле слова. В узком понимании данное деяние связано с нарушением именно норм конституционного права, а в широком - таким правонарушением является фактически нарушение любых правовых норм¹⁸⁵. При этом Д.А. Липинский и И.Е. Великосельская отмечают, что с точки зрения идентификации именно конституционного правонарушения и, соответственно, конституционной ответственности за его совершение, целесообразно придерживаться «узкого» подхода, поскольку «широкая трактовка конституционного правонарушения делает расплывчатой его объективную сторону, и в этой категории теряется всякий смысл»¹⁸⁶. Действительно, например, убийство человека являясь преступлением, т.е. уголовно-правовым правонарушением, одновременно посягает на закрепленное в Конституции Российской Федерации, право на жизнь, а, следовательно, в

3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И.Л. Трунова и М.В. Юревича» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2655.

¹⁸⁴ Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.И. Абрамова, С.А. Боголюбов, А.В. Мицкевич и др.; под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. С. 478.

¹⁸⁵ Скифский Ф.С. Конституционные правонарушения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1998. С. 8.

¹⁸⁶ Липинский Д.А., Великосельская И.Е. К вопросу о составе конституционных правонарушений // Конституционное и муниципальное право. 2016. N 9. С. 7 - 9.

«широком» смысле представляет собой конституционное правонарушение. Подобный подход не позволяет выделить специфику непосредственно конституционного правонарушения.

Однако, «узкий» подход не вполне применим к положениям статьи 53 Конституции Российской Федерации, которая фактически закрепляет ответственность государства за вред, причиненный любыми незаконными действиями его органов и должностных лиц. Это очевидно означает, что «незаконность» такого деяния может выражаться в нарушении любых, а не только конституционных, правовых норм.

При этом одно и то же противоправное деяние может быть основанием наступления как «отраслевой» (уголовной, административной и т.п. ответственности) причинителя вреда, так и конституционной ответственности государства в силу положения статьи 53 Основного закона. Например, в случае выхода специального субъекта за пределы своих полномочий при применении «летальной силы» его действия получают квалификацию в виде уголовного преступления и, одновременно, будут являться основанием наступления конституционной ответственности государства в форме возмещения причиненного вреда.

Таким образом, объективная сторона такого конституционного правонарушения, т.е. конкретное деяние (действие или бездействие) органа власти или должностного лица не имеет решающего значения для квалификации и возложения на государство обязанности по возмещению вреда. Согласно конституционной формулировке статьи 53 важно лишь, чтобы такое деяние квалифицировалось как «незаконное».

Вместе с тем, критерий «незаконности» действий органов государственной власти требует определенных смысловых уточнений. Так, например, Гражданский кодекс РФ, конкретизируя положения статьи 53 Конституции Российской Федерации предусматривает возмещение вреда в случае «незаконного» осуждения, привлечения к уголовной ответственности, применения в качестве меры пресечения заключения под стражу и т.п. Вместе с тем, механизм реабилитации

лица, в рамках которого осуществляется возмещение такого вреда (за исключением морального) предполагает, что основанием квалификации данных действий как «незаконных» является определенное основание прекращения уголовного преследования: оправдательный приговор, отказ от обвинения, отсутствие в деянии состава преступления и т.п. (ст. 133 УПК РФ). Однако, следует заметить, что во всех этих случаях речь идет не о «незаконности» действий органов государственной власти, которые формально могут вполне могут соответствовать всем предписаниям нормативно-правовых актов, а о невиновности лица, привлекаемого к ответственности: «незаконность» здесь следует невиновности.

Кроме того, многие авторы справедливо отмечают, что ««незаконными» в смысле ст. 53 Конституции РФ признаются действия, которые не только не соответствуют закону, но и противоречат конституционным требованиям справедливости, соразмерности и правовой безопасности»¹⁸⁷. Например, обязанность по возмещению государством вреда может быть обусловлена изданием не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа (ст. 1069 ГК РФ).

В самом общем виде к такого рода «незаконным» актам государственных органов можно отнести и законы или подзаконные акты, признанные Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующими Конституции. Кстати, в научной литературе поднималась проблема о возможности возмещения государством вреда, причиненного принятием неконституционного закона. Так, например, И.В. Ткач, анализируя возмещение вреда, причиненного принятием неконституционного закона на примере законодательства Украины (оно в этой части сходным образом регламентирует ответственность государства за вред, причиненный органами власти), отмечает, что понятия «незаконность» (несоответствие закону) и «неконституционность» (несоответствие конституции) не являются идентичными как по смыслу, так и по правовым последствиям (особый

¹⁸⁷ *Андреева И.А.* Возмещение вреда государством как конституционно-правовой институт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. С. 19.

порядок признания актов не соответствующими конституции). В этой связи он полагает, что положения гражданского законодательства, регламентирующие возмещение вреда, причиненного незаконными актами органов государственной власти, «не регулирует такие отношения, но может применяться по аналогии»¹⁸⁸.

Российские ученые-конституционалисты, как правило, придерживаются точки зрения, что принятие неконституционного закона (признанного неконституционным) образует объективную сторону конституционного правонарушения и предполагает применение мер конституционно-правовой ответственности¹⁸⁹. Тем не менее нельзя отрицать существенного различия между понятиями «незаконности» и «неконституционности»: несоответствие нормативно-правового акта Конституции Российской Федерации может и не носить характер нарушения принципа законности, но противоречить по смыслу каким-либо принципам и нормам Конституции РФ (в специальной литературе существует понятие «конституционная законность»).

Наконец, в статье 53 Конституции в качестве объективной стороны причинения вреда органами государственной власти называются не только незаконные действия, но и бездействие. В качестве примера бездействия органов власти, образующего объективную сторону состава конституционного правонарушения некоторые авторы приводят «неисполнение решения соответствующего суда о признании акта незаконным, неуставным или неконституционным»¹⁹⁰. Т.Д. Зражевская в качестве бездействия влекущего наступление конституционной ответственности выделяет не достижение конституционно-правовых целей, т.е. недостаточность принятых мер для достижения результатов, предусмотренных конституционным

¹⁸⁸ *Ткач И.В.* К вопросу о возмещении государством Украина вреда, причиненного законами, признанными неконституционными // *Право и государство: теория и практика.* 2013. № 8 (104). С. 132.

¹⁸⁹ *Ярошенко Н.И.* Основания конституционно-правовой ответственности в сфере нормоконтроля // *Журнал российского права.* 2014. № 1.

¹⁹⁰ Там же. С. 105.

законодательством¹⁹¹. Безусловно, следует согласиться, что к бездействию как объективной стороне конституционного правонарушения следует отнести неисполнение субъектом права своих полномочий, предусмотренных конституционным законодательством¹⁹². Как нам представляется, во всех этих случаях речь вести следует не о «незаконности», а о «неправомерности» деяния, образующего объективную сторону конституционного правонарушения.

С. А. Авакьян в качестве основания конституционной ответственности выделяет недолжное применение конституционно-правовой нормы или несоответствие должному поведению под которыми понимается как прямое нарушение конституционно-правовых предписаний, так и неприменение или неправильное применение конституционно-правовой нормы¹⁹³.

Впрочем, данная позиция вызвала критику на страницах юридической литературы. Так, например, А.А. Кондрашев, отмечает, что «недолжность» применения нормы конституционного права в принципе не может служить основанием для применения мер классической конституционно-правовой ответственности, так как отсутствуют механизм определения и методика доказывания неэффективности реализации нормы или неправильности выбора вариантов поведения органа или должностного лица»¹⁹⁴. По его мнению, понятие «недолжности» в данном контексте может характеризовать лишь «позитивную» или политическую ответственность государства.

¹⁹¹ Зражевская Т. Д. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих // Государство и право. 2000. № 3. С. 27

¹⁹² Лучин В. О. Теоретические проблемы реализации конституционных норм: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата / Моск. юрид. ин-т. – М., 1993; Колосова Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. – М.: Городец, 2000; Юридическая ответственность органов и должностных лиц публичной власти [Текст]: монография / под ред. И. А. Алексеева, М. И. Цапко. - Москва: Проспект, 2017.

¹⁹³ Авакьян С. А. Государственно-правовая ответственность // Советское государство и право. 1975. № 10. С. 22.

¹⁹⁴ Кондрашев А. А. Конституционно-правовая ответственность в российском конституционном праве: учеб. пособие. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011. С.101.

Нам в данной связи более правильной представляется позиция, высказанная Д.С. Велиевой, согласно которой «традиционные категории позитивной и негативной ответственности неприменимы к государству в целом. Дело даже не в невозможности применения к государству конкретных юридических санкций (в качестве аналога юридической санкции, применяемой к государству, можно рассматривать, например, выплаты компенсаций по решению Европейского суда), а в отсутствии субъекта ответственности в классическом понимании»¹⁹⁵.

Как нам представляется, в сфере обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина «позитивная» ответственность государства выходит за рамки чисто политической ответственности и приобретает юридические свойства. Действительно, обязанность обеспечить возможность реального пользования гарантированными Основным законом правами и свободами по большей части представляет собой позитивное обязательство государства, а конкретные способы реализации этой обязанности определяются им дискреционно, «по усмотрению».

Необходимо согласиться с теми учеными, которые полагают, что ответственность государства в сфере гарантирования основных прав и свобод является неотъемлемым элементом его правового статуса¹⁹⁶. Однако, невыполнение или ненадлежащее выполнение этого позитивного обязательства влечет за собой юридическую («негативную») ответственность государства за причинённый вред, что, кстати, хорошо иллюстрируется практикой Европейского суда по правам человека.

Вместе с тем, если рассматривать причинение вреда действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц именно как разновидность конституционного правонарушения, то нельзя не отметить принципиального отличия его объективной стороны в виде непосредственно противоправного деяния и невыполнением общей конституционной обязанности

¹⁹⁵ Велиева Д.С. Конституционно-правовая ответственность российского государства в сфере обеспечения экологической безопасности // Власть. 2013. № 5. С. 160-162.

¹⁹⁶ Об этом: Нарутто С.В. Проблемы юридической ответственности субъекта Федерации Правоведение. - С.-Пб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. № 4. - С. 48-52.

государства по признанию и защите конституционных прав. Противоправное деяние в собственном (или «узком») смысле даже в виде бездействия предполагает нарушение конкретных обязанностей определенного субъекта: отправление правосудия в разумные сроки, осуществление надлежащего контроля за совершением сделок с недвижимым имуществом и т.п. В данном случае можно говорить о наличии уполномоченного субъекта по осуществлению тех или иных государственных функций и ненадлежащем исполнении им своих обязанностей.

Из общей же обязанности, предусмотренной статьей 2 Конституции Российской Федерации, следует лишь позитивное обязательство государства в целом создать определенные механизмы, обеспечивающие признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека, и гражданина. В данном случае отсутствуют как конкретные противоправные действия, которыми причиняется вред, так и субъект, который эти действия совершает. Неэффективность механизмов реализации и защиты прав и свобод может рассматриваться лишь как общее противоправное бездействие государства, но состав конкретного конституционного правонарушения здесь отсутствует. Например, невозможно во всех случаях причинения вреда преступными действиями третьих лиц требовать от государства его возмещения, хотя обеспечение эффективной правоохранительной системы и является обязанностью государства.

В связи со сказанным выше значимым с точки зрения квалификации причинения вреда органами государственной власти в качестве конституционного правонарушения является вопрос о субъекте и субъективной стороне такого правонарушения.

С этой точки зрения весьма неоднозначным представляется включение в состав фактической ответственности государства за вред, причиненный

незаконными действиями своих органов и должностных лиц, вины причинителя вреда¹⁹⁷.

Как известно, согласно части 1 статьи 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, возмещается независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

В отношении вреда, не повлекшего указанных выше последствий в части 2 статьи 1070 ГК РФ сделана отсылка к более общей норме статьи 1069, согласно которой вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов подлежит возмещению. Поскольку данная норма не содержит специального указания на возмещение вреда при отсутствии вины причинителя, то должны применяться общие правила, регламентирующие наступление деликтной ответственности при наличии вины причинителя. Вред же, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи будет установлена приговором суда, вступившим в законную силу.

Таким образом, легко заметить, что ответственность государства за причинение его органами и должностными лицами вреда незаконными действиями (бездействием), но при отсутствии вины носит исключительный характер и

¹⁹⁷ См., напр., Разрешительная система в Российской Федерации: научно-практическое пособие / Л.Ю. Акимов, Л.В. Андриченко, Е.А. Артемьева и др.; отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, ИНФРА-М, 2015. 928 с.

наступает только в случаях, перечисленных в части 1 статьи 1070 Гражданского кодекса РФ.

Необходимо отметить, что данные положения гражданского законодательства неоднократно подвергались критике на страницах специальной литературы. Так, Н.Р. Скобычкина считает неверным как закрепление исчерпывающего перечня случаев возмещения вреда государством независимо от вины правоохранительных и судебных органов (п. 1 ст. 1070 ГК РФ), так и «распространение действия п. 1 ст. 1070 ГК РФ на все незаконные действия органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (ст. 133 УК РФ) без учета основного критерия построения рассматриваемых отношений - характера нарушенного права». Она предлагает в п.1 ст. 1070 ГК РФ указать лишь примерный перечень противоправных действий, которые влекут ответственность государства¹⁹⁸.

Интересную позицию относительно учета вины причинителя вреда высказал А.П. Сергеев: «...По общему правилу, виновными должны предполагаться любые действия государственных или муниципальных органов и их должностных лиц, если они являются незаконными. Это следует из того, что в данном случае вред причиняется не фактическим, а юридическим действием, незаконность которого обычно уже сама по себе свидетельствует о наличии вины того лица, которое его совершило»¹⁹⁹.

На наш взгляд, ответственность государства за вред, причиненный только виновными действиями органов государственной власти и должностных лиц, не согласуется со смыслом конституционно-правовой нормы статьи 53 Конституции Российской Федерации и представляет собой подконституционное «свертывание», гарантированного Основным законом права.

Необходимо сказать, что Конституционный Суд Российской Федерации дал оценку соответствующим нормам, отметив, при этом, что наличие вины является

¹⁹⁸ *Скобычкина Н.Р.* Возмещение вреда, причиненного федеральными государственными органами, а также их должностными лицами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 10.

¹⁹⁹ *Гражданское право: Учебник: Т. 3 / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой.* М.: ТК Велби, Проспект, 2004. С. 612.

необходимым условием юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно. Поэтому отсутствие в статье 53 Конституции Российской Федерации упоминания о вине причинителя вреда как условия возмещения государством причиненного вреда не означает, что такой вред возмещается независимо от наличия вины государственного органа или должностного лица, причинивших указанный вред.

С подобным выводом сложно согласиться: как известно вина представляет собой психическое отношение лица к совершенному деянию или его последствиям (для юридических лиц - не принятие имеющихся у него мер для соблюдения установленных правил и норм). При этом вина является необходимым условием ответственности в рамках субъективного вменения именно в силу того, что субъект осознает и понимает противоправность своих действий и самостоятельно несет ответственность за их совершение. В рассматриваемых же отношениях публично-правового характера государство принимает на себя ответственность за действия своих органов и должностных лиц.

Между тем, как справедливо отмечается в специальной литературе, «вина как субъективное условие ответственности может быть только «своей» для правонарушителя, «чужая» вина условием его ответственности быть не может. Поэтому то, что называют ответственность только «за чужую вину», на самом деле есть ответственность без вины»²⁰⁰.

В данной ситуации субъект, на которого возлагается ответственность (государство) не совпадает с субъектом - причинителем вреда (конкретный государственный орган или должностное лицо). При этом государство берет на себя подобную ответственность в силу того, что согласно статье 2 Конституции Российской Федерации, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства. Соответственно, и

²⁰⁰ Дмитриева О. В. Ответственность без вины в гражданском праве. Воронеж, ВВШ МВД РФ, 1997. С.57

ответственность за вред, причиненный органами государственной власти или должностными лицами, возлагается на государство за неисполнение данной обязанности, а не за конкретный деликт, которым он причиняется.

В тесной взаимосвязи с виной причинителя вреда находится и вопрос о субъекте причинения вреда как одном из элементов фактического основания его возмещения. Например, в том случае если сотрудник полиции совершает разбойное нападение во внеслужебное время, не используя служебное удостоверение и оружие, ответ очевиден. А если такое преступление совершается в пределах служебного времени и с использованием удостоверения сотрудника полиции, и с помощью табельного оружия? Или другой пример: у предпринимателя, обратившегося за выдачей лицензии на осуществление какой-либо деятельности, вымогают взятку, которую он заплатил, а потом обратился с иском о возмещении государством ущерба в порядке статьи 53 Конституции Российской Федерации. Формально-юридически есть все основания для его возмещения, поскольку вред причинен должностным лицом или государственным органом и именно вследствие совершения незаконного действия (вымогательства взятки).

В этом смысле интересно мнение, высказанное в специальной литературе, что возмещение государством вреда в порядке применения статьи 53 Конституции Российской Федерации должно производиться «если он причинен в результате неправомерного осуществления административной (публично-правовой) деятельности органов власти и их должностных лиц. В тех случаях, когда вред причиняется действиями, не связанными с осуществлением административной деятельности, ответственность должна наступать на общих основаниях»²⁰¹.

Несколько иначе должен быть поставлен вопрос о фактическом основании возмещения вреда в рамках реабилитации и лица незаконно или необоснованно привлеченного к уголовной ответственности или уголовному преследованию. Так,

²⁰¹ Зуева М.В., Климович А.В., Корнеева О.В., Мережкина М.С., Томтосов А.А. Комментарий к главе 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ (постатейный). [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

например, Е.П. Чорновол выделяет два юридико-фактических обстоятельства (юридический состав), влекущих возмещение причиненного вреда в форме реабилитации: «противоправное вредоносное деяние причинителя вреда» и сам акт реабилитации, «аннулирующий юридическую силу того акта следственных и судебных органов (их должностных лиц), вследствие принятия которого потерпевшему был причинен вред»²⁰².

Для нас в данном случае, с учетом исследуемой темы, принципиально важным представляется то обстоятельство, что основанием для реабилитации является не только незаконное, но и необоснованное уголовное преследование, о чем прямо говорится в статье 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ. На наш взгляд, данная конструкция максимально приближается к принципу генерального деликта, поскольку в данном случае не только не учитывается вина причинителя вреда, но и противоправность деяния в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, презюмируется.

Так, например, согласно пункту 1 части 2 статьи 133 УПК РФ правом на реабилитацию обладает лицо, в отношении которого был вынесен оправдательный приговор. Заметим, что вынесение оправдательного приговора еще не свидетельствует о наличии в отношении данного лица каких-либо незаконных действий со стороны правоохранительных органов. Как отмечает Б.Т. Безлепкин, «понятие реабилитации в уголовном процессе связывается с двумя основополагающими категориями - невиновностью и справедливостью, т.е. с такими случаями, когда уголовному преследованию, будучи невиновным, подвергается тот, кто преступления не совершал, а это значит, что все лишения, связанные с уголовным преследованием, он претерпел зря, несправедливо; воздаяние последовало при отсутствии деяния»²⁰³. «Идея реабилитации

²⁰² Чорновол Е.П. Юридико-фактические основания возникновения обязательств по возмещению имущественного и компенсации морального вреда, причиненного незаконными актами публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. N 8. С. 53 - 59.

²⁰³ Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 168-169.

основывается на юридической категории невиновности, означающей, что данное лицо, вменяемое ему преступление не совершило. Невиновность означает, что уголовное преследование данного лица несправедливо...»²⁰⁴.

В соответствии с таким пониманием института реабилитации и права на реабилитацию становится очевидным, что ни вина конкретного правоохранительного органа, ни даже незаконность уголовного преследования в данном случае не имеет юридического значения - основанием реабилитации выступает не вина органа, осуществлявшего уголовное преследование, а отсутствие вины лица в совершении преступления.

В этой связи нам представляется убедительной точка зрения тех исследователей, которые обосновывают конституционно-правовой характер института реабилитации. Так, например, А.Д. Гуляков и А.А. Яшина выводят право на реабилитацию из ряда взаимосвязанных положений Конституции Российской Федерации и, прежде всего, из положений статьи 1, согласно которым Россия является правовым государством. Это означает, что государство несет ответственность за соблюдение и защиту прав и свобод личности. И только впоследствии, в рамках отраслевой институционализации «нормы, устанавливающие конституционно-правовой принцип ответственности государства перед личностью, конкретизируются в отраслевом законодательстве...»²⁰⁵.

Действительно, на первый взгляд, статья 53 Конституции закрепляет классическую схему деликтной ответственности государства за незаконные действия (бездействие) своих органов и должностных лиц. В данной же норме закрепляется и фактическое основание возмещения вреда - незаконные действия (бездействия) деликвента, т.е. органов государственной власти и должностных лиц.

²⁰⁴ Макарова О.В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2014. N 5. С. 30 - 36.

²⁰⁵ Гуляков А.Д., Яшина А.А. Конституционно-правовые основы реабилитации человека и гражданина // Российская юстиция. 2013. N 8. С. 30 - 32.

Между тем, данная норма должна рассматриваться в системном единстве с иными положениями Конституции Российской Федерации, а также общепризнанными принципами и нормами международного права, и международными договорами России, которые в соответствии с частью 4 статьи 15 Основного закона являются составной частью российской правовой системы.

Прежде всего, здесь следует выделить положения статьи 2 Конституции РФ, которая не только констатирует высшую ценность человека, его прав и свобод, но и закрепляет обязанности государства, связанные с признанием, соблюдением и защитой прав и свобод человека и гражданина. При этом согласно статье 18 Основного закона права человека определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Невыполнение указанных обязанностей, причинившее вред личности, можно рассматривать как незаконное (неконституционное и неправовое) бездействие органов государственной власти и, в конечном счете, государства в целом.

В данном случае можно говорить о нарушении со стороны государства, так называемых, «позитивных обязательств» по отношению к личности. Концепция позитивных обязательств государства широко используется Европейским судом по правам человека в тех случаях, когда права и свободы нарушаются третьими лицами и предполагает, что государство не только должно воздерживаться от посягательств на основные права (негативное обязательство), но и предпринимать необходимые меры по их защите от возможных нарушений. Как отмечают юристы Секретариата Европейского суда А. Узун-Маринкович и А. Гргич данные обязательства вытекают из положения статьи 1 Европейской конвенции по правам человека, согласно которому государства-участники Конвенции принимают на себя обязательства по обеспечению и защите гарантированных ей прав. «В широком понимании это значит, что государство не только обязано воздерживаться от вмешательства в реализацию прав и свобод, гарантированных Конвенцией (негативные обязательства), но и предпринимать адекватные шаги для обеспечения

соблюдения этих прав и свобод на своей территории (позитивные обязательства)»²⁰⁶.

Профессор Школы права Сорбонны Ларсен Лоренс, анализируя использование доктрины позитивных обязательств в рамках применения Американской конвенции о правах человека, отмечает, что дихотомия «негативное/позитивное обязательство» является по большей части надуманной и в действительности нет никакой границы между обязательством уважать и обеспечивать реализацию прав человека и обязательством принимать меры на национальном уровне²⁰⁷.

В этом смысле следует обратить внимание на статью 52 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует защиту прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью. Как справедливо отмечает судья Конституционного Суда РФ в отставке А.Л. Кононов, используемое в данной норме понятие «потерпевший» «не только и не столько означает известную процессуальную фигуру в уголовном правосудии, а восходит к более широкому международному правовому понятию жертвы»²⁰⁸.

Подобное понимание выражено в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью. Принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН). Данная декларация предусматривает различные меры защиты прав жертв преступлений и злоупотреблений властью: реституцию, компенсацию, социальную

²⁰⁶ Узун-Маринкович А., Гргич А. Ответственность государства за действия, совершенные представителями власти вне исполнения служебных обязанностей // Международное правосудие. 2016. N 4. С. 77 - 83.

²⁰⁷ Бюргорг-Ларсен Л. Позитивные обязательства в практике органов Межамериканской системы защиты прав человека // Международное правосудие. 2014. N 2. С. 106 - 121.

²⁰⁸ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с. [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

помощь и т.п. Нам в данном случае хотелось бы отметить объединение как в статье 52 Конституции Российской Федерации, так и в Декларации в одинаковом правовом статусе как жертв преступлений (т.е. пострадавших от действий третьих лиц), так и жертв злоупотреблений властью, т.е. противоправных действий государственных органов и должностных лиц. Это свидетельствует о том, что предусматривается принцип равной ответственности государства как за несоблюдение негативных обязательств, так и за невыполнение позитивных обязательств. Представители науки теории права отмечают, что «... ответственность публичной власти за принимаемые решения и действия – аксиома и главный принцип функционирования государства»²⁰⁹, «базируется на ответственной деятельности субъектов власти, обеспечивающей наибольшие результаты на благо общества и граждан»²¹⁰. И при этом содержание такой ответственности «обусловлено целями и назначением государства, вытекает из обязанности признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, а также права обладания властными полномочиями и необходимыми ресурсами для реализации этой обязанности»²¹¹.

Распространение ответственности государства на сферу его позитивных обязательств существенно расширяет сферу применения статьи 53 Конституции Российской Федерации. Подобное понимание ответственности государства за нарушение прав личности и причинение вреда человеку имеет место при использовании публично-правовых механизмов возмещения вреда, которые мы рассмотрим в следующей части работы.

²⁰⁹ *Цыбулевская О.И., Милушева Т.В.* Регулирующая роль принципа ответственности публичной власти в механизме противодействия коррупции // Противодействие коррупции: государственная политика и гражданское общество. Сборник научных статей. 2015. С. 140.

²¹⁰ *Милушева Т.В., Филатова А.В.* Концепция ответственности публичной власти в России // Современное право. 2008. № 11. С. 44.

²¹¹ Об этом: *Милушева Т. В.* Ответственность субъектов законотворческой деятельности: дискуссионные вопросы / Т. В. Милушева // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 474; *Милушева Т.В., Цыбулевская О.И.* Публичная власть: взаимодействие юридической и нравственной ответственности // Публичная власть: проблемы реализации и ответственности. - Саратов: ГОУ ВПО "Саратов. гос. академия права", 2011. С. 122.

На постепенное расширение действительного содержания 53 Конституции Российской Федерации указывает общая динамика развития законодательства, предусматривающего возмещение государством вреда в отдельных случаях. Например, в 2012 году Гражданский кодекс РФ был дополнен статьей 16.1, согласно которой компенсации, подлежит вред, причиненный правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, если это предусмотрено законом. Согласно Федеральному закону от 13.07.2015 N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» государство компенсирует ущерб, причиненный правомерными действиями органа регистрации прав на недвижимое имущество (часть 4 ст. 66). Согласно части 2 статьи 18 Федерального закона от 06.03.2006 N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Кроме того, в статье 53 в качестве основания возмещения государством вреда называется не только действие, но и незаконное бездействие органов государственной власти, которое можно толковать очень широко (в работе мы назвали такой принцип квазиделиктной ответственностью). Такое бездействие может выражаться не только в нарушении должностной инструкции, но и в общем неисполнении государством (в лице своих органов) позитивного обязательства по гарантированию прав и свобод.

Наконец, буквально в статье 53 речь идет о незаконных (а не о неправомерных) действиях органов государственной власти и должностных лиц. Между тем такой вред может быть причинен формально законными, но неправомерными действиями и государство берет на себя обязанность по его возмещению. Примером может служить институт реабилитации в уголовном праве и процессе. Реабилитация подозреваемого или подсудимого не требует установления какого-либо состава правонарушения в действиях должностных лиц, а только лишь факта освобождения его от ответственности по определенным основаниям.

Как нам представляется содержание статьи 53 Конституции Российской Федерации и в дальнейшем будет расширяться, и включать в себя иные случаи возмещения вреда, причиненного невыполнением государством своих позитивных обязательств по обеспечению признания и реализации прав и свобод, гарантированных Основным законом.

Таким образом, подводя итоги настоящего параграфа и второй главы в целом, можно прийти к следующим выводам.

Существующие в России механизмы возмещения вреда как в общем (регулярном) так и чрезвычайном порядке направлены на реализацию права, закрепленного статьей 53 Конституции Российской Федерации. Оптимальным видится использование в отечественном правовом пространстве обоих этих механизмов таким образом, чтобы первый дополнял второй. Публичный порядок возмещения вреда, который предусматривается специально принимаемыми законами, нередко «ad hoc», объективно необходим в силу уникального характера причиненного вреда, связанного с определяться его массовостью²¹², реальной неисчислимостью и невосполнимостью причиненного ущерба²¹³ и т.п.

Указанные факторы требуют обеспечить пострадавшим оперативное и не требующее от них существенных знаний и усилий его возмещение. Это же позволяет законодателю использовать различные формы возмещения такого вреда, например, различного рода социальные льготы, выплаты и др.

В то же время, именно в силу массового характера такого вреда государству приходится использовать «усредненный», деиндивидуализированный механизм

²¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 01.07.2014 N 20-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О распространении действия Закона РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» на граждан из подразделений особого риска» в связи с жалобой гражданина В.Ф. Лякина» // СЗ РФ. 2014. N 28. Ст. 4138.

²¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 01.12.2005 N 462-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Сахалинской областной Думы о проверке конституционности частей первой и второй статьи 16 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» // СЗ РФ. 2006. N 6. Ст. 733.

возмещения вреда. Между тем, в определенных случаях возникает необходимость учесть особый характер причиненного вреда или особые обстоятельства его причинения (например, в случае причинения вреда в результате террористического акта может быть установлена грубая небрежность со стороны органов государственной власти или должностных лиц и т.п.).

К сожалению, существующие специальные механизмы возмещения вреда, как правило, блокируют общий гражданско-правовой порядок его возмещения (соответствующие законодательные акты прямо запрещают возмещение вреда в общем судебном порядке). Решение проблемы видится нам в том, чтобы дополнить всеобщий, публично-правовой механизм возмещения вреда субсидиарным гражданско-правовым, предусмотрев право гражданина обратиться с иском в суд в том случае если он полагает, что ему причинен вред в большем объеме, чем возмещаемый в соответствии с положениями закона. Подобные изменения должны вноситься в специальные законы, в настоящее время блокирующие возможность обращения в суд граждан. Только в таком случае, по нашему мнению, в Российской Федерации будет в полной мере обеспечено действие ст. 53 Конституции Российской Федерации.

Глава 3. Национальные и международные механизмы обеспечения реализации конституционного права на возмещение государством вреда

3.1. Публично-правовые механизмы возмещения государством вреда

Необходимо отметить, что исследования механизма реализации прав и свобод приобрели актуальность только после того как была принята «человекоцентричная» модель Основного закона, особое место в которой занимает глава, посвященная неотчуждаемым правам и свободам человека и гражданина. До этого усилия ученых в основном были сосредоточены на изучении механизма реализации правовых норм или механизма правового регулирования.

Еще С.С. Алексеев выделял три стадии процесса правового регулирования: а) регламентирование общественных отношений, нуждающихся в правовом опосредствовании; б) действие юридических норм, в результате которых возникают или изменяются правовые отношения (субъективные юридические права и обязанности конкретных лиц) и в) реализация субъективных юридических прав и обязанностей. В соответствии с данными стадиями процесса правового регулирования он выделял и основные «части» или элементы механизма правового регулирования: 1) юридические нормы; 2) правоотношения; 3) акты реализации субъективных юридических прав и обязанностей²¹⁴.

Безусловно понятия «механизм правового регулирования» и «механизм реализации прав» имеют тесную взаимосвязь, однако не являются тождественными. Но в данном случае возникает вопрос: если основные права и свободы закрепляются правовыми нормами, нельзя ли рассматривать механизм реализации конституционных прав и свобод как механизм реализации норм Основного закона, их закрепляющих, т.е., как своего рода, часть механизма правового регулирования.

²¹⁴ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С. 33.

Л.Д. Воеводин обращая внимание на однокоренной характер понятия «реализация правовых норм (в данном случае, прав и свобод)» и слова «результат», отмечает, что между гарантированными Конституцией юридическими возможностями приобрести те или иные блага и фактическим обладанием ими (результат) «как правило, есть некий «зазор», для преодоления которого нужен механизм, способный обеспечить эффективный переход от одного к другому»²¹⁵.

Если учитывать, что механизм - это система, а именно совокупность взаимосвязанных в ней элементов в движении, то механизм реализации права - это непосредственное действие права, осуществляемое через действие его субъектов²¹⁶. Более полное определение механизма реализации права дают С.А. Комаров и И.В. Ростовщиков: «социально обусловленный, психологически регулируемый и, что особенно важно, законодательно предусмотренный комплекс согласованных действий, прежде всего, личности как правообладателя, а также обязанных и других субъектов с целью получения заинтересованной личностью социального блага, опосредованного правом (свободой)»²¹⁷. Исходя из этого, механизмом реализации конституционного права на возмещение государством вреда является предусмотренный российским законодательством и применяемыми в Российской Федерации международно-правовыми актами социально обусловленный комплекс действий по возмещению социальных благ, неполученных субъектов в связи с незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и государственных должностных лиц.

В рамках исследования нормативных и фактических оснований реализации права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и должностных лиц в предыдущей

²¹⁵ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 268.

²¹⁶ Жукова Н.В. О понятии механизма обеспечения реализации права граждан на благоприятную окружающую среду и недостатках его действия в России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 11. С. 174.

²¹⁷ Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. СПб., 2002. С. 103.

главе мы отмечали, что действующее российское законодательство содержит регулярные и чрезвычайные механизмы возмещения такого вреда. При этом первые, представляют собой вид конституционной ответственности, которая возлагается на государство за нарушение со стороны его органов и должностных лиц, прав и свобод человека и гражданина. Состав таких конституционных правонарушений как фактического основания возмещения причиненного вреда был проанализирован в параграфе 2.2. Данные (регулярные) механизмы возмещения государством вреда предусматриваются гражданским, уголовно-процессуальным законодательством, специальными законами, регламентирующими «частные случаи» компенсации такого вреда (например, Федеральный закон № 68-ФЗ от 30 апреля 2010 года «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»). Рассматривать более подробно процессуальные особенности возмещения подобного вреда в рамках гражданского или уголовно-процессуального производства в рамках данной работы мы не будем, поскольку это выходит как за рамки темы данной работы, так и за рамки научной специальности проводимого исследования.

В данной части диссертационного исследования мы хотели бы остановиться на чрезвычайных (иррегулярных) механизмах возмещения вреда, которые закрепляются на конституционном уровне и носят публично-правовой характер.

Одним из таких механизмов является институт реабилитации жертв политических репрессий, предусмотренный Законом РФ от 18.10.1991 N 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», а также Законом РСФСР от 26.04.1991 N 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов».

Некоторые ученые, преимущественно представители науки гражданского права полагают, что возмещение вреда в процессе реабилитации жертв политических репрессий не относится к гражданско-правовому институту возмещения вреда, поскольку объем причиненного вреда и характер возмещения (компенсационные выплаты) не совпадают, а, кроме того, факт причинения вреда

имел место в отдаленном прошлом и не охватывается институтом гражданско-правовой ответственности²¹⁸.

Здесь нельзя не отметить, что Закон о реабилитации жертв политических репрессий был принят в 1991 году, тогда как Конституция РФ - только в 1993 году, что априори исключает принятие данного закона на основании и для реализации указанной конституционной нормы. Однако, интеграцию данного нормативно-правового акта в существующую правовую систему следует рассматривать как ретроспективную конституционализацию его положений посредством деятельности как Конституционного Суда РФ, так и законодателя. И в такой интерпретации его положения действительно могут рассматриваться как механизм реализации рассматриваемого конституционного права.

В чем же заключается основное отличие реабилитации жертв политических репрессий, предусмотренной Законом РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1, которую еще называют «политической»²¹⁹ от ординарной, уголовно-правовой реабилитации, предусмотренной положениями УПК РФ? Конечно, здесь можно перечислить массу различий как по основаниям, так и по порядку осуществления, однако главным, конституционно-правовым отличием, на наш взгляд, является то, что в случаях реабилитации жертв политических репрессий, государство принимает на себя ответственность не за незаконные действия органов дознания, предварительного следствия или суда, а за неправовые законодательные акты, прямо нарушающие общепризнанные права и свободы человека и гражданина.

Принятие данного закона как следует из его преамбулы связано с публичным осуждением «многолетнего террора и массовых преследований своего народа как несовместимых с идеей права и справедливости». Так, например, в статье 3 Закона о реабилитации жертв политических репрессий в качестве лиц, подлежащих реабилитации, называются осужденные за государственные преступления. При

²¹⁸ Обязательства вследствие причинения вреда: Постатейный комментарий главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации / С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало, Т.И. Зайцева и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2009. 255 с.

²¹⁹ Колоколов Н. Реабилитация царской семьи // ЭЖ-Юрист. 2009. N 33.

этом перечень исключений, который приводится в статье 4, содержит только те преступления, которые признаются таковыми большинством демократических государств: государственная измена, шпионаж, организация бандформирований и т.п.

В преамбуле к Закону о реабилитации репрессированных народов указывается, что «обновление советского общества в процессе его демократизации и формирования правового государства в стране требует очищения всех сфер общественной жизни от деформации и искажения общечеловеческих ценностей... Политика произвола и беззакония, практиковавшаяся на государственном уровне по отношению к этим народам, являлась противоправной, оскорбляла достоинство не только репрессированных, но и всех других народов страны». Обратим внимание, что и в этом случае речь идет не о незаконности действий (бездействия) органов государственной власти (хотя и упоминается произвол и беззаконие), а о противоправности таких действий, их несоответствии общечеловеческим ценностям. Как справедливо отмечается в юридической литературе, «...признается незаконным не сам факт осуждения лиц по указанным статьям УК, а деятельность законодателя по возведению данных деяний в ранг преступлений, повлекшая за собой репрессии, например, включение в УК 1926 г. раздела: «Контрреволюционные преступления»»²²⁰.

Между тем, как Закон о реабилитации жертв политических репрессий, так и Закон о реабилитации репрессированных народов, не укладываются даже в концепцию абсолютной ответственности государства, поскольку в данном случае государство принимает на себя ответственность за действия фактически другого государства, другой системы публичного управления в целом. Собственно, системы «позитивных обязательств», закрепленной лишь в Конституции 1993 года, нарушение которой можно было бы вменить в вину государству, в этот период российской истории еще не существовало.

²²⁰ Мамичева С.В. Права жертв преступлений и злоупотребление властью и их гарантии в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 42.

В прецедентной практике Европейского суда по правам человека применяется принцип компетенции «*ratione temporis*» («временная компетенция Европейского Суда»), согласно которому Суд рассматривает на предмет соответствия Конвенции деяния, которые произошли после ратификации Конвенции государством-ответчиком.

Так, например, в деле «Яновец и другие (Janowiec and Others) против Российской Федерации» в Европейский суд обратились родственники лиц, убитых в 1940 году под Смоленском, которые содержались в лагерях для военнопленных НКВД СССР и тюрьмах западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР («Катынский расстрел»)²²¹. Рассмотрев данное дело и отметив «отвратительную суть» военных преступлений, Суд, тем не менее, согласился с доводами властей Российской Федерации о нарушении «*ratione temporis*» и постановил 13 голосами против четырех, что он не обладает компетенцией рассматривать жалобу в соответствии со статьей 2 Конвенции.

Не следует ли воспользоваться неким аналогом компетенции «*ratione temporis*» и констатировать отсутствие ответственности государства за те нарушения прав и свобод человека и гражданина, которые а) имели место до закрепления обязанности государства по возмещению вреда; б) не являлись на тот момент незаконными; в) причинялись органами и должностными лицами иного государственного аппарата?

На международном уровне Российская Федерация выступает как правопреемник СССР, однако можно ли говорить о подобном правопреемстве на внутригосударственном уровне. Как отмечает Е.В. Рудакова, «о правопреемстве государства (не беря во внимание международные правоотношения) напрямую не говорится ни в одном нормативном акте страны, однако косвенный намек на преемственность имеется в Конституции 1993 г. Если подробно рассмотреть преамбулу нынешней Конституции, то в ее тексте можно выделить объекты

²²¹ Постановление ЕСПЧ от 21.10.2013 Дело «Яновец и другие (Janowiec and Others) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. N 7.

правопреемства государства, это - земля, права и свободы человека, гражданский мир и согласие, государственное единство, принципы организации государства»²²².

И, действительно, преамбула Конституции, в том числе, говорит об исторической преемственности государственных институтов, исторически сложившемся государственном единстве. По мнению Б.С. Эбзеева, «Конституция, моделируя новый конституционный строй, не может быть оторвана от складывавшихся столетиями эволюционного развития традиций и устоев отечественной политической истории»²²³.

В конце 2019 года Конституционным Судом Российской Федерации было рассмотрено дело о проверке конституционности положений статьи 13 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», пунктов 3 и 5 статьи 7, пункта 1 части 1 и части 2 статьи 8 Закона города Москвы «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» в связи с жалобами граждан А.Л. Мейсснер, Е.С. Михайловой и Е.Б. Шашевой²²⁴. В частности, речь в нем шла о невозможности реализовать право на возвращение в места проживания детей репрессированных граждан в те местности и населенные пункты, где проживали их родители до применения к ним репрессий, на основании общих правил жилищного законодательства. В данном деле Суд в очередной раз констатировал, что обязанность возмещения вреда лицам, подвергшимся репрессиям в годы советской власти, обусловлена тем, что Российская Федерация является правопреемником СССР – государства, с деятельностью которого связано причинение вреда.

²²²Рудакова Е.В. Правопреемство конституционного (государственного) строя России // Конституционное и муниципальное право. 2011. N 2. С. 20 - 29.

²²³Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. С. 11.

²²⁴Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2019 N 39-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 13 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», пунктов 3 и 5 статьи 7, пункта 1 части 1 и части 2 статьи 8 Закона города Москвы «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» в связи с жалобами граждан А.Л. Мейсснер, Е.С. Михайловой и Е.Б. Шашевой» // СЗ РФ. 2019. № 51 (ч. II). Ст. 7760.

Судьей Конституционного Суда К.В. Арановским было высказано мнение по данному делу, в котором он, соглашаясь с итоговыми выводами Суда, тем не менее отметил невозможность современной России выступать преемником «коммуно-советской власти». По его мнению, «...Причинение и возмещение вреда неотделимы от личности причинителя. Само обязательство его возместить обусловлено виной причинителя, которую предполагает по общему правилу деликтное деяние»²²⁵. Как полагает Константин Викторович, в данных отношениях современная Россия не является непосредственно причинителем вреда, соответственно, речь может идти только о позитивной ответственности современного государства за «репрессивно-террористические деяния» советской власти, исходя из гуманистических принципов правового государства.

Нам такой подход представляется неверным, поскольку, когда речь идет об ответственности государства перед личностью за нарушение прав человека, как мы отмечали выше, следует различить субъект причинения вреда (органы государственной власти, должностные лица) и субъект, на которого возлагается ответственность (непосредственно государство). Государство будет нести такую ответственность даже в том случае, когда вред причиняется конкретным представителем власти вопреки закону, путем злоупотребления или превышения своих полномочий. Не является достаточно веским и аргумент, что указанный вред был причинен «другим» политическим аппаратом управления, поскольку, указанная ответственность возлагается именно на государство, а не на конкретные органы власти.

В 2020 году был принят Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», который внес окончательную ясность в решение данного вопроса. Теперь статья 67.1 Конституции Российской Федерации непосредственно предусматривает, что «Российская Федерация является

²²⁵ СЗ РФ. 2019. № 51 (ч. II). Ст. 7760.

правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации».

Определенными особенностями обладает возмещение вреда в соответствии с Законом РСФСР от 26.04.1991 № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов». Следует сказать, что этот Закон не является «инструментальным» в достаточной степени, чтобы осуществлять возмещение вреда исключительно на основе его норм, а скорее носит «рамочный» характер, закрепляя общие принципы и правила реабилитации народов. В этой связи его принятие повлекло необходимость разработки ряда нормативно-правовых актов более конкретного характера, связанных с восстановлением прав отдельных народов, подвергшихся политическим репрессиям. В частности были приняты: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4721-1 «О реабилитации российских корейцев»²²⁶, Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 29 июня 1993 г. № 5291-1 «О реабилитации российских финнов»²²⁷, Указ Президента Российской Федерации от 3 марта 1994 г. № 448 «О мерах по реабилитации балкарского народа и государственной поддержке его возрождения и развития»²²⁸, Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 г. № 3321-1 «О реабилитации казачества»²²⁹ и др.

Спецификой Закона о реабилитации репрессированных народов и принятых в соответствии с ним актов является то, что они предусматривают регулирование отношений с участием коллективных субъектов - народов Российской Федерации.

²²⁶ Постановление ВС РФ от 01.04.1993 N 4721-1 «О реабилитации российских корейцев» // Ведомости СНД и ВС РФ 1993. N 15. Ст. 529.

²²⁷ Постановление ВС РФ от 29 июня 1993 г. N 5291-1 «О реабилитации российских финнов» // Ведомости СНД и ВС РФ 1993. N 22. Ст. 1119.

²²⁸ Указ Президента РФ от 03.03.1994 N 448 «О мерах по реабилитации балкарского народа и государственной поддержке его возрождения и развития» // САПП РФ. 1994. N 10. Ст. 776.

²²⁹ Постановление ВС РФ от 16 июля 1992 г. N 3321-1 «О реабилитации казачества» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. N 30. Ст. 1805.

Согласно статье 2 Закона фактическим основанием реабилитации репрессированных народов является их насильственное переселение, упразднение национально - государственных образований, перекраивание национально - территориальных границ, установление режима террора и насилия в местах спецпоселения. Иными словами, основанием для возмещения вреда (в широком смысле слова - как восстановления в правах) здесь является нарушение коллективных прав - равноправия и самоопределения народов.

Поэтому и меры по возмещению вреда также носят коллективный характер: восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально - государственных образований, сложившихся до их упразднения, возвращение в места традиционного проживания на территории РСФСР (ст. 3). Закон выделяет территориальную, политическую, культурную и социальную реабилитацию репрессированных народов.

Как совершенно справедливо отмечается в специальной литературе, ключевым элементом реабилитации репрессированных народов является восстановление коллективных прав граждан и, прежде всего, права на самоопределение и устойчивое развитие: «Восстановление прав физических лиц - одна из составляющих материальной ответственности за произвол, но составляющая производная»²³⁰.

«Репрессированные народы являются особыми социальными общностями, специфическими субъектами права. Являются ими и персональные граждане, принадлежащие к этим народам. Правовой статус народа и конкретных лиц, из которых он состоит, взаимосвязаны, но не тождественны»²³¹. Как нам представляется, данное обстоятельство позволяет рассматривать в качестве субъекта права, гарантированного статьей 53 Конституции Российской Федерации

²³⁰ Алафаев А.А., Сабанчиев Х.М.А. Реабилитация балкарского народа: проблемы и решения // Отечественная история. 2008. № 1. С. 79-90.

²³¹ Петров А.Г. Правовые вопросы реабилитации репрессированных народов: законодательство и практика // История государства и права. 2007. N 2. С. 29.

не только личность или юридическое лицо, т.е. индивидуальный субъект, но и социальные общности, обладающие статусом коллективных субъектов - народ, народы Российской Федерации, коренные малочисленные народы и т.п.

Ответственность государства за вред, причиненный формально законными, но неправовыми действиями (бездействием) органов государственной власти в результате политических репрессий в советский период истории, рассматривается и законодателем, и Конституционным Судом Российской Федерации как один из механизмов реализации статьи 53 Конституции Российской Федерации. Вместе с тем нельзя не отметить, что данный механизм отличается значительной спецификой по сравнению с «регулярным» порядком возмещения вреда, предусмотренным гражданским законодательством и уголовно-процессуальной процедурой реабилитации.

Как и «регулярная» процедура реабилитации Закон о реабилитации жертв политических репрессий предполагает восстановление нарушенных прав «в натуре»: восстановление в утраченных в связи с репрессиями социально-политических и гражданских правах, воинских и специальных званиях, возвращение государственных наград, возвращение для проживания в те местности и населенные пункты, где репрессированные лица проживали до применения к ним репрессий, восстановление в гражданстве и т.п.

Что же касается возмещения имущественного вреда, то здесь, с одной стороны, Закон предусматривает возврат конфискованного, изъятого и в связи с репрессиями имущества «в натуре» (ст. 16.1) либо выплата его стоимости или денежной компенсации. При этом при невозможности возврата имущества (имущество не сохранилось) размер такого возмещения ограничен предельной суммой выплат - не более 4 000 рублей за имущество без жилых домов или 10 000 рублей за все имущество, включая жилые дома. В этом же размере выплачиваются денежные компенсации если отсутствуют или утрачены документы о характере, состоянии и количестве такого имущества.

Таким образом, закон не предусматривает полной компенсации причиненного имущественного вреда (за исключением возврата имущества «в

натуре»). В этой связи последовал ряд обращений граждан в Конституционный Суд с жалобами на неконституционность установленного ограничения (верхнего предела) возмещения вреда, причиненного в результате политических репрессий. Так, например, данный вопрос был предметом рассмотрения Конституционного Суда в Определении от 21.12.2004 N 432-О²³². Гражданину К.Л. Ковалю была выплачена денежная компенсация за конфискованное в результате репрессирования семьи его отца в 1932 году имущество в размере 6050 рублей. Полагая, что размер компенсации не соответствует реальной стоимости конфискованного имущества, он обратился в Московский районный суд города Нижний Новгород с иском о возмещении полной стоимости данного имущества. Решением от 6 октября 2000 года в удовлетворении иска было отказано.

В своей жалобе в Конституционный Суд К.Л. Коваль ссылался на то, что положение статьи 16.1 Закона о реабилитации жертв политических репрессий не соответствует статье 35 (часть 3) Конституции Российской Федерации, которая предусматривает равноценное, а не частичное возмещение за изъятое для государственных нужд имущество.

Суд отказал в принятии жалобы к рассмотрению, однако указал, что Конституция Российской Федерации защищает права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью (ст.52), а также закрепляет право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти или их должностными лицами (ст. 53), но не устанавливает конкретные способы, виды и объем возмещения вреда, - это относится к компетенции законодателя.

²³² Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 N 432-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковалья Константина Лазаревича на нарушение его конституционных прав положением статьи 16.1 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

Законодатель же, принимая во внимание многолетний и массовый характер политических репрессий, закрепил в Законе Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» ряд упрощенных процедур восстановления реабилитированными своих прав, получения ими определенных льгот и компенсаций, а также возврата им необоснованно изъятого имущества или компенсации его стоимости, причем даже в тех случаях, когда такой ущерб не может быть взыскан на основании другого действующего законодательства.

Отметив, что предусмотренные Законом компенсации, согласно его преамбуле, установлены для «обеспечения посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба», Суд, тем не менее, сделал важный вывод, что «специальный» порядок реабилитации жертв политических репрессий не может исключать применение общих норм действующего законодательства, в том числе гражданского права, касающихся защиты права собственности, возмещения причиненного вреда и т.д., которые должны применяться судами в случаях, когда гражданин, в том числе имеющий право на реабилитацию, обращается за защитой своих прав в судебном порядке на основе общегражданских норм.

Как нам представляется, данная правовая позиция Суда представляет собой конституционно-допустимую интерпретацию положения статьи 16.1 Закона, представляя собой ее содержательное, а не буквальное толкование. Буквально статья 16.1 ограничивает размер возмещения вреда жертвам политических репрессий даже в том случае, когда гражданин может подтвердить размер причиненного вреда. Однако, исходя из приведенного выше толкования данной нормы Конституционным Судом следует, что такое ограничение применимо только к предусмотренному данным Законом механизму компенсации вреда, но совершенно не исключает полного его возмещения в рамках «общего» порядка, предусмотренного гражданским законодательством.

Для нас с позиции исследования нормативных оснований возмещения государством вреда в данном случае важно, что, во-первых, российское законодательство может закреплять наряду с «общим» порядком возмещения вреда,

предусмотренным гражданским законодательством, «специальные» механизмы. Данные специальные механизмы вводятся законодателем в связи с тем, что многолетний и массовый характер политических репрессий затрудняет использование общих процедур возмещения вреда в порядке гражданского судопроизводства. Поэтому действующим законодательством закрепляется публично-правовой механизм возмещения такого вреда, который предполагает использование упрощенных процедур. При этом государством признается публично-правовое обязательство по возмещению вреда, причиненного в результате политических репрессий, и устанавливается объем публично признаваемого вреда.

Кроме того, как отметил Конституционный Суд в Определении от 03.07.2007 № 523-О-П, специальное правовое регулирование в данной сфере может предполагать предоставление реабилитированным лицам определенных льгот и компенсаций, в том числе в возмещение не только имущественного, но и иного причиненного вреда, когда не могут быть применены общие нормы гражданского законодательства²³³.

Во-вторых, из приведенной выше правовой позиции Конституционного Суда следует, что общий механизм возмещения вреда по правилам главы 59 Гражданского кодекса РФ может субсидиарно применяться и в случае возмещения вреда жертвам политических репрессий. Этот вывод имеет большое значение, поскольку согласно общеправовому правилу общей и специальной нормы, в случае коллизий применению подлежат именно специальные нормы, а общие применяются лишь при их отсутствии. Если исходить из того, что положения Закона о реабилитации жертв политических репрессий являются специальными по отношению к нормам Гражданского кодекса РФ, закрепляющим общие правила возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти, то согласно данному правилу, они должны исключать

²³³ Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 N 523-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ 2007. N 6.

применение «общего порядка» возмещения вреда. Однако, в данном случае это означало бы отказ государства (во всяком случае, частичный) от взятых на себя в соответствии со статьей 53 Конституции Российской Федерации обязательств.

Тем не менее, в некоторых актах Конституционного Суда, на наш взгляд, можно увидеть и некоторый «отход» от этой позиции. В частности, речь идет о компенсации морального вреда жертвам политических репрессий. В первоначальной редакции преамбулы Закона о реабилитации жертв политических репрессий говорилось, что его целью является, в том числе, «обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба». Однако, Федеральным законом от 22.08.2004 № 122-ФЗ данная формулировка была изменена и предусмотрено, что целью Закона является «компенсация материального ущерба».

В этой связи в Конституционный Суд Российской Федерации обратился гражданин И.В. Волик, который подвергся уголовному преследованию за распространение в устной и письменной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. В частности, он подвергся применению принудительных мер медицинского характера в виде помещения в психиатрическую больницу специального типа. После освобождения от уголовной ответственности за данное деяние он обратился с иском к Министерству финансов Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного здоровью, и компенсации морального вреда, но в иске ему было отказано.

В своей жалобе в Конституционный Суд И.В. Волик просил признать Закон о реабилитации жертв политических репрессий (в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ) не соответствующим Конституции Российской Федерации, как не предусматривающий с 1 января 2005 года компенсацию морального вреда жертвам политических репрессий.

В данном определении Суд сформулировал устойчивую правовую позицию, которую неоднократно воспроизводил впоследствии: истолкование норм Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» - как

исключающих моральный вред из объема подлежащего возмещению ущерба - не соответствовало бы статьям 52 и 53 Конституции Российской Федерации. Однако, используемые в законе специальные публично-правовые механизмы возмещения вреда не предполагают разграничение форм возмещения материального и морального вреда. Статьей 15 данного закона предусмотрена специальная компенсация лицам, которые в результате политических репрессий подверглись лишению свободы или принудительному лечению в психиатрических лечебных учреждениях, из расчета 75 рублей за каждый месяц лишения свободы или пребывания в психиатрических лечебных учреждениях, но не более 10 000 рублей.

По мнению Суда, данная компенсация помимо возмещения материального вреда (например, вреда здоровью) имманентно включает в себя и компенсацию морального вреда. Открытым остается вопрос: может ли лицо обратиться в суд с гражданским иском о возмещении вреда (в том числе морального), в том случае если в его конкретном случае предусмотренная компенсация явно несоразмерна причиненному вреду (например, в результате привлечения к уголовному преследованию лицу был причинен серьезный вред здоровью). Как нам представляется, характер и степень причиненного в результате политических репрессий вреда могут существенно отличаться в зависимости от конкретных обстоятельств, поэтому было бы целесообразно предусмотреть возможность обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства в случае несогласия лица с размером назначенной компенсации.

Следует, безусловно, согласиться с позицией тех авторов, которые полагают, что «отсутствие четкой регламентации возмещения реабилитируемым морального вреда в Законе от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, надо полагать, было серьезной ошибкой»²³⁴. Однако, мы в данном случае хотели бы обратить внимание на системную проблему более широкого характера: являются ли публично-правовые механизмы, используемые государством для возмещения вреда, в тех случаях когда

²³⁴ *Петрухин И.Л.* Оправдательный приговор и право на реабилитацию: Монография. М.: Проспект, 2009. С. 188.

он носит массовый и чрезвычайный характер, «исключительными» по своей природе, т.е. не допускающими использование «общего» порядка возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и должностных лиц, предусмотренного гражданским законодательством.

Выше мы уже говорили, что согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, публичное признание ответственности государством и закрепление в действующем законодательстве особых правовых механизмов возмещения причиненного вреда, обусловлено чрезвычайным, невосполнимым, масштабным характером такого вреда. В частности, с этих позиций Суд дал оценку Закону РСФСР от 15.05.1991 № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», указав, что принимая данный Закон, законодатель исходил из того, что государство признает ответственность перед гражданами за последствия крупнейшей по масштабам радиоактивного загрязнения биосферы экологической катастрофы, затронувшей судьбы миллионов людей, проживающих на огромных территориях²³⁵.

Прежде всего, здесь уместно поставить вопрос о юридической природе компенсаторных мер, предусмотренных данным законом. Так, например, Е.П. Чорновол полагает, что положения действующего законодательства о возмещении вреда, причиненного в результате аварии на Чернобыльской АЭС или в результате иных техногенных и радиационных катастроф (как и нормы о реабилитации жертв политических репрессий) вообще не относятся к возмещению государством причиненного вреда (в смысле гражданского законодательства), а представляют собой «правовой механизм нейтрализации последствий причинения вреда на началах права социального обеспечения»²³⁶. Другие ученые, напротив, полагают,

²³⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1997 № 18-П // СЗ РФ 1997. N 50. Ст. 5711.

²³⁶ Чорновол Е.П. Гражданско-правовой институт предупреждения причинения, возмещения и компенсации вреда: понятие и система // Актуальные проблемы российского права. 2015. N 4. С. 146 - 153.

что данные механизмы, по сути, закрепляют юридическую ответственность государства, которая носит комплексный, межотраслевой характер и, помимо прочего, включает в себя и гражданско-правовую ответственность за причиненный вред. «Налицо комплексные способы ответственности государства за причинение экологического вреда, включающие в себя как гражданско-правовые, так и иные отраслевые способы возмещения вреда»²³⁷.

Дело в том, что Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», закрепляет весьма обширный перечень компенсационных мер в отношении граждан, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС. При этом, с одной стороны, Закон гарантирует гражданам возмещение вреда здоровью и имуществу, вреда, причиненного риском проживания на зараженной территории, а с другой, закрепляет различные меры социальной поддержки таких граждан. Надо полагать именно широкий перечень мер социальной поддержки дает основания некоторым авторам относить механизмы, предусмотренные данным законом не к возмещению государством вреда, а к институтам социального обеспечения.

Между тем, как было отмечено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 01.12.1997 № 18-П²³⁸ подобный подход законодателя обусловлен особой природой причиненного в результате этой глобальной техногенной катастрофы вреда, в частности его невосполнимостью и неисчислимостью. В этой связи законодатель вынужден прибегать к закреплению различного рода компенсаций и льгот в связи с фактической невозможностью возмещения причиненного вреда в обычном судебном порядке. По мнению Конституционного Суда, законодатель в данном случае использует принцип максимально возможного использования государством имеющихся средств для обеспечения достаточности возмещения такого вреда. Поэтому все, предусмотренные законом льготы, компенсации,

²³⁷ Андреев Ю.Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты. СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. С. 154.

²³⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1997 № 18-П // СЗ РФ 1997. N 50. Ст. 5711.

доплаты к социальным выплатам и т.п. независимо от их наименования входят в объем возмещения причиненного вреда.

В этой связи мы полагаем безусловно верной позицию Судьи Конституционного Суда, профессора Н.В. Бондаря, согласно которой в данном случае возникают отношения конституционно-правового характера по поводу возмещения государством вреда, который не может быть возмещен в порядке, установленном гражданским, административным, уголовным или каким-либо другим отраслевым законодательством²³⁹. Как отметил Судья Конституционного Суда в отставке, профессор Н.В. Витрук данными законодательными положениями «...определена конституционная ответственность государства в виде возмещения ущерба, причиненного гражданам в результате техногенной катастрофы на Чернобыльской АЭС, всеобщим методом, на основе специального закона»²⁴⁰.

Следует подчеркнуть, что публичные механизмы возмещения вреда, причиненного в результате радиационных и техногенных катастроф установлены не только названным выше законом, но и Федеральным законом от 26.11.1998 N 175-ФЗ «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча».

Предусмотренные указанными законами механизмы возмещения вреда являются чрезвычайными и вводятся законодателем по принципу «ad hoc», т.е. для данного конкретного случая, что обусловлено экстраординарным характером указанных аварий и катастроф, особой природой и составом причиненного вреда, масштабностью последствий и огромным количеством пострадавших. Поэтому в данном случае публичный механизм возмещения вреда на основе специального закона представляется наиболее оптимальным. Однако, нельзя не согласиться с теми авторами, которые отмечают отсутствие общих нормативных оснований

²³⁹ Бондарь Н.С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // Журнал российского права. 2011. №10. С. 35 - 46.

²⁴⁰ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., исправленное и доп. М.: НОРМА, 2009. 432 с. [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

возмещения такого ущерба. Как отмечает Г.А. Мисник: «В экологических отношениях возмещение ущерба государством осуществляется в случаях, прямо предусмотренных законодательством (возмещение ущерба жертвам Чернобыльской катастрофы, аварии на производственном объединении «Маяк»), но не на общих основаниях. Такой подход противоречит не только принципам юридической ответственности, но и общим принципам построения правового государства»²⁴¹.

С одной стороны, публичный механизм возмещения вреда на основании специального закона, объективно необходим, когда такой вред носит экстраординарный и неисчислимый характер, затрагивает неопределенный круг лиц. С другой, нельзя не согласиться, что возмещение вреда путем использования общих гражданско-правовых механизмов позволяет более полно учесть конкретный объем вреда, причиненного субъекту, поскольку предполагает его возмещение в индивидуальном порядке. Проблема индивидуализации причиненного вреда имманентно присуща любому публичному механизму возмещения государством вреда в соответствии со статьей 53 Конституции Российской Федерации.

Как нам представляется выход здесь заключается в том, чтобы дополнить всеобщий, публично-правовой механизм возмещения вреда субсидиарным гражданско-правовым, предусмотрев право гражданина обратиться с иском в суд в том случае, если он полагает, что ему причинен вред в большем объеме, чем возмещаемый в соответствии с положениями закона. В особенности это относится, например, к моральному вреду, который всегда имеет индивидуальный характер. Применительно к пострадавшим в аварии на Чернобыльской АЭС вообще не предусмотрена возможность компенсации морального вреда. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 14.12.2000 № 35 указал, что законом, действовавшим на время причинения вреда, не предусматривалась

²⁴¹ Мисник Г.А. Принципы гражданско-правовой ответственности за причинение экологического вреда // Экологическое право. 2008. N 2. С. 16.

возможность компенсации потерпевшему морального вреда, нанесенного этой катастрофой.

Значительной спецификой обладают фактические основания возмещения государством вреда, причиненного глобальными радиационными и техногенными катастрофами, террористическими актами и т.п. Если при публичной или политической реабилитации государство берет на себя ответственность за пусть и формально законные (на тот период времени), но все же неправомерные действия органов государственной власти и должностных лиц, то в данном случае, на первый взгляд, всякая противоправность, которую можно было бы вменить в вину государству отсутствует.

Как отмечает О.С. Черепанова, «целесообразность возложения бремени возмещения вреда на государство обусловлена тем, что при причинении вреда незаконными действиями органов власти и должностных лиц государство несет ответственность за собственные действия, поскольку орган власти (должностное лицо), выполняя свои функции, осуществляет полномочия государства, реализует государственную право- и дееспособность»²⁴². При этом автор выделяет и иные случаи возмещения вреда государством, которые, по ее мнению, не являются видом юридической ответственности, а представляют собой различные меры социальной защиты: возмещение вреда, причиненного вследствие чрезвычайных ситуаций; меры социальной поддержки в случае причинения вреда жизни и здоровью лиц, выполняющих особо значимые социальные функции (судьи, депутаты, военнослужащие и т.п.); случаи причинения вреда лицам в результате совершения определенных преступных деяний (терроризм, репрессии).

В данном случае мы не можем сослаться на гражданско-правовой деликт, поскольку, на первый взгляд, отсутствуют неправомерные действия органов государственной власти, которыми данный вред был причинен. Тогда возникает

²⁴² Черепанова О.С. К вопросу об основаниях возмещения государством вреда, причиненного личности // Алтайский юридический вестник. 2013. № 4. С. 133.

вопрос о возможности распространения на данную ситуацию положения статьи 53 Конституции Российской Федерации.

Со всей определенностью с данным подходом можно согласиться только в отношении ситуации возмещения вреда лицам с особым правовым статусом, поскольку, в данном случае эти меры представляют собой разновидность дополнительных государственных гарантий, обусловленную указанным правовым статусом. Что же касается вреда, обусловленного чрезвычайными ситуациями, например, природного и техногенного характера, то автор и сама указывает, что обязанность по восстановлению нарушенных прав граждан в данном случае возникает у государства «в результате необеспечения властью безопасности их жизнедеятельности, благоприятной окружающей среды». Это вполне укладывается в концепцию позитивных обязательств государства, о которой мы говорили выше.

Некоторые ученые рассматривают отношения, связанные с возмещением вреда, причиненного гражданам в результате Чернобыльской катастрофы в качестве реализации некоего «долга» или «бремени» государства, своего рода позитивной ответственности перед собственными гражданами. Так, например, П. Астахов отмечает, что в данных отношениях «государство выступает в данном случае не как собственник источника повышенной опасности, причинившего вред, а берет на себя бремя компенсации этого вреда как орган, действующий в публичных интересах с целью поддержания социальных связей в обществе и сохранения его как такового»²⁴³. Профессор Д.А. Липинский полагает, что возмещение вреда, причиненного катастрофой на Чернобыльской АЭС, представляет собой добровольную форму юридической ответственности (позитивной ответственности), в рамках которой государство принимает на себя обязанность по возмещению вреда²⁴⁴.

²⁴³ *Астахов П.* Неподсудно, или правительство как ненадлежащий ответчик в ситуации с судебными исками жертв теракта на Дубровке // Бизнес-адвокат. 2003. № 2. [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁴⁴ *Липинский Д.А.* Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 37 - 51.

К.И. Скловский приводит позицию Конституционного Суда, согласно которой, организуя систему компенсаций, государство выступает не как причинитель вреда и не как должник по деликтному обязательству, а как публичный орган, выражающий общие интересы, и как распорядитель бюджета, создаваемого и расходуемого в общих интересах²⁴⁵. Однако данную позицию Суд высказал в отношении возмещения вреда, причиненного террористическим актом, что предполагает несколько иные отношения и иное распределение бремени ответственности.

С одной стороны, формально-юридически согласно нормам статей 53 и 54 Федерального закона «Об использовании атомной энергии» гражданско - правовую ответственность за убытки, причиненные радиационным воздействием при выполнении работ в области использования атомной энергии, несет эксплуатирующая организация, ответственность которой как «владельца» источника повышенной опасности наступает независимо от вины. А.А. Талевлин в этой связи, например, полагает по меньшей мере несправедливым компенсировать такой вред за счет налогоплательщиков, т.е. из бюджетных средств²⁴⁶.

Н.Г. Нарышева также рассматривает в качестве негативного явления ответственность государства за вред, причиненный радиационными и техногенными авариями и катастрофами, полагая, что основное бремя ответственности должен нести владелец источника повышенной опасности, а государство может выступать только субсидиарным соответчиком²⁴⁷. Существующую же ответственность государства в данной сфере она характеризует как «квазиответственность». При этом она ссылается на работу Н.С. Малеина «Современные проблемы юридической ответственности»²⁴⁸. Между тем Николай

²⁴⁵ Скловский К., Смирнова М. О возмещении вреда, причиненного в результате террористической акции // Хозяйство и право. 2003. N 6. С. 90-99.

²⁴⁶ Талевлин А.А. Юридическая ответственность за ядерный ущерб // Журнал российского права. 2002. N 6. С. 64-66.

²⁴⁷ Нарышева Н.Г. Тенденции дифференциации правового регулирования возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Экологическое право. 2005. N 1. С. 71-77.

²⁴⁸ Малеин Н.С. Современные проблемы юридической ответственности // Государство и право. 1994. N 6. С. 25.

Сергеевич под квазиответственностью («прямой ответственностью») понимал установленные законом ограничения в целях недопущения злоупотребления правом. В данном же случае, на наш взгляд, более применимо понятие квазиделиктной ответственности.

В римском праве помимо канонического обязательства из причинения вреда (деликта) существовал институт квазиделикта, который выражался не в самом причинении вреда, а в создании угрозы его причинения. Институции Юстиниана предполагали возможность привлечения к ответственности «за поставленное и подвешенное» (*actio depositi et suspensis*), т.е., например, ненадежное размещение предметов на крыше или карнизе²⁴⁹.

Кроме того, отдельно выделялась квазиделиктная ответственность судьи: «Судья нес имущественную ответственность даже за причинение ущерба стороне по незнанию без установления вины судьи по так называемому квазиделикту по незнанию судьи»²⁵⁰.

К квазиделиктной ответственности относилась и обязанность хозяина постоялого двора или корабля возместить проезжающему или посетителю стоимость украденной вещи в двойном размере²⁵¹.

Таким образом, понятие квазиделикта в римском праве касалось: а) создания угрозы причинения вреда; б) причинения вреда в «сфере своего хозяйственного ведения»²⁵²; в) ненадлежащего (но и невиновного) исполнения своих обязанностей судьей.

Отметим, что статья 53 Конституции Российской Федерации предусматривает наступление обязанности государства возместить причиненный вред не только в случае его причинения незаконными действиями органов

²⁴⁹ Институции Юстиниана / Пер. с лат. Д. Расснера; под ред. Л.Л. Кофанова, В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 1998. С. 317 - 319.

²⁵⁰ Андреев Ю.Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты. СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. С. 293.

²⁵¹ Дождев Д.В. Римское частное право: Учебник для вузов / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1997. С. 560.

²⁵² Архипов Д.А. Распределение договорных рисков в гражданском праве. Экономико-правовое исследование. М.: Статут, 2012. 112 с.

государственной власти и должностных лиц, но и в случаях их незаконного бездействия.

При этом данное положение Основного закона необходимо рассматривать не изолированно, а в системной связи с другими положениями Конституции Российской Федерации. Так, Конституционный Суд Российской Федерации, констатируя экстраординарный характер Чернобыльской техногенной катастрофы, связал принятие государством на себя ответственности и обязанности возмещения причиненного ею вреда, прежде всего, с ее масштабностью, которая в силу огромного числа пострадавших приводит к невозможности возмещения вреда обычным порядком. Основанием такой ответственности государства, по мнению Суда, является положения статей 2 и 18 Конституции Российской Федерации, согласно которым признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, и статьи 53, закрепляющей обязанность возмещения государством вреда, связанного с осуществлением государственной деятельности в различных ее сферах, независимо от возложения ответственности на конкретные органы государственной власти или должностных лиц.

Кроме того, (и на это Конституционный Суд также обращал внимание) следует учитывать, что статья 42 Основного закона гарантирует право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и, в том числе, на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. В силу предоставительно-обязывающего характера правовых норм каждому праву управомоченного лица корреспондирует соответствующая обязанность правообязанного лица. Учитывая, что положения главы 2 Конституции Российской Федерации представляют собой юридически закрепленные гарантии государства по обеспечению, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, а только такой вывод можно сделать из взаимосвязанных положений статей 2, 17 и 18 Основного закона, очевидно, что указанная обязанность возлагается на государство.

Таким образом, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в результате радиационных и техногенных аварий и катастроф вызвано ненадлежащим осуществлением контроля и надзора в сфере ядерной энергетики со стороны государства, что по сути весьма близко к рассмотренному выше понятию квазиделикта (в части ответственности за создание угрозы причинения вреда осуществлением общественно-опасной деятельности и причинения вреда в сфере своего хозяйственного ведения).

Еще одной «специальной» сферой реализации права на возмещение вреда, предусмотренного статьей 53 Конституции Российской Федерации, которая опосредуется специальными, публичными механизмами, является компенсация вреда жертвам террористических актов. Возмещение вреда, причиненного в результате совершения террористического акта, регламентируется Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», а также принятым в соответствии с ним постановлением Правительства Российской Федерации от 15 февраля 2014 г. № 110 «О выделении бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий».

Отметим, что подобная ответственность предусматривается и основополагающими международными актами. Так, Руководящими принципами в области прав человека и борьбы с терроризмом²⁵³ предусматривается, что при невозможности возместить ущерб, причиненный террористическим актом за счет причинителя вреда (в частности, путем конфискации имущества исполнителей, организаторов и заказчиков террористических актов), государство обязано принять меры для возмещения вреда, причиненного таким актом на его территории.

В специальной литературе отмечается: «Учитывая, что теракт является национальным бедствием и вызовом государству, а также причиняет значительные физические и нравственные страдания жертвам, обсуждение вопроса о возмещении

²⁵³ Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом: утв. 11.07.2002 на 804-м заседании Комитета Министров // Совет Европы и Россия. 2003. N 1.

вреда переходит от выяснения того, кто должен заплатить, к тому, кто может заплатить (from «whoshouldpay» to «whocanpay»)²⁵⁴.

Одновременно Конституционный Суд отметил, что государство в данном случае выступает не как причинитель вреда, который несет ответственность за собственные противоправные действия, а как распорядитель бюджетных средств, т.е. орган, действующий в публичных интересах. Данная аргументация потребовалась Суду для обоснования правомерности возмещения вреда, причиненного террористическим актом, не в полном объеме, а в форме компенсаций, предусмотренных публично-правовым порядком возмещения такого вреда.

Подобный подход дает основания некоторым ученым утверждать, что «...ни Конституция РФ, ни ГК РФ не содержат оснований, позволяющих привлечь государство к деликтной ответственности за действия преступников, поскольку такие действия не охватываются ст. 53 Конституции РФ, ст. 1069 ГК РФ»²⁵⁵. Однако, утверждение о том, что возмещение государством вреда, причиненного в результате совершения террористического акта не охватывается нормой статьи 53 Основного закона, находится в противоречии как с мнением Судей Конституционного Суда²⁵⁶, так и с правовыми позициями самого Конституционного Суда²⁵⁷. Так, в упомянутом выше Определении от 27.12.2005 № 523-О, на которое кстати неоднократно ссылаются авторы процитированной работы, Суд еще раз воспроизвел свою правовую позицию, согласно которой из смысла статьи 53 Конституции Российской Федерации прямо вытекает обязанность государства по возмещению вреда,

²⁵⁴ Гражданско-правовой механизм возмещения вреда, причиненного актом терроризма: монография / Л.Т. Кокоева, В.А. Рыбаков, В.Н. Соловьев и др. М.: Юрист, 2009. 179 с.

²⁵⁵ *Скловский К., Смирнова М.* О возмещении вреда, причиненного в результате террористической акции // *Хозяйство и право.* 2003. N 6. С. 98.

²⁵⁶ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с. [Электронный ресурс]. Доступ из Справоч. правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2005 N 523-О // СЗ РФ 2006. N 12. Ст. 1326.

связанного с осуществлением государственной деятельности в различных ее сферах.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что статьей 18 Закона о противодействии терроризму, четко разграничивается выплата государством компенсаций лицам, пострадавшим в результате террористического акта, с одной стороны, и возмещение вреда в собственном смысле слова его причинителем, т.е. террористом, свидетельствует о намеренном разграничении ответственности за причинение вреда и оказания социальной поддержки потерпевшим.

Собственно, ответственность возлагается только на лиц, участвовавших в совершении террористического акта, а государство выступает «как публичный орган, выражающий общие интересы, и как распорядитель бюджета». Как справедливо отмечает А.А. Гаджиева: «По существу на законодательном уровне произведена подмена права на возмещение вреда правом на социальную помощь, осуществляемую государством в лице своих органов. А между тем именно государство является ответственным субъектом за возмещение вреда потерпевшим»²⁵⁸.

Как нам представляется в данном случае также применима концепция «квазиделиктной» ответственности. Именно государство в лице своих уполномоченных органов осуществляет меры по противодействию терроризму, то сам по себе факт террористического акта свидетельствует о ненадлежащем исполнении обязанности по гарантированию и защите конституционных прав и свобод.

Между тем нельзя не заметить, что подобные квазиделикты носят публичный характер (публичный квазиделикт), а потому отличаются значительной спецификой. Если рассматривать государство как гарант основных прав и свобод, закрепленных в Конституции Российской Федерации, то любой факт нарушения конституционных прав (в том числе третьими лицами) можно трактовать как неисполнение им соответствующей конституционной обязанности. Очевидно, что подобный

²⁵⁸ Гаджиева А. А. Проблемы возмещения вреда жертвам террористических и экстремистских преступлений // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом Всероссийская научно-практическая конференция. 2015. С. 44-48.

подход, позволяющий адресовать иски государству фактически за любое причинение вреда, объективно невозможен. Поэтому в данном случае, в отличии от частного права, где сам факт причинения вреда влечет обязанность его возмещения, используются формальные конструкции публичного квазиделикта.

Так, например, выше мы говорили, что в настоящее время сформировался публично-правовой механизм возмещения государством вреда, причиненного в результате совершения террористического акта. Некоторые ученые характеризуют данные правоотношения как ответственность государства за действия третьих лиц, что на наш взгляд принципиально неверно.

В этом смысле весьма интересной представляется позиция Судьи Конституционного Суда Российской Федерации, профессора Г.А. Гаджиева, который отмечает, что государство несет ответственность за вред, причиненный не любым совершенным преступлением, а лишь за неблагоприятные последствия, наступающие для человека в связи с такими исключительными ситуациями, как техногенные катастрофы, террористические акты, вооруженные конфликты и т.д. Это обусловлено тем, что Конституция Российской Федерации возлагает именно на государство обязанность по обеспечению правопорядка и общественной безопасности (статья 71, пункт «м»; статья 72, пункт «б» части 1), охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности (статья 42; статья 72, пункт «д» части 1).

При этом, Г. А. Гаджиев полагает, что истолкование статьи 52 Конституции Российской Федерации как нормы прямого действия, позволяющей компенсировать ущерб от любых преступлений, когда не установлен обвиняемый или когда у него недостаточно средств, является преждевременным. «Российская Федерация пока еще не считает необходимым брать на себя имущественное бремя (в виде ком-

пенсации причиненного вреда) не как должник по деликтному обязательству, отвечающий при наличии вины, а как публичная власть, несущая ответственность без вины в целях поддержания стабильности оборота»²⁵⁹.

В отношении же возмещения государством вреда, причиненного преступными действиями третьих лиц, в литературе высказывается мнение, что указанные отношения также укладываются в логику негативной ответственности государства: «Основания для правовых решений представляются очевидными и с позиции здравого смысла: гражданин и государство связаны партнерскими отношениями - гражданин уплачивает налоги, государство содержит на них аппарат защиты подданных и поддержания правопорядка. Невыполнение любой из сторон своих обязательств должно влечь правовые последствия»²⁶⁰.

И.А. Андреева, рассматривая данную проблему, отмечает концепцию абсолютной ответственности государства, выработанную Европейским судом по правам человека. Так, в деле Айдер и другие против Турции (*Ayder and Others v. Turkey*) Суд пришел к выводу, что ответственность государства носит абсолютный характер и основана на учете социального риска. Иными словами, «государство может быть привлечено к ответственности с целью компенсации вреда тем, кто пострадал от действий неустановленных лиц или террористов, когда государство признает свою неспособность поддерживать общественный порядок и безопасность или защищать жизнь людей и собственность»²⁶¹. При этом, как отмечается в специальной литературе «...причиной наступления вреда могут быть любые обстоятельства: не только теракты, но и, например, массовые беспорядки. Таким образом, для возникновения обязанности государства по возмещению вреда не имеет значения, исходило ли

²⁵⁹ Мнение Судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по делу о проверке конституционности Положений частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина С.А. Первова и запросом мирового судьи участка n 43 города Кургана // СЗ РФ. 2013. N 22. Ст. 2861.

²⁶⁰ Мусаев М.А. Об условиях и порядке возмещения вреда жертвам преступлений за счет государства // Современное право. 2012. № 1. С. 105.

²⁶¹ Рухтин С. Ответственность государства перед жертвами терроризма в свете решений Европейского суда по правам человека // Российская юстиция. 2004. № 6. С. 51.

насильственное действие от должностных лиц государства, или террористов, или неустановленных лиц»²⁶².

Кроме того, согласно Европейской конвенции о возмещении вреда жертвам насильственных преступлений (заключена 24 ноября 1983 года, Российской Федерацией не ратифицирована), носящей общий характер и действующей в совокупности с другими нормами-принципами, которыми обеспечиваются общепризнанные права и свободы, закрепленные в том числе в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколах к ней, в случаях когда возмещение ущерба не может быть обеспечено из других источников, государство должно взять на себя эту обязанность (статья 2), устанавливая необходимые пределы, условия и порядок его выплаты (статьи 2 - 9).

Конституционный Суд Российской Федерации по данному вопросу занял иную позицию. Так, в деле по жалобе граждан Бурбан Елены Леонидовны, Жирова Олега Александровича, Миловидова Дмитрия Эдуардовича, Миловидовой Ольги Владимировны и Старковой Тамары Михайловны, которое касалось вопроса конституционности статьи 17 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» (утратил силу), заявители жаловались, что указанные нормы закона не позволяют им получить компенсацию морального вреда как заложникам и родственникам заложников. В этой связи в своем Определении от 27.12.2005 № 523-О Конституционный Суд отметил, что государство берет на себя компенсацию причиненного вреда как орган, действующий в публичных интересах, преследующий цели поддержания социальных связей, сохранения социума, но не как причинитель вреда. Полное же возмещение причиненного вреда возможно в том случае, когда государство выступает в качестве деликвента²⁶³. Таким образом, согласно позиции высшего органа конституционного правосудия, ответственность российского государства за действия третьих лиц, это не ответственность виновного лица, а действия публичного

²⁶² Андреева И.А. Возмещение государством вреда, причиненного в результате террористического акта, как публично-правовой субинститут // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 14. С. 12.

²⁶³ Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2005 N 523-О // СЗ РФ. 2006. Ст. 1326. № 12.

субъекта, направленные на достижение «общественного блага». Такая позиция приводит к выводу, что государство не обязано возмещать вред, причиненный противоправными действиями третьих лиц в каждом случае, а лишь может добровольно принять на себя компенсационную функцию для достижения общепольных целей.

В связи с этим надо сказать, что статья 30 ранее действовавшего Закона РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР» (утратил силу) предусматривала, что ущерб, нанесенный собственнику преступлением, возмещается государством, а понесенные при этом государством расходы взыскиваются уже с виновного в порядке регресса. Как отмечается в специальной литературе, «эта норма оставалась декларацией, а когда попытки ее практического применения участились, была объявлена ошибочной и действие ее приостановлено вплоть до признания утратившим силу Закона в целом с 1 января 1995 года»²⁶⁴.

Данный пример, как нам кажется, иллюстрирует невозможность, да и нецелесообразность неограниченной ответственности государства за все действия третьих лиц, совершаемых в пределах его юрисдикции. Кстати, К. Скловский и М. Смирнова также полагают, что сама по себе идея ответственности государства за ущерб, причиненный в результате преступления, совершенного третьим лицом, имеет под собой ошибочное представление о «всесилии государства» и не может быть положена в основу каких-либо юридических механизмов и конструкций.

3.2. Международные механизмы обеспечения реализации конституционного права на возмещение государством вреда

Как уже отмечалось в предыдущей главе диссертации, конституционное право на возмещение государством вреда не содержится напрямую в таких международно-правовых документах как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., а также пакты о правах человека 1966 года, в том виде, в котором оно закреплено в

²⁶⁴ Скловский К., Смирнова М. О возмещении вреда, причиненного в результате террористической акции // Хозяйство и право. 2003. № 6. С. 90-99.

Конституции Российской Федерации. В то же время, указанные документы содержат несколько прав, носящих частный характер по отношению к этому более общему праву. Данный факт позволяет исследователям сделать вывод, что современном в международном праве право на возмещение ущерба за нарушения государством прав человека выводится путем их расширительного толкования²⁶⁵. В то же время право на возмещение ущерба нашло прямое отражение в подписанных позднее международных договорах, таких как: Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. (ст. 6), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство форм обращения и наказания 1984 г. (ст. 14), Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. (ст. 15, ст. 16, ст. 18, ст. 22), Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г. (ст. 24). Указанное право также было закреплено в региональных правозащитных документах: в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 13 и ст. 41), Американской конвенции о правах человека 1969 г. (ст. 10 и ст. 21) и Африканской хартии прав человека и народов 1981 г. (ст. 21)²⁶⁶.

При этом в международном праве возмещение вреда трактуется более широко, чем чисто компенсационные меры по возмещению материального ущерба. Так, в Основных принципах и руководящих положениях, касающихся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права²⁶⁷ выделяются следующие формы возмещения вреда: реституция, компенсация, реабилитация, сатисфакция, и гарантии неповторения случившегося (раздел IX). При этом, все указанные меры должны осуществляться государством, неправомерными действиями органов и должностных лиц которого причинен вред.

²⁶⁵ Кебурия К.О. Право на возмещение ущерба по международному праву за нарушения государством прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 15-16.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права (Приняты 25.07.2005 Резолюцией 2005/30 на 36-ом пленарном заседании Экономического и Социального Совета ООН)

Таким образом, можно согласиться с мнением К.О. Кебурия, что в международном праве право на возмещение ущерба за нарушения государством прав человека является самостоятельным правом человека, существующим независимо от аналогичных прав, закрепленных в национальных законодательствах многих государств²⁶⁸.

Предметом анализа настоящего диссертационного исследования является конституционное право на возмещение государством вреда, зафиксированное в 53 Конституции Российской Федерации. По отношению к нему право на возмещение ущерба за нарушения государством прав человека, гарантируемое различными международно-правовыми документами, носит дополнительный, обеспечительный характер. Обращение граждан, права которых нарушены незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц к международно-правовым механизмам возмещения вреда необходимо (и целесообразно) чаще всего в тех случаях, когда у них возникают проблемы с реализацией этого права в рамках национальной правовой системы. Как верно отмечает Е.Г. Стребкова, «для многих граждан межгосударственные органы по защите прав человека являются последней возможностью восстановления справедливости»²⁶⁹.

Вместе с тем, обратим внимание на то, что защита конституционного права на возмещение государством вреда путем обращения в международные организации может быть реализована гражданином Российской Федерации только путем подачи индивидуального обращения по конкретным фактам причинения вреда. На международном уровне в настоящее время нет каких-либо специальных механизмов компенсации вреда, таких как предусмотрены законодательством Российской Федерации в отношении жертв природных и техногенных катастроф, незаконно репрессированных и т.п., о которых речь шла в предыдущем параграфе диссертации.

Поскольку, как уже было отмечено, наша диссертация посвящена изучению

²⁶⁸ Кебурия К.О. Право на возмещение ущерба по международному праву за нарушения государством прав человека. М., 2018. С. 15.

²⁶⁹ Стребкова Е.В. Право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека: проблемы реализации // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 2. С. 119.

конституционного права на возмещение государством вреда, мы не планируем в рамках настоящего параграфа подробно останавливаться на процедурах принятия различными межгосударственными органами решений по возмещению вреда, а также подробно анализировать их практику в этой сфере. Поскольку применительно к конституционному праву на возмещение государством вреда указанные международно-правовые механизмы носят дополнительный, обеспечивающий характер, далее речь пойдет о том – каким образом данные межгосударственные органы могут способствовать реализации конституционного права на возмещение государством вреда применительно к гражданам Российской Федерации (иными словами – какие у них для этого есть возможности), и какова обязательность принимаемых ими решений для Российской Федерации. Также подчеркнем, что в связи с этим мы не будем далее рассматривать деятельность ряда авторитетных межгосударственных органов по защите прав человека (таких как Межамериканский суд по правам человека, Африканский суд по правам человека и народов, и др.), поскольку, хотя в определенных случаях туда могут обратиться и граждане Российской Федерации, соответствующие суды могут выступать только в качестве органа по защите прав, закрепленных в законодательстве стран соответствующих регионов, к которым Российская Федерация не относится.

В настоящее время достаточно много межгосударственных органов наделены правом рассматривать индивидуальные жалобы граждан в отношении нарушения их прав органами и должностными лицами государств. В структуре ООН это: Комитет по правам человека, Комитет по ликвидации всех форм расовой дискриминации, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет против пыток, Комитет по правам ребенка, Комитет по правам инвалидов, Комитет по насильственным исчезновениям и Подкомитет по предупреждению пыток.

Наконец, рассмотрение индивидуальных жалоб осуществляет Совет по правам человека ООН. В 1970 году на основе и во исполнение Всеобщей декларации прав человека резолюциями Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС) была утверждена «процедура 1503» (резолюция ЭКОСОС 1503 (XLV111)). В

соответствии с данной процедурой рассматриваются сообщения отдельных лиц (групп лиц), которые являются жертвами нарушений прав человека, а также других лиц, у которых имеются достоверные сведения о таких нарушениях (правозащитники, неправительственные организации и т.п.). В 2000 г. Резолюцией ЭКОСОС 2000/3 в «процедуре 1503» была внесена оговорка, что она предполагает рассмотрение не всех индивидуальных жалоб, а лишь тех ситуаций, которые затрагивают права большого количества лиц или существуют в течение длительного времени.

Первоначально данная процедура применялась в работе Комиссии по правам человека ООН, однако результативность рассмотрения индивидуальных жалоб была невысока. Так, например, В. А. Карташкин приводит данные, согласно которым «из 20-25 тыс. сообщений, поступающих в Комиссию ежегодно, она рассматривала примерно 400-500 жалоб о систематических и грубых нарушениях прав человека»²⁷⁰. Кроме того, деятельность Комиссии подвергалась серьезной критике за политизированность и тенденциозность. В 2006 году резолюцией 60/251 Генеральной Ассамблеи ООН был учрежден Совет по правам человека, который стал «правопреемником» Комиссии по правам человека, в том числе в отношении рассмотрения индивидуальных жалоб в соответствии с «процедурой 1503».

Главной проблемой функционирования «договорных» органов ООН в качестве органов по защите прав человека исследователи называют необязательный для государств характер принимаемых ими решений²⁷¹. Действительно, как отмечал известный российский юрист-международник Ю.М. Колосов применительно к Комитету ООН по правам человека: «Комитет не выступает в качестве судебного органа

²⁷⁰ *Карташкин В. А.* Международные механизмы защиты прав человека: Как подать жалобу в международные органы. М.: Изд-во НОРМА, 2003.

²⁷¹ См.: *Штырова Е.П.* Конституционное право человека и гражданина на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 8; *Шуткина В.В.* Конституция Российской Федерации о защите прав человека в межгосударственных органах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; *Гремза Н.Ю.* Процедура подачи и рассмотрения индивидуальных сообщений в договорных органах по правам человека // Юрист-международник. 2004. № 2; *Амирова М.А.* Проблема применения в российской правовой системе актов, принимаемых комитетами по правам человека // Международное публичное и частное право. 2005. № 4; и др.

и не принимает решений, которые были бы обязательными для государства. Эффект этой процедуры носит морально-политический характер. Вместе с тем такая процедура побуждает органы государства предотвращать случаи невнимательного отношения к законным требованиям граждан, поскольку такие факты могут получить международную огласку и тем самым отрицательно повлиять на кредит доверия к такому государству»²⁷².

Практика также свидетельствует о том, что, если отдельные государства стремятся не просто исполнить решения конвенционных органов ООН по индивидуальным жалобам, но и учесть их рекомендации применительно к изменениям национального законодательства, то другие нередко их игнорируют вовсе, либо, формально «принимая во внимание», фактически никаких мер по восстановлению нарушенных прав и возмещению вреда потерпевшим не осуществляют. Между тем, именно этот аспект рассматриваемого международно-правового механизма принципиально важен для нас в контексте настоящей диссертации. Международно-правовые инструменты защиты прав человека и гражданина могут носить обеспечивающий характер по отношению к конституционному праву на возмещение государством вреда лишь в том случае, когда обращение к ним позволяет реализовать это право в случае невозможности надлежащим образом сделать это средствами национального законодательства. В противном случае они могут рассматриваться лишь как некие возможности привлечь внимание к проблеме без гарантии ее решения.

Российская Федерация относится к той группе стран, которая не закрепила в своем законодательстве механизмы обязательного реагирования на решения конвенционных органов ООН и рассматривает их лишь как «авторитетные», но необязательные рекомендации²⁷³. В результате рекомендации Комитета по правам че-

²⁷² Колосов Ю.М. Международные стандарты в области прав человека и проблемы советского законодательства // Советский журнал международного права. 1991. № 2. С. 76 - 77.

²⁷³ Солнцев А.М., Конева А.Е. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах // Международное правосудие. 2013. № 4. С. 89.

ловека (равно как и других конвенциональных органов ООН) российскими властями чаще всего не исполняются. В результате, как отмечает Ю.И. Стецовский «игнорирование выводов Комитета по правам человека демонстрирует открытое несоблюдение Россией ее международных обязательств как государства - члена ООН. В таком случае право обращения в Комитет по правам человека оказывается иллюзорным»²⁷⁴.

В российской юридической науке предлагались решения данной проблемы. Так, Е.П. Штырова в своей диссертации писала: «представляется необходимым внести изменения в Факультативные протоколы об учреждении комитетов и в процедуру «1503», установив таким образом обязательность принимаемых комитетами и Советом решений»²⁷⁵. Оставляя даже за скобками малореалистичность реализации данного предложения (которое потребовало бы согласования воли огромного количества государств), отметим, что и с позиций целесообразности оно не выглядит абсолютно однозначным.

Как совершенно верно отмечают специалисты, «ценность деятельности договорных органов по правам человека заключается в том, что процесс мониторинга занимает нишу, которая расположена между юридически обязательной и чисто политической областями»²⁷⁶. Иными словами – конвенциальные органы и Совет ООН не должны подменять собой международные судебные органы, у них, в конечном счете, разные функции и задачи. В связи с этим мы принципиально согласны с мнением А.М. Солнцева и А.Е. Коневой относительно того, что «придание актам комитетов юридически обязательного характера вряд ли может привести к увеличе-

²⁷⁴ *Стецовский Ю.И.* Механизм защиты прав человека, предусмотренный документами ООН, и адвокатура // Адвокат. 2006. № 1. С. 23-25.

²⁷⁵ *Штырова Е.П.* Конституционное право человека и гражданина на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 8.

²⁷⁶ *Morijn John.* Reforming United Nations Human Rights Treaty Monitoring Reform // Netherlands International Law Review. LVIII: 295 - 333. 2011. P. 312.

нию уровня выполнения государствами их обязательств по основным международным договорам по правам человека»²⁷⁷. Напротив, как представляется, подобное решение может привести к отказу к участию многих государств в конвенциональных процессах – слишком сложно на уровне ООН учесть специфические интересы всех государств или групп государств, обеспечив, при этом, обязательность исполнения ими принимаемых в области защиты прав человека решений.

Надо сказать, что на практике в полной мере это не удастся сделать и применительно к решениям международных именно судебных органов (Международный Суд ООН, Международный уголовный Суд, Международный трибунал по морскому праву, и другие), хотя, как раз они-то наделены в силу различных норм международного права обязательным характером. В целом рассмотрение вопроса об обязательном решении международных судов лежит несколько за пределами настоящего диссертационного исследования, поэтому, отметим лишь, что далеко не все из них в принципе наделены правом рассмотрения индивидуальных жалоб о нарушениях прав человека и, соответственно, возможностью принятия решений о компенсации ущерба потерпевшим.

Правда, в некоторых случаях возмещение вреда, причиненного нарушением прав и свобод человека, может быть основано не только на индивидуальной жалобе, но и вытекать из разрешения межгосударственного спора. В силу этого в отдельных ситуациях способствовать реализации конституционное право на возмещение государством вреда могут и международные органы, напрямую не наделенные такой компетенцией. Речь, в частности, идет о Международном суде ООН, созданном для рассмотрения споров между государствами. В некоторых своих решениях, помимо, собственно разрешения спора также указывал на необходимость произвести компенсацию имущественного ущерба гражданам конкретных стран. Так, например, в декабре 1998 года Республика Гвинея подала в Международный

²⁷⁷ Солнцев А.М., Конева А.Е. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах // Международное правосудие. 2013. № 4. С. 90.

суд ООН от имени ее гражданина – Амада Садио Диалло требование к Демократической Республике Конго о выплате долгов, связанных с его высылкой из страны и лишением имущества²⁷⁸. Суд в данном случае вынес решение о выплате компенсации за нематериальный ущерб, причиненный господину Диалло в размере 85 000\$ США и за материальный ущерб, причиненный господину Диалло в отношении его личного имущества, - 10 000\$ США. Как отмечается в специальной литературе решение Международного суда, по данному делу, «является первым случаем за более чем шестидесятилетнюю практику Суда, когда Суд не только постановил необходимость возмещения ущерба пострадавшей стороне в результате нарушения международных норм в области прав человека государством - нарушителем, но и оценил определенную сумму и размер такой компенсации»²⁷⁹. Опираясь на данное решение К.О. Кебурия в своем диссертационном исследовании делает вывод, что Международный суд ООН, несмотря на отсутствие компетенции по рассмотрению индивидуальных жалоб, сформировал позицию в отношении возмещения ущерба жертвам нарушений прав человека²⁸⁰.

Вместе с тем, здесь необходимо отметить, что в данном деле речь шла, о возмещении вреда не пострадавшему лицу напрямую, а государству - гражданином, которого являлся пострадавший. Каких-либо указаний в решении на то, что указанная денежная сумма в случае ее выплаты Демократической Республикой Конго должна быть передана Республикой Гвинея господину Диалло в решении Международного Суда ООН не содержится, соответственно, вопросы компенсации ущерба непосредственно жертве остались зависимы исключительно от доброй воли этого государства. Указанное обстоятельство – равно как и сама исключитель-

²⁷⁸ *Иванов Д.В., Ганиева Р.Б.* Обзор практики Международного Суда ООН по вопросу о возмещении ущерба, причиненного вследствие международно-противоправного деяния: дело А.С. Диалло // Евразийский юридический журнал. - 2014. - № 6 (73). - С. 84-90.

²⁷⁹ *Кебурия К.О.* Возмещение ущерба за нарушения прав человека в практике Международного суда ООН // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10. С. 195-197.

²⁸⁰ *Кебурия К.О.* Право на возмещение ущерба по международному праву за нарушения государством прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 19.

ность дела – не позволяют считать в настоящее время деятельность Международного Суда ООН эффективным международно-правовым механизмом защиты прав человека от вреда, причиненного незаконными действиями государств.

Более широкий круг возможностей по защите прав человека имеют региональные судебные органы, такие как Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека, Африканский суд по правам человека и народов и т.д. Связано это с тем, что государства одного региона, как правило, более близки между собой в социальном, культурном, экономическом и ином отношении, что не только упрощает для них выработку общих стандартов защиты прав человека, но и позволяет в большей степени поступиться своим суверенитетом для обеспечения функционирования региональных механизмов реализации этих стандартов. Вполне логично, что, например, Г. Стайнер, видит именно в развитии региональных органов рассмотрения индивидуальных жалоб будущее системы защиты прав человека в мире²⁸¹.

Выше мы уже отмечали, что применительно к конституционному праву на возмещение государством вреда, гарантированному ст. 53 Конституции Российской Федерации мы можем вести речь только о региональных органах, куда могут обратиться лица, считающие, что их права нарушены российским государством. В настоящее время единственным таким органом является Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), учрежденный в соответствии с разделом III Конвенции о защите прав человека и основных свобод²⁸². В соответствии со ст. 34 Конвенции суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в указанной Конвенции или в Протоколах к ней.

²⁸¹ *Henry J. Steiner, Philip Alston. International human rights in context. Law, politics, morals. 2000. P. 740.*

²⁸² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

В отличие от решений конвенциональных органов ООН, решения Суда являются в соответствии с законодательством Российской Федерации основаниями для пересмотра вступивших в законную силу актов российских судебных органов (ст. 392 ГПК, ст. 350 КАС РФ, ст. 311 АПК РФ). В силу этого, гражданин Российской Федерации, считающий, что его право, в том числе, и конституционное право на возмещение государством вреда нарушено, и, не нашедший поддержки в рамках отечественной судебной системы, имеет возможность обратиться с жалобой в ЕСПЧ. При положительном для него исходе дела в данной инстанции, у него появляется достаточно реальная возможность добиться пересмотра дела и в России. Кроме того, сам ЕСПЧ может присудить лицу, права которого были нарушены, компенсацию (ст. 3,5, 41 и др. Конвенции) подлежащую к выплате со стороны государства-нарушителя. При этом, как справедливо отмечает М.А. Сидоренко «ввиду ограниченных полномочий Суда именно денежная компенсация стала основной мерой, которую Суд мог налагать на государство, нарушившее положения Конвенции»²⁸³.

Фактически в настоящее время ЕСПЧ – это последняя инстанция для реализации конституционного права на возмещение государством вреда и одновременно – самый эффективный для российских граждан из международно-правовых механизмов защиты прав человека. Помимо собственно решений по индивидуальным жалобам, способствующим возмещению вреда, причиненного неправомерными действиями органов государственной власти и государственных должностных лиц по конкретным случаям, Европейский Суд имеет и другие возможности влияния на государства-члены Совета Европы.

Так, наличие со стороны граждан ряда государств (в том числе, и России) значительного количества повторяющихся, однотипных жалоб на действия государства, по которым ЕСПЧ выносились решения в пользу заявителей повлекло за

²⁸³ Сидоренко М.А. О присуждении справедливой компенсации (из практики Европейского Суда по правам человека) // Власть закона. 2018 № 2. С. 213.

собой возникновение механизма «пилотных» постановлений, требующих от государств принятия серьезных мер законодательного характера²⁸⁴. К примеру, 15 января 2009 г. Европейский Суд впервые в отношении России вынес пилотное постановление по жалобе «Бурдов против России» № 2 ((жалоба № 33509/04) от 15.12.2008). В нем он выразил серьезную озабоченность по поводу того, что нарушения, констатированные в данном постановлении, имели место несколько лет спустя после вынесения Судом первого постановления в пользу того же самого заявителя и вопреки обязательству России в соответствии с Конвенцией принять под контролем Комитета Министров Совета Европы необходимые меры для разрешения проблемы. В связи с этим Европейский Суд счел уместным в данном деле применить процедуру пилотного постановления, учитывая повторяющийся и длящийся характер лежащих в его основе проблем, широкий круг лиц, затронутых ими в России, и срочную необходимость обеспечить быстрое и надлежащее восстановление их прав, включая возмещение причиненного им ущерба на внутригосударственном уровне.

На основании изложенного Европейский Суд предложил властям Российской Федерации в течение 6 месяцев с момента вступления в силу настоящего решения создать эффективное внутригосударственное средство правовой защиты или комплекс таких средств, которые обеспечат быстрое и адекватное восстановление нарушенных прав, включая возмещение ущерба, в случае неисполнения или длительного неисполнения национальных судебных решений.

Хотя установленный Европейским Судом шестимесячный срок в итоге властями Российской Федерации и не был соблюден, их усилия по решению данной проблемы увенчались принятием Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и Федерального закона от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты

²⁸⁴ Николаев А.М., Давтян М.К. Исполнение решений Европейского Суда по правам человека и Межамериканского Суда по правам человека: сравнительный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4. С. 45.

Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (принят ГД ФС РФ 21.04.2010)²⁸⁵.

Конечно, само по себе наличие пилотного постановления в адрес государства не гарантирует изменений в национальном законодательстве последнего. Как показывает статистика, уровень исполнения пилотных постановлений значительно ниже, чем «обычных»²⁸⁶. Но, несмотря на это, как справедливо констатирует Е.Г. Стребкова «постановления Европейского суда по правам человека способствовали реформированию судебной системы нашего государства, улучшению процесса реализации важнейших принципов правосудия, заложенных Конституцией РФ»²⁸⁷.

Еще одним способом воздействия на государства, регулярно допускающие однотипные нарушения прав человека, получившим распространение в практике ЕСПЧ в последние годы, стали постановления, в которых Суд «выносил решения о присуждения возмещения, носящего карательный характер, или штрафных (карательных) убытков («punitive damages»). Предполагается, что присуждение таких убытков имеет целью не только компенсировать материальный или нематериальный ущерб, но и наказать нарушителя, тем самым предотвратить повторение противоправного действия как нарушителем, так и третьими лицами»²⁸⁸.

Однако надо сказать, что использование ЕСПЧ механизма компенсации ущерба карательного характера подвергается и довольно существенной критике²⁸⁹. В отсутствие других серьезных принудительных мер, государства могут начать игнорировать карательные санкции именно из-за их карательного характера, в итоге,

²⁸⁵ Чаннов С.Е. Право на эффективное средство правовой защиты в позициях Европейского суда по правам человека // Гражданин и право. 2011. № 11. С. 11.

²⁸⁶ Исполинов А. Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. 2017. № 1. С. 20.

²⁸⁷ Стребкова Е.В. Указ.соч. С. 120.

²⁸⁸ Сидоренко М.А. О присуждении справедливой компенсации (из практики Европейского Суда по правам человека) // Власть закона. 2018 № 2. С. 216.

²⁸⁹ *Isabella Risini*. Can't get no just satisfaction? The Cyprus v. Turkey judgment of the European Court of Human Rights. – Cambridge J. Int'l & Comp. L. (May 23, 2014). URL: <http://cji.org.uk/2014/05/23/cant-get-just-satisfaction-cyprus-v-turkey-judgment-european-courthuman-rights/> (дата обращения: 23.03.2018).

подобная позиция Суда получит эффект, противоположный желаемому. «Суд может продолжать выносить решения, представляющие собой суровые наказания, но если государства-участники Конвенции не будут сотрудничать с Судом, он может потерять доверие»²⁹⁰.

Между тем, возможности ЕСПЧ, да и Совета Европы в целом обеспечить выполнение судебного решения конкретным государством в случае, если последнее категорически отказывается его выполнять, довольно ограничены. Как мы уже отмечали выше, принципиальной особенностью, отличающей международные суды от договорных органов в области защиты прав человека, является юридическая обязательность для государств (по общему правилу) их актов. Вместе с тем, сама себе формально определенная обязательность каких-либо решений в международном публичном праве, к сожалению, мало что значит, если она не может быть обеспечена возможностью применения за их неисполнение каких-либо санкций (политических, юридических, имущественных и иных), пусть даже и потенциально. Между тем, применительно к рассматриваемому в настоящей диссертации конституционному праву на возмещение государством вреда, вопрос об обязательности решений межгосударственных органов по защите прав человека имеет принципиальное значение, поскольку их деятельность может рассматриваться как дополнительный - по отношению к национальному - механизм реализации данного права только в том случае, если указанные решения будут реально исполняться.

Применительно к деятельности Европейского Суда по правам человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод устанавливает, что «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами» (ч. 1 ст. 46). Надзор за исполнением постановлений суда возложен на Комитет министров Совета Европы²⁹¹.

²⁹⁰ Сидоренко М.А. О присуждении справедливой компенсации (из практики Европейского Суда по правам человека) // Власть закона. 2018. № 2. С. 223.

²⁹¹ См.: Материалы 9-го ежегодного доклада Парламентской ассамблеи Совета Европы «Исполнение постановлений Европейского суда по правам человека». URL: <http://website-race.net/documents/19838/3115031/AS-JUR-2017-15-EN.pdf/18891586-7d6c-4297-b5f7-4077636db28e> (дата обращения: 23.02.2020.)

Сами по себе указанные нормы, разумеется, отнюдь не гарантируют исполнение решений Суда. Собственно, на практике неисполнение решений Европейского Суда по правам человека – это достаточно распространенное явление.

Так, из годовых отчетов Комитета министров Совета Европы об исполнении постановлений ЕСПЧ следует, что, начиная с 2011 года, количество неисполненных решений постоянно растет. Если в 2011 г. такие дела составляли 20% от общего объема дел, находящихся в процедуре исполнения вынесенных постановлений, то к концу 2015 г. этот показатель достиг 55% от общего количества дел²⁹². При этом, по данным Суда на 2018 год лидером по количеству неисполненных решений является Россия из 2380 постановлений, вынесенных ЕСПЧ против России с момента ратификации Европейской конвенции по правам человека в 1998 году, было полностью выполнено и закрыто 608 случаев, что составляет 25,5%²⁹³. Правда, в данном случае речь идет о лидерстве только по абсолютному количеству неисполненных решений, если говорить о процентных показателях, то России по данному критерию далеко до Азербайджана, который не исполнил 98,5 % вынесенных в отношении него решений²⁹⁴.

Спецификой исполнения решений ЕСПЧ в России является институциональный механизм проверки толкования норм Конвенции Европейским Судом на соответствие положениям Основного закона Российской Федерации. Такие государства как, например, Германия, Италия, Австрия, Великобритания, также могут не внести изменения в национальное законодательство, если их высшая судебная инстанция признает это решение противоречащим его основам, однако при этом они, как правило, выплачивают заявителям присужденную ЕСПЧ компенсацию. Некоторые другие страны не выплачивают и компенсацию, однако осуществляют это, просто игнорируя решения ЕСПЧ в течении длительного времени, вместе с тем, не делая

²⁹² *Муйжниекс Н.* Неисполнение решений ЕСПЧ: наша общая ответственность. URL: <https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/non-implementation-of-the-court-s-judgments-our-shared-responsibility> (дата обращения: 23.02.2020.)

²⁹³ URL: <https://infogram.com/implementing-echr-judgments-pending-cases-by-country-top-ten-17092018-1h7v4pkx19j86k0> (дата обращения: 23.02.2020)

²⁹⁴ Там же.

каких-либо громких заявлений об отказе их исполнять в принципе. И только в Российской Федерации в 2015 году возможность неисполнения решения ЕСПЧ была зафиксирована законодательно²⁹⁵. Указанный закон был принят во исполнение и в развитие постановления самого Конституционного Суда Российской Федерации²⁹⁶, вызвавшего достаточно противоречивую оценку как учеными, так и политиками и общественными деятелями²⁹⁷. На данные акты среагировала и Комиссия за демократию через право Совета Европы («Венецианская комиссия»), указав в своем предварительном²⁹⁸ и окончательном²⁹⁹ заключениях, что эти положения прямо противоречат обязательствам, вытекающим из Венской конвенции о праве международных договоров, а также из статьи 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

²⁹⁵ Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 51 (часть I). Ст. 7229.

²⁹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.

²⁹⁷ См. напр.: *Бланкенагель А., Левин И.Г.* В принципе нельзя, но можно!.. Конституционный Суд России и дело об обязательности решений Европейского суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5. С. 152-162; *Кокотова М.А.* Участие Конституционного Суда РФ в исполнении решений Европейского суда по правам человека: последние законодательные изменения // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 64 – 67; *Кузнецов Д.А.* Исполнение решений Европейского суда по правам человека: правовые основы и некоторые тенденции // Судья. 2017. № 12. С. 59 – 64; и др.

²⁹⁸ Заключение Венецианской комиссии о законе России о Конституционном Суде № 832/2015 от 15 марта 2016 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=11496> (режим доступа 23.02.2020 г.)

²⁹⁹ Окончательное заключение Венецианской комиссии по закону о внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» № 832/2015 от 13 июня 2016 г. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)016-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)016-rus) (режим доступа 23.02.2020 г.)

Действительно, Венская Конвенция о праве международных договоров³⁰⁰ недвусмысленно гласит, что каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться (ст. 26), при этом участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора (ст. 27). Данные положения являются краеугольным камнем международных отношений, игнорирование их способно обрушить всю международно-правовую систему.

Вместе с тем, Конституционный Суд РФ в обоснование своей позиции сослался на ч. 1 ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров, согласно которой государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушении того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения (такowymi, согласно позиции Конституционного Суда, являются положения глав 1 и 2 Конституции Российской Федерации)³⁰¹.

Точка зрения Конституционного Суда РФ в данном случае состоит в том, что выявление в ходе применения ЕСПЧ несоответствий между толкованием ЕСПЧ Конвенции о защите прав человека и основных свобод и положениями глав 1 и 2 Конституции Российской Федерации может свидетельствовать о нарушении порядка заключения Конвенции, поскольку данное несоответствие не было выявлено при ее заключении.

³⁰⁰ Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969)

³⁰¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П. «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

Нельзя отрицать наличие проблемы соотношения норм национальных законодательств с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод тоже не следует. Конституционный Суд РФ верно указал, что проблемы расхождения между ней и национальным законодательством могут возникать на уровне конкретного правоприменения, при вынесении конкретных решений судьями ЕСПЧ. Одну и ту же норму стороны могут трактовать по-разному. Очень точно в этом плане выразилась Венецианская комиссия – «международный договор, который на момент присоединения к нему Российской Федерации... будет соответствовать Конституции РФ, а в последующем в ходе толкования... получив конкретное содержание, станет противоречить Конституции Российской Федерации»³⁰². В результате получается, что государства-члены Совета Европы, в том числе и Россия, должны ограничивать свой суверенитет даже не под требования Конвенции о защите прав человека и основных свобод (что видится вполне допустимым), а под мнение относительно небольшой группы судей (которое, кроме того, может со временем меняться).

Как представляется, полного решения этой проблемы в настоящее время не существует. Однозначно можно заключить, что при ее возникновении на компромисс должны быть готовы идти обе стороны, чего не наблюдается в настоящее время ни со стороны России, ни со стороны ЕСПЧ. Более того, даже в случае выраженного желания государства исполнить решение ЕСПЧ оно может быть блокировано существованием национальных процедур принятия тех или иных решений (законодательный процесс, осуществление правосудия и др.)³⁰³.

Представляется, что и ЕСПЧ, и Конституционный Суд Российской Федерации, по нашему мнению, должны проявлять определенную гибкость и стремиться к поиску компромисса в своих решениях. К примеру, по вопросу об избирательных правах заключенных, как уже отмечалось выше, проблемы с исполнением решений

³⁰² Заключение Венецианской комиссии о законе России о Конституционном Суде № 832/2015 от 15 марта 2016 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=11496> (режим доступа 23.02.2020 г.)

³⁰³ См.: *Велиева Д.С., Пресняков М.В.* Исполнение решений ЕСПЧ: национальные демократические процедуры vs правовая определенность // Вестник Поволжского института управления. 2020. № 6. С. 10-27.

ЕСПЧ возникли не только у Российской Федерации, но и у других государств, в частности, Соединенного Королевства³⁰⁴. Возможно, в такой ситуации на европейском уровне имело бы смысл предусмотреть механизмы пересмотра позиций ЕСПЧ и даже положений самой Конвенции о защите прав человека и основных свобод с учетом позиции всех заинтересованных сторон, однако рассмотрение этих предложений, к сожалению, уже далеко выходит за рамки настоящего диссертационного исследования.

Что касается России, то в новой редакции 2020 года Конституция РФ в 79 статье предусматривает, что если решение межгосударственного органа опирается на такое толкование международного договора, которое противоречит Основному закону, то оно не подлежит исполнению на территории Российской Федерации.

Как отмечается в специальной литературе, существенным недостатком прежнего порядка разрешения вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов был негибкий, «бинарный» подход: решение должно быть исполнено или не может исполняться в России³⁰⁵. Между тем, например, по делу Анчугова и Гладкова, хотя КС РФ принял решение о невозможности исполнения Постановления ЕСПЧ, Комитет министров Совета Европы (СЕ) с учетом всех обстоятельств пришел к выводу, что Россия исполнила это решение Европейского суда по правам человека³⁰⁶! Основанием для такого вывода было принятие ряда практических шагов, «подсказанных» законодателю Конституционным Судом РФ, и направленных на оптимизацию системы уголовных наказаний.

Необходимо согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что «вместо того, чтобы использовать интеллектуальный ресурс Судей Конституционного Суда

³⁰⁴См.: Информация о постановлении ЕСПЧ от 06.10.2005 по делу «Хирст (Hirst) против Соединенного Королевства (N 2)» (жалоба N 74025/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. N 4; Постановление ЕСПЧ от 23.11.2010 «Дело «Гринс и М.Т. (Greens and M.T.) против Соединенного Королевства» (жалобы N 60041/08 и 60054/08 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2016. N 1. С. 2, 117 - 138.

³⁰⁵ *Велиева Д.С., Пресняков М.В.* Исполнение решений ЕСПЧ: национальные демократические процедуры vs правовая определенность // Вестник Поволжского института управления. 2020. № 6. С. 10-27.

³⁰⁶ URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680972e12. (дата обращения: 01.08.2020)

для того, чтобы обосновать почему Россия не собирается исполнять то или иное решение ЕСПЧ, можно ведь направить эти усилия на решение вопроса как можно разрешить проблему и исполнить это решение пусть не буквально, но в какой-нибудь возможно приемлемой форме»³⁰⁷.

В этой связи, безусловно позитивной является норма, появившаяся в новом Законе О Конституционном Суде Российской Федерации. Так, статья 104.4 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривает помимо заключения о возможности или невозможности исполнения постановления межгосударственного органа принятие решения о частичном исполнении такого постановления в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Наличие такого варианта итогового решения Конституционного Суда, как представляется, позволит более гибко подходить к вопросу исполнения решений межгосударственных органов³⁰⁸.

Таким образом, подводя итоги, отметим следующее.

1. Существующие в настоящее время в мире различные международные органы по защите прав и свобод человека применительно к предусмотренному ст. 53 Конституции Российской Федерации конституционному праву на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов государства и его должностных лиц, выступают как элементы дополнительных (международно-правовых) механизмов его обеспечения. Они могут быть использованы в тех случаях, когда конституционное право на возмещение вреда не реализуется надлежащим образом путем применения национальных средств защиты.

2. Взаимовлияние конституционного права на возмещение государством вреда с указанными международными органами осуществляется двояко. Прямая связь имеет место в случаях обращения граждан Российской Федерации, а также

³⁰⁷ Велиева Д.С., Пресняков М.В. Исполнение решений ЕСПЧ: национальные демократические процедуры vs правовая определенность. С. 24-25.

³⁰⁸ См.: Велиева Д.С., Пресняков М.В. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 года: «кто будет сторожить сторожей» // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 20-22.

иных лиц, считающих, что им был причинен ущерб незаконными действиями государственными органами и должностными лицами Российской Федерации в указанные международные органы с индивидуальными жалобами. Обратная связь имеет место в случае вынесения международными органами по защите прав человека решений общего характера (прежде всего, пилотных постановлений ЕСПЧ) с целью воздействия на национальную правовую систему. Своеобразным способом воздействия в рамках обратной связи является также использование карательных санкций (решений о присуждении возмещения, носящего карательный характер), хотя, как было указано в работе, оно может дать и обратный эффект.

На международном уровне в настоящее время действует только общий порядок возмещения, причиненного нарушениями прав и свобод человека вреда – по индивидуальным жалобам. Каких-либо специальных механизмов компенсации вреда, таких как предусмотрены законодательством Российской Федерации в отношении жертв природных и техногенных катастроф, незаконно репрессированных и т.п., о которых речь шла в предыдущем параграфе диссертации, не имеется. Представляется, что развитие международно-правовых механизмов защиты прав и свобод человека могло бы идти в данном направлении путем выработки (при наличии значительного количества потерпевших с однотипными жалобами) общих упрощенных процедур рассмотрения дела и определения суммы, подлежащей возмещению, однако в настоящее время таких тенденций не наблюдается.

3. Наиболее слабым звеном международно-правовых механизмов обеспечения реализации конституционного права на возмещение государством вреда является, по-прежнему, возможность обеспечения исполнения решений соответствующих международных органов (они либо в принципе являются рекомендательными, либо, при формальной обязательности отсутствуют какие-либо средства принуждения их исполнения).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило нам прийти к следующим основным выводам.

Положения ст. 53 Конституции Российской Федерации, согласно которым каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц имеют двойкий характер. С одной стороны, это конституционное право граждан, которое традиционно рассматривается в русле юридической ответственности государства и в связи с причинением вреда правомерными действиями государственных органов, возникают в редких, прямо указанных законом случаях, в обстоятельствах исключительного (чрезвычайного) характера. С другой стороны, право на возмещение государством вреда может рассматриваться как комплексный правовой институт, состоящий из объединенных общими принципами норм конституционного, международного, гражданского, налогового, уголовно-процессуального, административного и других отраслей права.

Что касается первого значения, то в настоящее время, в отечественной литературе отсутствует единство мнений относительно возможности отнесения права на возмещение государством вреда к числу самостоятельных прав. Для обоснования решения этого вопроса нами была проанализирована сущность рассматриваемого права.

Были проанализированы признаки субъективного права на возмещение государством вреда.

1) Субъектом реализации данного права, согласно ст. 53 Конституции Российской Федерации, является «каждый». В конкретных случаях это могут быть граждане Российской Федерации, иностранцы, лица без гражданства, а также целые народы.

2) Волевой момент права на возмещение государством вреда выражается в том, что для выполнения этого способа защиты прав человека и гражданина необ-

ходима инициатива лица, чьи права или свободы нарушены, выраженная в обращении в суд за защитой. А государство, в свою очередь, выступает пассивным защитником.

3) Содержание права на возмещение государством вреда, нормативно закреплённого ст. 53 Конституции РФ заключается в субъективном праве каждого требовать от государства возмещения вреда, причиненного незаконными деяниями органов государственной власти и их должностных лиц. Данному праву корреспондирует конституционная обязанность государства в случае нарушения органами публичной власти и их должностными лицами охраняемых законом прав обеспечивать потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ)

Являясь субъективным конституционным правом, право на возмещение государством вреда занимает определенное место в ряду других конституционных прав и свобод.

Указанный вопрос распадается на два направления:

- 1) место конституционного права на возмещение государством вреда в системе различных конституционных прав и свобод;
- 2) взаимодействие конституционного права на возмещение государством вреда с другими конституционными правами.

Что касается первого направления, то, для начала констатируем, что права и свободы человека и гражданина подразделяются на права, прямо сформулированные в Конституции Российской Федерации; и права, вытекающие из ее норм. Конституционное право на возмещение государством вреда прямо указано в тексте российской конституции, соответственно, оно относится к первой группе.

Все признаваемые и гарантируемые в Российской Федерации права подразделяются на права человека и права гражданина. Статья 53 Конституции Российской Федерации, закрепляющая конституционное право на возмещение государством вреда, использует применительно к данному праву категорию «каждый», то есть, правом на возмещение вреда могут воспользоваться как граждане Российской

Федерации, так и иностранцы, и лица без гражданства. Соответственно, рассматриваемое право следует отнести к правам человека.

Закрепленные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина могут быть подразделены на общие (присущие всем людям без исключения) и специальные. Конституционное право на возмещение государством вреда относится к общим правам.

Также рассматриваемое в диссертации право является индивидуальным, поскольку может реализовываться как одним индивидуумом, так и группой.

Наконец, еще одна классификация прав, напрямую вытекающая из содержания Конституции Российской Федерации, подразделяет их на абсолютные и относительные. Абсолютными в науке конституционного права именуется права, не подлежащие ограничениям ни при каких обстоятельствах. Конституционное право на возмещение государством вреда является абсолютным правом, что прямо вытекает из текста Конституции.

Одной из наиболее известных и востребованных классификаций прав и свобод человека и гражданина является классификация в зависимости от сфер их реализации. По данному критерию, права и свободы, как правило, подразделяются на пять групп: личные (гражданские), политические, экономические, социальные, и культурные права. В то же время ряд специалистов выделяет и еще одну группу прав - права по защите других прав и свобод. Представляется, что конституционное право на возмещение государством вреда, являясь по своей сути дополнением к праву на защиту прав и свобод, также должно быть отнесено к этой особой группе.

Конституционное право на возмещение государством вреда никак не вытекает из свободной воли как естественного состояния человека. Имея по своей природе гарантирующий характер, оно никак не свойственно индивиду имманентно, а определяется именно волей государства, только при наличии последней возможно создание механизмов, дающих возможность его реализации. Соответственно, оно относится к позитивным, а не к естественным правам.

К классификациям прав на естественные и позитивные примыкает и классификация прав и свобод человека и гражданина по поколениям. Конституционное

право на возмещение государством вреда следует рассматривать в качестве права первого поколения. Данный вывод определяется его гарантирующими свойствами, направленным на защиту личности от государства, то есть, обеспечивающим характером по отношению к личным (гражданским) правам.

По критерию способа осуществления прав со стороны правообладателя, конституционные права подразделяют на активные – требующие от него активных действий для их реализации, и пассивные – для осуществления которых предпринимать специальные действия необходимости нет. В рамках данной классификации конституционное право на возмещение государством вреда несомненно относится к первой группе, поскольку для получения возмещения лицу необходимо обратиться в установленный государственный орган.

Конституционные права и свободы можно также подразделить на две группы и по такому критерию как роль государства в их осуществлении. Как правило, данном случае говорят о самоисполняемых и несамоисполняемых конституционных правах. Вполне очевидно, что и в данном случае рассматриваемое право необходимо отнести ко второй группе.

Занимая свое место в системе конституционных прав и свобод, конституционное право на возмещение государством вреда нередко перекесается и иным образом взаимодействует с другими конституционными правами. Так, оно в принципе носит по отношению к другим, базовым правам, дополнительный, компенсационный и обеспечивающий характер и в этом плане взаимодействует со всеми без исключения иными конституционными правами.

Одновременно конституционное право на возмещение государством вреда носит частный характер по отношению к установленному ст. 45 Конституции правом на государственную защиту прав и свобод, поскольку выступает одним из средств таковой защиты. Наконец, конституционное право на возмещение государством вреда тесно взаимодействует и еще с одним конституционным правом – правом потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

В работе были проанализированы нормативные и фактические основания обязанности государства по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти и должностных лиц. Анализ норм действующего законодательства позволил выделить две группы нормативных блоков, образующих механизмы возмещения государством вреда: «регулярный» и «чрезвычайный».

Первый используется в «общем» порядке, т.е. в неопределенном перечне случаев причинения имущественного или неимущественного вреда. При этом размер причиненного вреда, основания его возмещения в каждом конкретном случае устанавливаются индивидуально. Возмещение такого вреда, в частности предусмотрено как нормами гражданского законодательства (деликтная ответственность), так и положениями уголовно-процессуального законодательства (реабилитация).

Характерными чертами «чрезвычайного» порядка возмещения вреда является, прежде всего, его каузальный характер: случаи, порядок возмещения, размер такого вреда определяются на основе специальных нормативно-правовых актов, которые принимаются «ad hoc», т.е. для конкретного случая. Вред в этом случае не определяется индивидуально, а презюмируется нормативно. В этой связи и возмещение такого вреда осуществляется путем использования компенсаций, которые имеют определенное сходство с мерами социальной поддержки. Порядок возмещения «чрезвычайного» вреда устанавливается специальным конституционным или административно-правовым законодательством.

В работе обосновано, что фактическим основанием возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и должностных лиц является конституционное правонарушение. В этой связи были рассмотрены признаки такого правонарушения, а также элементы его состава как основания возмещения вреда.

Родовым объектом данного конституционного правонарушения выступают, предусмотренные второй главой Основного закона права и свободы, а непосредственным - конкретное нарушенное право или права. Объективная сторона такого

конституционного правонарушения, т.е. конкретное деяние (действие или бездействие) органа власти или должностного лица не имеет решающего значения для квалификации и возложения на государство обязанности по возмещению вреда. Согласно конституционной формулировке статьи 53 важно лишь, чтобы такое деяние квалифицировалось как «незаконное». В работе обосновано, что качество «незаконности» деяний, составляющих объективную сторону данного правонарушения должно пониматься максимально широко, включая в себя неисполнение или «недолжное» исполнение конституционных обязанностей государства в лице уполномоченных им органов и должностных лиц, корреспондирующих правам человека и гражданина.

Сделан вывод, что ответственность государства за вред, причиненный только виновными действиями органов государственной власти и должностных лиц, не согласуется со смыслом конституционно-правовой нормы статьи 53 Конституции Российской Федерации. Субъект может нести ответственность только за собственную вину (хотя не исключается ответственность за действия третьих лиц). В данной ситуации субъект, на которого возлагается ответственность (государство) не совпадает с субъектом - причинителем вреда (конкретный государственный орган или должностное лицо). Поэтому вина последнего не может являться критериальным условием для возмещения вреда со стороны государства. Вина же государства как обобщенного публичного субъекта в данном случае конституируется невыполнением позитивного обязательства по обеспечению гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод.

Отдельно в работе были проанализированы «экстраординарные» или «чрезвычайные» механизмы возмещения государством вреда. Прежде всего к ним относятся институты реабилитации жертв политических репрессий, предусмотренные Законом РФ от 18.10.1991 N 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», а также Законом РСФСР от 26.04.1991 N 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов». Кроме того, подобные механизмы возмещения вреда предусмотрены Законом РСФСР от 15.05.1991 № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской

АЭС», а также Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Эти разнородные ситуации возмещения вреда, причиненного личности, очевидно, объединяет казуальный характер (возмещение вреда регламентируется специально принимаемыми законами), а также особый характер причиненного вреда, который характеризуется массовостью, реальной неисчислимостью и невозможностью возмещения причиненного ущерба.

В работе обосновано, что указанные способы возмещения вреда не являются «позитивной» ответственностью государства или разновидностью социальной помощи, а представляют собой институциональные механизмы реализации конституционного права, предусмотренного статьей 53 Основного закона. В этой связи обоснован вывод, что данные публично-правовые механизмы возмещения государством вреда должны дополняться возможностью обратиться в суд с требованием о возмещении вреда в общем порядке, т.е. путем подачи иска.

Кроме того, в работе исследовался вопрос о фактическом основании возмещения такого вреда. В частности, обосновано, что в данном случае государство несет ответственность за вред, причиненный действиями третьих лиц, либо наступивший в результате ситуаций чрезвычайного характера вследствие невыполнения позитивных обязательств по обеспечению прав личности. В таких случаях фактическим основанием такой ответственности выступает конституционно-правовой квазиделикт.

Квазиделиктная ответственность Российской Федерации не может носить абсолютный характер (наступать в каждом случае причинения вреда), поэтому юридическая формализация квазиделиктной ответственности государства осуществляется в форме признания и принятия на себя такой ответственности в каждом конкретном случае, то есть, формализации и юридизации позитивной ответственности государства.

В завершение нами были рассмотрены международно-правовые механизмы обеспечения конституционного права на возмещение государством вреда. Защита конституционного права на возмещение государством вреда путем обращения в международные организации может быть реализована гражданином Российской

Федерации только путем подачи индивидуального обращения по конкретным фактам причинения вреда. На международном уровне не существует каких-либо специальных механизмов компенсации вреда, таких как предусмотрены законодательством Российской Федерации в отношении жертв природных и техногенных катастроф, незаконно репрессированных и т.п.

В настоящее время достаточно много межгосударственных органов наделены правом рассматривать индивидуальные жалобы граждан в отношении нарушения их прав органами и должностными лицами государств. В структуре ООН - это так называемые «конвенциональные органы», созданные на основе международных соглашений в какой-либо сфере, а также Совет по правам человека ООН. Однако общей главной проблемой их функционирования является юридически необязательный для государств характер принимаемых ими решений, в силу чего обращение в них они на практике не может рассматриваться как реальный механизм реализации конституционного права на возмещение государством вреда.

Гораздо большие возможности по защите прав человека имеют региональные судебные органы, такие как Европейский Суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека, Африканский суд по правам человека и народов и т.д. Применительно к России в первую очередь следует вести речь об ЕСПЧ. В отличие от решений конвенциональных органов ООН, а также ряда других международных организаций по защите прав человека, решения ЕСПЧ являются в соответствии с законодательством Российской Федерации основаниями для пересмотра вступивших в законную силу актов российских судебных органов (ст. 392 ГПК, ст. 350 КАС РФ, ст. 311 АПК РФ). В силу этого, гражданин Российской Федерации, считающий, что его право, в том числе, и конституционное право на возмещение государством вреда нарушено, и, не нашедший поддержки в рамках отечественной судебной системы, имеет возможность обратиться с жалобой в ЕСПЧ. При положительном для него исходе дела в данной инстанции, у него появляется достаточно реальная возможность добиться пересмотра дела и в России.

Помимо собственно решений по индивидуальным жалобам, способствующим возмещению вреда, причиненного неправомерными действиями органов государственной власти и государственных должностных лиц по конкретным случаям, Европейский Суд имеет и другие возможности влияния на государства-члены Совета Европы. Так, наличие со стороны граждан ряда государств (в том числе, и России) значительного количества повторяющихся, однотипных жалоб на действия государства, по которым ЕСПЧ выносились решения в пользу заявителей повлекло за собой возникновение механизма «пилотных» постановлений, требующих от государств принятия серьезных мер законодательного характера. Еще одним способом воздействия на государства, регулярно допускающие однотипные нарушения прав человека, получившим распространение в практике ЕСПЧ в последние годы, стали постановления, в которых Суд выносил решения о присуждения возмещения, носящего карательный характер, или штрафных (карательных) убытков («punitive damages»). Предполагается, что присуждение таких убытков имеет целью не только компенсировать материальный или нематериальный ущерб, но и наказать нарушителя, тем самым предотвратить повторение противоправного действия как нарушителем, так и третьими лицами.

К сожалению, проблема неисполнения решений межгосударственных органов по защите прав человека касается и ЕСЧП. Сама себе формально определенная обязательность каких-либо решений в международном публичном праве, к сожалению, мало что значит, если она не может быть обеспечена возможностью применения за их неисполнение каких-либо санкций (политических, юридических, имущественных и иных), пусть даже и потенциально.

В новой редакции 2020 года Конституция РФ в 79 статье предусматривает, что если решение межгосударственного органа опирается на такое толкование международного договора, которое противоречит Основному закону, то оно не подлежит исполнению на территории Российской Федерации. Соответственно в статью 125 Конституции РФ было включено полномочие Конституционного Суда по разрешению вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров

Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации.

В работе отмечается, что существующая проблема, связанная с обязательностью для России решений ЕСПЧ, с одной стороны, и верховенством Конституции РФ – с другой может разрешаться только на основе компромисса. В этой связи, безусловно позитивной является норма, появившаяся в новом Законе О Конституционном Суде Российской Федерации. Так, статья 104.4 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривает помимо заключения о возможности или невозможности исполнения постановления межгосударственного органа принятие решения о частичном исполнении такого постановления в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Это позволит Конституционному Суду не блокировать решения ЕСПЧ, а избрать альтернативные, соответствующие Конституции РФ варианты их исполнения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные правовые акты

1.1. Международные правовые акты

1. Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — №12.
2. Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах» // Ведомость ВС СССР. — 1976. — №17 (1831). — Ст. 291.
3. Венская Конвенция о праве международных договоров [Текст]: (Заключена в Вене 23.05.1969) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLII. — М., 1988. — С. 171 — 197.
4. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29 ноября 1985 года Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права: Резолюция N 60/147 Генеральной Ассамблеи ООН (Принята в г. Нью – Йорке 16.12.2005 на 64 – ом пленарном заседании 60 – ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Текст] (Рим, 4 ноября 1950 г.) (ред. от 13.05.2004, с изм. от 02.10.2013) // СЗ РФ. — 1998. — №20. — Ст. 2143; № 44. — Ст. 5400; 2018. — № 37. — Ст. 5720.

7. Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (Страсбург, 24 ноября 1983 г.) // Сб. док. Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. - С. 81 – 85.

8. Устав Совета Европы (ETS N 001) (Принят в г. Лондоне 05.05.1949) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – №12. – Ст. 1390.

9. Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом: утв. 11.07.2002 на 804– м заседании Комитета Министров // Совет Европы и Россия. – 2003. – N 1. – С. 32 – 35.

10. По делу «Яновец и другие (Janowiec and Others) против Российской Федерации» [Текст]: Постановление Европейского суда по правам человека от 21.10.2013 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2014. – № 7.

11. По делу «Херст против Соединенного Королевства» (Hirst v. United Kingdom) (жалоба N 74025/01) [Текст]: Постановление Европейского суда по правам человека от 06.10.2005 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2006. – N 4.

12. По делу «Гринс и М.Т. (Greens and M.T.) против Соединенного Королевства» (жалобы N 60041/08 и 60054/08) [Текст]: Постановление Европейского суда по правам человека от 23.11.2010 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2016. – № 01.

13. «Дело «Дюльдин и Кислов (Dyuldin and Kislov) против РФ» (жалоба N 25968/02) По делу обжалуется нарушение права заявителей свободно выражать свое мнение. По делу допущено нарушение требований Статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [Текст]: Постановление ЕСПЧ от 31.07.2007 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2008. – № 11.

1.2. Нормативные правовые акты Российской Федерации

14. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

15. Федеральный конституционный закон от 08.06.2015 N 5-ФКЗ "О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ» // СЗ РФ. – 2015. – № 51 (часть I). – Ст. 7229.
16. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 15.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.07.2021) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. - Ст. 3823; – 2021. – № 30. – Ст. 5884.
17. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824; 2021. – № 27 (ч. 1). – Ст. 5133.
18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; – 2021. – № 29. – Ст. 5751.
19. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146; 2021. № 22. - Ст. 3690.
20. Федеральный закон от 24 декабря 2002 г. № 176– ФЗ «О федеральном бюджете на 2003 года» (ред. от 10 нояб. 2004 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5132.
21. Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. №186– ФЗ «О федеральном бюджете на 2004 год» (ред. от 10 нояб. 2004 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5038.
22. Федеральный закон от 02.08.2019 № 299-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. –2019. – № 31. – Ст. 4458.
23. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // СЗ РФ. 2015. N 29 (часть I). - Ст. 4344; 2021. N 27 (часть I). - Ст. 5171.

24. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 (ред. от 01.07.1993) «О реабилитации репрессированных народов» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 18. – Ст. 572.

25. Указ Президента РФ от 03 марта 1994 г. № 448 «О мерах по реабилитации балкарского народа и государственной поддержке его возрождения и развития» // САПП РФ. – 1994. – № 10. – Ст. 776.

26. Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» (ред. от 30 нояб. 2019 г.) // СЗ РФ. – 2004. – № 40. – Ст. 3961.

II. Научная и специальная литература

2.1. Монографии

27. Андреев Ю.Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты [Текст] / Ю.Н. Андреев – СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. – 374 с.

28. Архипов Д.А. Распределение договорных рисков в гражданском праве. Экономико– правовое исследование [Текст] / Д.А. Архипов – М.: Статут, 2012. – 112 с.

29. Бондарь Н.С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе [Текст] / Н. С. Бондарь. – Ростов н/Д : Изд. – во Рост. ун– та, 1996. – 239 с.

30. Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование [Текст] / В. А. Виноградов. – М., 2000. – 288 с.

31. Виноградов В.А. Ответственность в механизме охраны конституционного строя. Монография [Текст] / Виноградов В.А. – М.: Институт права и публичной политики, 2005. – 420 с.

32. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности: монография [Текст] / Н.В. Витрук. – М.: Норма, 2008. – 448 с.

33. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография [Текст] / Н.В. Витрук. – 2 – е изд., испр. и доп. – М.: НОРМА, 2009. – 259 с.
34. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан [Текст] / Л.Д. Воеводин. – М., 1972. – 300 с.
35. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: учебное пособие [Текст] / Л.Д. Воеводин, отв. ред.: Н.А. Богданова – М.: Изд – во Моск. Ун – та, Норма, Инфра – М, 1997. – 304 с.
36. Гаджиева А.А. Проблемы возмещения вреда жертвам террористических и экстремистских преступлений [Текст] / А. А. Гаджиева // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: материалы научно-практической конференции. – М.: Российская криминологическая ассоциация; – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – 350 с.
37. Глыбина А.Н., Якимович, Ю.К. Реабилитация и возмещение ущерба в порядке реабилитации в уголовном судопроизводстве России [Текст] / А.Н. Глыбина, Ю.К. Якимович. – Томск, 2006. – 146 с.
38. Гражданско – правовой механизм возмещения вреда, причиненного актом терроризма: монография [Текст] / Л.Т. Кокоева, В.А. Рыбаков, В.Н. Соловьев и др. – М.: Юрист, 2009. – 179 с.
39. Гулиев В.Е., Рудинский Ф.М. Демократия и достоинство личности [Текст] / Гулиев В.Е., Рудинский Ф.М.; Отв. ред.: Топорнин Б.Н. – М.: Наука, 1983. – 168 с.
40. Завидов Б.Д. Возмещение вреда. Общие и частные положения в гражданском и уголовном праве [Текст] / Завидов Б.Д. – М.: Экзамен, 2001. – 32 с.
41. Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву [Текст] / Зражевская Т.Д.; Науч. ред.: Основин В.С. – Воронеж: Изд – во Воронеж. Ун – та, 1980. – 159 с.

42. Иоффе О.С. Избранные труды. В 4 т. Т. 1. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по гражданскому праву [Текст]/ О.С. Иоффе. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 574 с.
43. Колосова Н. М. Конституционная ответственность в РФ: ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства РФ [Текст] / Н.М. Колосова – М.: Городец, 2000. – 192 с.
44. Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система [Текст] / С.А. Комаров, И.В. Ростовщиков; Юрид. Ин – т (Санкт-Петербург). – Санкт– Петербург: Изд – во Юрид.. ин- та, 2002. – 334 с.
45. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права [Текст] / О. Е. Кутафин. — М., 2001. – 444 с.
46. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России [Текст] / Л.В. Лазарев. – М.: Городец, Формула права, 2003. – 528 с.
47. Лучин В. О. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации [Текст] / В. О. Лучин. – М.: Юнити - Дана, 2002. – 687 с.
48. Малько А.В. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения [Текст] / А.В. Малько, В.В. Субочев, А.М. Ширяев. М.: Норма: Инфра – М, 2010. – 192 с.
49. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права: монография [Текст] / Матузов Н.И. – Саратов: Изд - во Саратов. гос. акад. права, 2003. – 512 с.
50. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия [Текст] / Н.И. Матузов – Саратов: Изд-во Саратов. ун - та, 1972. – 292 с.
51. Нешатаева Т.Н. Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику: монография [Текст] / Т.Н. Нешатаева. М.: Норма, ИНФРА – М, 2013. – 304 с.
52. Общая теория прав человека [Текст] / Карташкин И.А., Колесова Н.С., Ларин А.М., Ледях И.А., и др.; Отв. ред.: Лукашева Е.А. – М.: Норма, 1996. – 520 с.

53. Обязательства вследствие причинения вреда: Постатейный комментарий главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации [Текст] / С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало, Т.И. Зайцева и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2009. – 255 с.
54. Юридическая ответственность и государственное принуждение (общетеоретическое и конституционно - правовое исследование) [Текст] / Овсепян Ж.И. – Ростов – на - Дону: Эверест, 2005. – 276 с.
55. Орлова А.А. Концепция реабилитации в российском уголовном процессе: монография [Текст] / Орлова А.А. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 186 с.
56. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография [Текст] / И.Л. Петрухин. – М.: Проспект, 2009. – 192 с.
57. Рипинский С.Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям [Текст] / Рипинский С.Ю.; под ред.: Лебедев К.К. – С. - Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 229 с.
58. Смбатян А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права [Текст] / А.С. Смбатян. – М.: Статут, 2012. – 270 с.
59. Старовойтова О.Э. Тело и закон: монография [Текст] / О.Э. Старовойтова / Санкт - Петербургск. гос. Ун - т аэрокосмического приборостроения, Ассоциация философии права Санкт - Петербурга. – СПб., 2006. – 144 с.
60. Строгович М.С. Социалистическое право и права личности // Проблемы советского социалистического государства и права в современный период. Некоторые теоретические вопросы [Текст] / Карева М.П., Лукашева Е.А., Павлов И.В., Пионтковский А.А., и др.; Под ред.: Чхиквадзе В.М. – М.: Наука, 1969. – 312 с.
61. Фарбер Е.И. Свободы и права человека в Советском Союзе [Текст] / Е.И. Фарбер. – Саратов: СГУ, 1974. – 187 с.
62. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции [Текст] / Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. – М.: Норма, 2005. – 320 с.

63. Юридическая ответственность органов и должностных лиц публичной власти [Текст]: монография / под ред. И. А. Алексеева, М. И. Цапко. – Москва: Проспект, 2017. – 127 с.

64. Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики) [Текст] / В.Ф. Яковлев; Акад. соц. наук. Фонд содействия развитию соц. и полит. наук. – М., 2000. – 221 с.

2.2. Учебная и справочная литература

65. Абдулаев М.И. Теория государства и права: учебник [Текст] / М. И. Абдулаев. – СПб.: Питер, 2003. – 397 с.

66. Абдулаев М.И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений [Текст] / М. И. Абдулаев. – М.: Магистр– Пресс, 2004. – 410 с.

67. Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2-х т. учеб. пособие для вузов; рекомендовано методсоветом по направлению [Текст] / С. А. Авакьян. – 3-е изд., стер. – М.: Юристъ, 2010 – Т. 1. – 719 с.

68. Авакьян С.А. Конституционное право России Т.1. [Текст] / С. А. Авакьян. – 5-е изд., перераб., и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 799 с.

69. Алексеев С.С. Общая теория права [Текст] / С.С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 565 с.

70. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. II [Текст] / С.С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1982. – 359 с.

71. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов [Текст] / М.В. Баглай. – М., 1998. – 739 с.

72. Баглай М.В. Конституционное право РФ: учеб. для вузов [Текст] / М.В. Баглай. 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 784 с.

73. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов [Текст] / М.В. Баглай. – 3-е изд., изм. и доп. – М., 2002 – 784 с.

74. Максименко С.Т. Римское частное право: учебное пособие для вузов [Текст] / С.Т. Максименко, М.Н. Баринаова – Москва: Юстицинформ, 2006. – 122 с.

75. Безлепкии Б.Т. Комментарий к Уголовно – процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / Б.Т. Безлепкии. 14 – е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 608 с.
76. Брагинский М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Общие положения [Текст] / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 3 – е изд., стереотипное. – М.: Статут, 2001. Кн. 1. – 848 с.
77. Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. Ч. 1 [Текст] / С. И. Вильнянский. отв. ред.: А.И. Рогожин. – Харьков: Изд – во Харьк. Ун– та, 1958. – 339 с.
78. Гатин А.М. Гражданское право: учебное пособие [Текст] / А.М. Гатин. – М.: Дашков и К, 2007. – 384 с.
79. Головистикова А.Н., Дмитриев, Ю.А. Теория государства и права: учебник [Текст] / А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев. – М.: Эксмо, 2005. – 649 с.
80. Гражданское право: учебник: в 3 т. [Текст] / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. 6 – е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби; Проспект, 2004. Т. 1. – 776 с.
81. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3 [Текст] / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М., 1998. – 1744 с.
82. Дмитриева О. В. Ответственность без вины в гражданском праве. Учебное пособие [Текст] / Дмитриева О.В. – Воронеж: Изд. – во Воронеж. ВШ МВД РФ, 1997. – 136 с.
83. Добрынин Н.М. Конституционное (государственное) право Российской Федерации. Современная версия новейшей истории государства: учебник [Текст] / Н.М. Добрынин. В 2 т. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2015. – 966 с.
84. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов [Текст] / Дождев Д.В.; Под ред.: Нерсесянц В.С. – М.: Норма, Инфра – М, 1996. – 704 с.
85. Заболотских Е.М. Ответственность должностных лиц и органов местного самоуправления: научно– практическое пособие [Текст] / Е.М. Заболотских. – Москва: Проспект, 2011. – 232 с.

86. Иванов Г.И. Права человека: учебное пособие [Текст] / Иванов Г.И.; Под ред.: Чудаков М.Ф. – М.: Изд-во деловой и учебной литературы, 2004. – 352 с.
87. Институты Юстиниана [Текст] / Пер. с лат. Д. Расснера; под ред. Л.Л. Кофанова, В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 1998. – 400 с.
88. Карташкин В. А. Международные механизмы защиты прав человека: как подать жалобу в междунар. Органы [Текст] / В. А. Карташкин. – М.: Норма, 2003. – 110 с.
89. Козлова Е.И. Конституционные права и свободы человека и гражданина // Государственное право РФ: учебник [Текст] / под ред. О.Е. Кутафина. – М., 1996. – 584 с.
90. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник [Текст] / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2008. – 608 с.
91. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник [Текст] / С.А. Комаров – 7-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 510 с.
92. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий [Текст] / Сост.: Талалаев А.Н. (Коммент.); отв. ред.: Захарова Н.В. (Предисл.) – М.: Юрид. лит., 1997. – 336 с.
93. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) [Текст] / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2 – е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра – М, 2011. – 1039 с.
94. Кондрашев А. А. Конституционно – правовая ответственность в российском конституционном праве: учеб. Пособие [Текст] / А. А. Кондрашев; М-во образования и науки Российской Федерации, Сибирский федеральный университет, Юридический институт. – Красноярск : СФУ, 2011. – 466 с.
95. Конституционный строй России [Текст] / Отв. ред. Ю. Л. Шульженко. – М.: Институт государства и права РАН, 2006. – 262 с.

96. Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России (постатейный) [Текст] / Л.В. Лазарев, Т.Г. Морщакова, Б.А. Страшун и др. – М.: Институт права и публичной политики, 2005. – 670 с.
97. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) [Текст] / М.П. Авдеенкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2 – е изд., изм. и доп. – М.: Статут, 2013. – 688 с.
98. Конституция Российской Федерации. Постатейный научно - практический комментарий коллектива ученых – правоведов [Текст] / под рук. ректора МГЮА, акад. РАН О.Е. Кутафина. – М., 2003. – 336 с.
99. Маклаков В.В. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть [Текст] / В.В. Маклаков – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 867 с.
100. Маковский А.Л. Гражданская ответственность государства за акты власти // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика [Текст] / отв. ред. А.Л. Маковский. – М., 1998.
101. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебное пособие [Текст] / Бережнов А.Г., Глебов А.П., Кененов А.А., Комаров С.А., и др.; под ред.: Марченко М.Н. – М.: Юристъ, 2001. – 656 с.
102. Мелехин А.В. Теория государства и права: учеб. [Текст] / А. В. Мелехин. – М.: Маркет ДС, 2007. – 640 с.
103. Михайленко О.В. Имущественная ответственность за вред, причиненный осуществлением публичной власти: теоретические аспекты и проблемы ее реализации на практике [Текст] / Михайленко О.В. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 352 с.
104. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для вузов [Текст] / А.А. Мишин – 17 - е изд., испр. и доп. – М. : Статут, 2013 . – 521 с.
105. Общая теория права и государства: Учебник [Текст] / Под ред. В.В. Лазарева. – 2 - е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1996. – 472 с.

106. Полякова М.Ф. Возмещение имущественного ущерба в случаях реабилитации – одна из гарантий прав личности в советском уголовном процессе: учебное пособие [Текст] / М. Ф. Полякова. – М. :, 1986. – 36 с.
107. Пяткина С. Вступление к гл. 2 Комментарий к Конституции РФ [Текст] / отв. ред. Л.А. Окуньков. – Изд. 2 - е доп. и перераб. – М.: Бек, 1996. – 635 с.
108. Разрешительная система в Российской Федерации: научно– практическое пособие [Текст] / Л.Ю. Акимов, Л.В. Андриченко, Е.А. Артемьева и др.; отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, ИНФРА – М, 2015. – 928 с.
109. Спиридонов Л.И. Теория государства и права: учебник [Текст] / Спиридонов Л.И. – М.: Проспект, 1996. – 304 с.
110. Теория государства и права. Курс лекций [Текст] / Байтин М.И., Григорьев Ф.А., Демидов А.И., Зайцев И.М., и др.; Под ред.: Малько А.В., Матузов Н.И. – М.: Юристъ, 1997. –672 с.
111. Теория государства и права: учебник для юридических вузов [Текст] / А.И. Абрамова, С.А. Боголюбов, А.В. Мицкевич и др.; под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Городец, 2003. – 544 с.
112. Цечоев В.К., Швандерова ,А.Р. Теория государства и права: учебник [Текст] / В.К. Цечоев, А.Р. Швандерова. – М.: Прометей, 2017. – 330 с.
113. Червонюк В.И. Конституционное право России: учеб. Пособие [Текст] / В.И. Червонюк. – М.: Термика, Инфра - М, 2004. – 432 с.
114. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4 – е изд., изм. и доп. – М.: Статут, 2017. – 624 с.
115. Шугрина Е. С., Нарутто С. В., Заболотских Е. М. Ответственность органов публичной власти: правовое регулирование и правоприменительная практика: учебник для магистров [Текст] / Е. С. Шугрина, С. В. Нарутто, Е. М. Заболотских. — М. : Издательство Юрайт, 2015. – 347 с.

2.3. Статьи в научных журналах и иных изданиях

116. Henry J. Steiner. Individual claims in a world of massive violations: What role for the Human Rights Committee? // P. Alston, J. Crawford (ed.), *The Future of UN Human Rights Treaty Monitoring*. 2000. P. 41.

117. Henry J. Steiner, Philip Alston. *International human rights in context. Law, politics, morals*. 2000. P. 740.

118. Morijn John. *Reforming United Nations Human Rights Treaty Monitoring Reform* // *Netherlands International Law Review*. LVIII: 295 – 333. 2011. P. 312.

119. Арановский К.В., Князев, С.Д., Хохлов, Е.Б. О правах человека и социальных правах [Текст] / К.В. Арановский, С.Д. Князев, Е.Б. Хохлов // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2012. – № 4. – С. 61 - 91.

120. Авакьян С. А. Государственно– правовая ответственность [Текст] / С. А. Авакьян // *Советское государство и право*. – 1975. – № 10. – С. 16 - 24.

121. Авдеенкова М., Дмитриев, Ю. Конституционно – правовая ответственность в РФ [Текст] / М. Авдеенкова, Ю. Дмитриев // *Право и жизнь*. – 2002. – № 45(2). – С. 5 – 57.

122. Аверина О., Захаров В. Право на реабилитацию есть, а вот закон не позволяет (Интервью с Н.А. Колоколовым) [Текст] / О. Аверина, В. Захаров // *ЭЖ– Юрист*. – 2010. – № 11. – С. 1 – 5.

123. Агапов, А.Б. Корреляция публичных и цивилистических форм вины [Текст] / А.Б. Агапов // *Административное и муниципальное право*. – 2016. – № 9. – С. 791 – 798.

124. Алафаев А.А., Сабанчиев Х.–М.А. Реабилитация балкарского народа: проблемы и решения [Текст] / А.А. Алафаев, Х.–М.А. Сабанчиев // *Отечественная история*. – 2008. – № 1. – С. 79– 90.

125. Алексеев С.С. О составе гражданского правонарушения [Текст] / С.С. Алексеев // *Правоведение*. – 1958. – № 1. – С. 49 – 50.

126. Алексеева И.С., Валяровский Ф.И. Теоретические аспекты реализации прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в Российской Федерации [Текст] / И.С. Алексеева, Ф.И. Валяровский // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2017. – № 1. – С. 8 - 11.

127. Амирова М.А. Проблема применения в российской правовой системе актов, принимаемых комитетами по правам человека [Текст] / М.А. Амирова // Международное публичное и частное право. – 2005. – № 4. – С. 18 - 23.

128. Амрахов Н.И. Конституционные права и свободы человека и гражданина: пробелы понятийного аппарата и законодательного регулирования [Текст] / Н.И. Амрахов // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 11. – С. 67 – 69.

129. Андреева И.А. Возмещение государством вреда, причиненного в результате террористического акта, как публично– правовой субинститут [Текст] / И.А. Андреева // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 14. – С. 10 – 14.

130. Астахов П. Неподсудно, или правительство как ненадлежащий ответчик в ситуации с судебными исками жертв теракта на Дубровке [Текст] / П. Астахов // Бизнес – адвокат. – 2003. – № 2.

131. Афанасьев С.Ф., Макарова, Н.А. Юридическая природа компенсации, присуждаемой за нарушение права на судопроизводство или исполнение судебного акта в разумный срок, и ее связь с цивилистическим процессом (в свете КАС России) [Текст] / С.Ф. Афанасьев, Н.А. Макарова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 5. – С. 10 – 16.

132. Ахмедшина А.Н. Право на материнский (семейный) капитал в системе мер социального обеспечения [Текст] / А.Н. Ахмедшина // Журнал российского права. – 2009. – № 1 (145). – С. 99 – 107.

133. Бахин С.В. О классификации прав человека, провозглашенных в международных соглашениях [Текст] / С.В. Бахин // Правоведение. – 1991. – № 2. – С. 43 – 48.

134. Безлепкии Б.Т. Отраслевая принадлежность института возмещения ущерба реабилитированному [Текст] / Б.Т. Безлепкии // Советское государство и право. – 1989. – № 1. – С. 65 – 73.
135. Бланкенагель А., Левин И.Г. В принципе нельзя, но можно!.. Конституционный Суд России и дело об обязательности решений Европейского суда по правам человека [Текст] / А. Бланкенагель, И.Г. Левин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 5. – С. 152 – 162.
136. Богданов В.П., Богданова И.С. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов и судов: некоторые вопросы теории и практики [Текст] / В.П. Богданов, И.С. Богданова // Адвокат. – 2013. – № 1. – С. 24 – 36.
137. Бойцова В.В., Бойцова Л.В. Ответственность государства за действия должностных лиц: Публично– правовая или частнопредварительная? [Текст] // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1993. – № 3. – С. 72 – 79.
138. Бондарь Н.С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России [Текст] / Н.С. Бондарь // Журнал российского права. – 2011. – № 10. – С. 35 – 46.
139. Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав [Текст] / С.Н. Братусь // Советское государство и право. – 1949. – № 8. – С. 33–35.
140. Бюргорг – Ларсен Л. Позитивные обязательства в практике органов Межамериканской системы защиты прав человека [Текст] / Л. Бюргорг–Ларсен // Международное правосудие. – 2014. – № 2. – С. 106 – 121.
141. Валетова В.М. Возмещение вреда государством как конституционно– правовой институт [Текст] / В.М. Валетова // Учёные записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 239 – 244.
142. Варламова Н. Классификация прав человека: подходы к проблеме [Текст] / Н. Варламова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 4. – С. 155 – 156.

143. Велиева Д. С. Конституционная правосубъектность народов Российской Федерации в контексте демократического государства [Текст] / Д. С. Велиева // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 6. – С. 17- 20.
144. Велиева Д.С. Конституционно– правовая ответственность российского государства в сфере обеспечения экологической безопасности [Текст] / Д.С. Велиева // Власть. – 2013. – № 5. – С. 160 – 162.
145. Велиева Д.С. Понятие конституционных экологических прав и их значение в системе действующего правового регулирования [Текст] / Д.С. Велиева // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 3. – С. 75 – 80.
146. Велиева Д.С., Пресняков М.В. Определенность содержания основополагающих прав и свобод с позиции общепризнанных принципов и норм международного права и Конституции РФ [Текст] / Д.С. Велиева, М.В. Пресняков // Современное право. – 2019. – № 6. – С. 11 – 17.
147. Велиева Д.С., Пресняков М.В. Исполнение решений ЕСПЧ: национальные демократические процедуры vs правовая определенность [Текст] // Вестник Поволжского института управления. 2020. № 6. С. 10-27.
148. Велиева Д.С., Пресняков М.В. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 года: «кто будет сторожить сторожей» [Текст] // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 1. – С. 12-22.
149. Грачев Н.А. О видах и месте конституционных экономических прав и свобод человека и гражданина в системе прав и свобод [Текст] / Н.А. Грачев // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 8. – С. 13 – 17.
150. Гремза Н.Ю. Процедура подачи и рассмотрения индивидуальных сообщений в договорных органах по правам человека [Текст] / Н.Ю. Гремза // Юрист – международник. – 2004. – № 2. – С. 47 – 57.
151. Губаева А.К. Возмещение государством вреда, причиненного незаконными актами власти, и векторы контентного развития деликтного права [Текст] / А.К. Губаева // Закон. – 2017. – N 10. – С. 73 – 82.

152. Гуляев А.П. Возмещение вреда: межотраслевой аспект и актуальные проблемы [Текст] / А.П. Гуляев // Российская юстиция. – 2012. – N 5. – С. 46 – 48.
153. Гуляков А.Д., Яшина А.А. Конституционно – правовые основы реабилитации человека и гражданина [Текст] / А.Д. Гуляков, А.А. Яшина // Российская юстиция. – 2013. – N 8. – С. 30 – 32.
154. Добробаба М.Б. Концептуальные основы служебно – деликтного права [Текст] / М.Б. Добробаба // Lexrussica. – 2014. – № 2. – С. 199 – 210.
155. Духно Н.А., Ивакин, В.И. Понятие и виды юридической ответственности [Текст] / Н.А. Духно В.И. Ивакин // Государство и право. – 2000. – № 6. – С. 12 – 17.
156. Евстигнеев Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения [Текст] / Э.А. Евстигнеев // Вестник гражданского права. – 2017. – № 4. – С. 45 – 83.
157. Жилин Г.А. Право на судебную защиту в конституционном измерении [Текст] / Г.А. Жилин // Журнал конституционного правосудия. – 2015. – № 2. – С. 1 – 9.
158. Жукова Н.В. О понятии механизма обеспечения реализации права граждан на благоприятную окружающую среду и недостатках его действия в России [Текст] // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 11. – С. 172 - 179.
159. Зражевская Т. Д. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих [Текст] / Т. Д. Зражевская // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 20 – 36.
160. Иванов Д.В., Ганиева Р.Б. Обзор практики Международного Суда ООН по вопросу о возмещении ущерба, причиненного вследствие международно – противоправного деяния: дело А.С. Диалло [Текст] / Д.В. Иванов, Р.Б. Ганиева // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 6 (73). – С. 84– 90.

161. Исполинов А. Исполнение решений международных судов: теория и практика [Текст] / А. Исполинов // Международное правосудие. – 2017. – № 1. – С. 45 – 68.
162. Кебурия К.О. Возмещение ущерба за нарушения прав человека в практике Международного суда ООН [Текст] / К.О. Кебурия // Гуманитарные, социально – экономические и общественные науки. – 2015. – № 10. – С. 195 – 197.
163. Князькин А.Д. Особенности компенсации морального вреда, причиненного экологическими правонарушениями [Текст] / А.Д. Князькин // Экологическое право. – 2013. – № 4. – С. 12 – 17.
164. Кокотова М.А. Участие Конституционного Суда РФ в исполнении решений Европейского суда по правам человека: последние законодательные изменения [Текст] / М.А. Кокотова // Российская юстиция. – 2016. – № 11. – С. 64 – 67.
165. Колосов Ю.М. Международные стандарты в области прав человека и проблемы советского законодательства [Текст] / Ю.М. Колосов // Советский журнал международного права. – 1991. – № 2. – С. 76 - 77.
166. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско – правовом измерении: к постановке проблемы [Текст] / В.И. Крусс // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43 – 50.
167. Кузнецов Д.А. Исполнение решений Европейского суда по правам человека: правовые основы и некоторые тенденции [Текст] / Д.А. Кузнецов // Судья. – 2017. – № 12. – С. 59 – 64.
168. Липинский Д.А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции [Текст] / Д.А. Липинский // Журнал российского права. – 2014. – № 6. – С. 37 – 51.
169. Липинский Д.А., Великосельская, И.Е. К вопросу о составе конституционных правонарушений [Текст] / Д.А. Липинский, И.Е. Великосельская // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – N 9. – С. 7 – 9.

170. Луковская Д.И. Классификация прав и свобод человека и гражданина [Текст] / Д.И. Луковская // История государства и права. – 2007. – № 15. – С. 2 – 4.
171. Лучин В.О. Конституционные деликты [Текст] / В.О. Лучин // Государство и право. – 2000. – N 1. – С. 12 – 17.
172. Макарова О.В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе [Текст] / О.В. Макарова // Журнал российского права. – 2014. – № 5. – С. 30 – 36.
173. Малеин Н.С. Современные проблемы юридической ответственности [Текст] / Н.С. Малеин // Государство и право. – 1994. – N 6. – С. 23 – 32.
174. Маскаева И. И. Проблемы возмещения вреда, причиненного действиями (бездействием) или решениями государственных органов и их должностных лиц в рамках административного процесса [Текст] / И.И. Маскаева // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2016. – №4. – С. 123–147.
175. Матузов Н.И. Теория и практика прав человека в России [Текст] / Н.И. Матузов // Известия ВУЗов. Правоведение. – 1998. – №. 4. – С. 22 – 35.
176. Мельничук Г.В. Реабилитация как межотраслевой институт российского права [Текст] / Г.В. Мельничук // Административное право и процесс. – 2017. – N 1. – С. 11 – 18.
177. Мисник Г.А. Принципы гражданско – правовой ответственности за причинение экологического вреда [Текст] / Г.А. Мисник // Экологическое право. – 2008. – № 2. – С. 14 – 20.
178. Милушева Т. В. Ответственность субъектов законотворческой деятельности: дискуссионные вопросы [Текст] / Т. В. Милушева // Юридическая техника. — 2015. — № 9. — С. 474–477.
179. Милушева Т.В., Цыбулевская О.И. Публичная власть: взаимодействие юридической и нравственной ответственности [Текст] / Т. В. Милушева, О.И. Цыбулевская // Публичная власть: проблемы реализации и ответственности. – Саратов: ГОУ ВПО "Саратов. гос. академия права", 2011. – С. 123– 138.

180. Милушева Т.В., Филатова А.В. Концепция ответственности публичной власти в России [Текст] / Т. В. Милушева, А.В. Филатова // Современное право. – 2008. – № 11. – С. 44–48.
181. Михайленко О.В. О юридической природе отношений по возмещению вреда реабилитированному [Текст] / О.В. Михайленко // Юрист. – 2006. – № 11. С. 4 – 9.
182. Мусаев М.А. Об условиях и порядке возмещения вреда жертвам преступлений за счет государства [Текст] / М.А. Мусаев // Современное право. – 2012. – № 1. – С. 103 – 108.
183. Назарова И.С. Экологические права личности: конституционно–правовое преломление [Текст] / И.С. Назарова // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 9. – С. 10 – 13.
184. Нарышева Н.Г. Тенденции дифференциации правового регулирования возмещения вреда, причиненного окружающей среде [Текст] / Н.Г. Нарышева // Экологическое право. – 2005. – № 1. – С. 71 – 77.
185. Нарутто С.В. Проблемы юридической ответственности субъекта Федерации [Текст] / С.В Нарутто // Правоведение. - С.-Пб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, – 1998. – № 4. – С. 48-52.
186. Невинский В.В. Естественные права человека на весах современного конституционализма [Текст] / В.В. Невинский // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 8. – С. 28 – 33.
187. Николаев А.М., Давтян М.К. Исполнение решений Европейского Суда по правам человека и Межамериканского Суда по правам человека: сравнительный анализ [Текст] / А.М. Николаев, М.К. Давтян // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 4. – С. 40 – 46.
188. Орлова М.В. Спорные вопросы реабилитации невиновных по уголовным делам [Текст] / М.В. Орлова // Российский следователь. – 2005. – N 2. – С. 6 – 8.

189. Петров А.Г. Правовые вопросы реабилитации репрессированных народов: законодательство и практика [Текст] / А.Г. Петров // История государства и права. – 2007. – N 2. – С. 27 – 30.
190. Плотникова И.Н. Система экономических прав и свобод человека и гражданина: проблемы классификации и содержания // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – N 4. – С. 41.
191. Подопригора А.А., Чупилкин Ю.Б. Актуальные вопросы института реабилитации в российском уголовном процессе [Текст] / А.А. Подопригора, Ю.Б. Чупилкин // Российская юстиция. – 2015. – N 7. – С. 46 – 50.
192. Преснякова А.В. Право на неприкосновенность частной жизни в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина [Текст] / А.В. Преснякова // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 8. – С. 18 – 19.
193. Раймонди Г. Обязательный характер судебных решений [Текст] / Г. Раймонди // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2017. – № 8. – С. 3– 6.
194. Рудакова Е.В. Правопреемство конституционного (государственного) строя России [Текст] / Е.В. Рудакова // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 2. – С. 20 – 29.
195. Рухтин С. Ответственность государства перед жертвами терроризма в свете решений Европейского суда по правам человека [Текст] / С. Рухтин // Российская юстиция. – 2004. – № 6. – С. 50 – 52.
196. Сидоренко М.А. О присуждении справедливой компенсации (из практики Европейского Суда по правам человека) [Текст] / М.А. Сидоренко // Власть закона. – 2018 – № 2. – С. 210 – 225.
197. Скловский К., Смирнова М. О возмещении вреда, причиненного в результате террористической акции [Текст] / К. Скловский, М. Смирнова // Хозяйство и право. – 2003. – N 6. – С. 90 – 99.
198. Солнцев А.М., Конева А.Е. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах [Текст] /

А.М. Солнцев, А.Е. Конева // Международное правосудие. – 2013. – № 4. – С. 82 – 83.

199. Соловьев А.А. К вопросу о разграничении экономических и социальных прав граждан как самостоятельных групп конституционных прав и их защита средствами прокурорского надзора [Текст] / А.А. Соловьев // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 1. – С. 38 – 42.

200. Соловьев А.А. Экономические права граждан Российской Федерации: понятие и виды [Текст] / А.А. Соловьев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 12. – С. 3 – 5.

201. Стецовский Ю.И. Механизм защиты прав человека, предусмотренный документами ООН, и адвокатура [Текст] / Ю.И. Стецовский // Адвокат. – 2006. – № 1. – С. 23 – 25.

202. Стребкова Е.В. Право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека: проблемы реализации [Текст] / Е.В. Стребкова // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 2. – С. 119 – 124.

203. Талевлин А.А. Юридическая ответственность за ядерный ущерб [Текст] / А.А. Талевлин // Журнал российского права. – 2002. – N 6. – С. 64 – 66.

204. Тарабан Н.А. Конституционно– правовая ответственность в избирательном праве: историко – правовой аспект [Текст] / Н.А. Тарабан // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 7. – С. 54 – 58.

205. Ткач И.В. К вопросу о возмещении государством Украина вреда, причиненного законами, признанными неконституционными [Текст] / И.В. Ткач // Право и государство: теория и практика. – 2013. – № 8 (104). – С. 128 – 132.

206. Трофимова Г.А. Социальные права: критерии определения нуждающихся в помощи [Текст] / Г.А. Трофимова // Социальное и пенсионное право. – 2016. – № 3. – С. 6 – 11.

207. Узун – Маринкович А., Гргич А. Ответственность государства за действия, совершенные представителями власти вне исполнения служебных обязанностей [Текст] / А. Узун – Маринкович, А. Гргич // Международное правосудие. – 2016. – N 4. – С. 77 – 83.

208. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Регулирующая роль принципа ответственности публичной власти в механизме противодействия коррупции [Текст] / О.И. Цыбулевская, Т.В. Милушева // Противодействие коррупции: государственная политика и гражданское общество. Сборник научных статей. – 2015. – 228 с.

209. Чаннов С.Е. Право на эффективное средство правовой защиты в позициях Европейского суда по правам человека [Текст] / С.Е. Чаннов // Гражданин и право. – 2011. – № 11. – С. 3 – 14.

210. Черепанова О.С. К вопросу об основаниях возмещения государством вреда, причиненного личности [Текст] / О.С. Черепанова // Алтайский юридический вестник. – 2013. – № 4. (4) – С. 133 – 136.

211. Чорновол Е.П. Гражданско– правовой институт предупреждения причинения, возмещения и компенсации вреда: понятие и система [Текст] / Е.П. Чорновол // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – N 4. – С. 146 – 153.

212. Чорновол Е.П. Юридикно – фактические основания возникновения обязательств по возмещению имущественного и компенсации морального вреда, причиненного незаконными актами публичной власти [Текст] / Е.П. Чорновол // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – N 8. – С. 53 – 59.

213. Чорновол Е.П., Чорновол О.Е. Регулирование возмещения и компенсации вреда, причиненного незаконными актами публичной власти: проблемы и направления совершенствования [Текст] / Е.П. Чорновол, О.Е. Чорновол // Научный вестник Уральской академии государственной службы. – Екатеринбург: ФГОУ ВПО Урал. акад. гос. Службы. – 2010. – № 2 (11). – С. 102– 112.

214. Шустров Д.Г. Иерархия конституционных ценностей [Текст] / Д.Г. Шустров // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 6. – С. 6 – 15.

215. Южанин Н.В. Реализация субъективного права на защиту посредством односторонних правоохранительных мер [Текст] / Н.В. Южанин // Юрист. – 2013. – № 15. – С. 42 – 47.

216. Ярошенко Н.И. Основания конституционно– правовой ответственности в сфере нормоконтроля [Текст] / Н.И. Ярошенко // Журнал российского права. – 2014. – № 1. – С. 101 – 112.

217. Яшина А.А. Реабилитация в уголовном процессе [Текст] / А.А. Яшина // Российская юстиция. – 2017. – N 3. – С. 38 – 41.

2.4. Диссертации и авторефераты диссертаций

218. Авдеенкова М.П. Конституционно - правовая ответственность в России: проблемы становления и реализации [Текст]: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.02 / М. П. Авдеенкова. – М., 2003. – 200 с.

219. Андреева И.А. Возмещение вреда государством как конституционно-правовой институт [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. / И.А. Андреева. Москва, 2010. – 27 с.

220. Бароцкая К.Б. Конституционное право на социальное обеспечение в системе прав человека и гражданина [Текст]: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.02 / К.Б. Бароцкая. – Челябинск, 2007. – 187 с.

221. Кебурия К.О. Право на возмещение ущерба по международному праву за нарушения государством прав человека [Текст]: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.10 / К. О. Кебурия. – М., 2018. – 29 с.

222. Колобова С.В. Защита конституционных прав граждан Российской Федерации в сфере труда [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.02 / С. В. Колобова. – Саратов, 2001. – 28 с.

223. Лучин В.О. Теоретические проблемы реализации конституционных норм [Текст]: дис. ... д– ра юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата: 12.00.02 / В.О. Лучин. – Моск. юрид. ин–т. – М., 1993. – 83 с.

224. Матузов Н.И. Теоретические проблемы субъективного права [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Н. И. Матузов. – Харьков, 1973. – 38 с.

225. Мамичева С.В. Права жертв преступлений и злоупотребление властью и их гарантии в РФ гражданина [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / С. В. Мамичева. – Волгоград, 1998. – 200 с.

226. Михайленко О.В. Имущественная ответственность за вред, причиненный осуществлением публичной власти: теоретические аспекты и проблемы ее реализации на практике [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03. / О.В. Михайленко. – Ростов-на-Дону, 2007. – 31 с.

227. Скифский Ф.С. Конституционные правонарушения [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.02 / Ф. С. Скифский. – Тюмень, 1998. – 16 с.

228. Скобычкина Н.Р. Возмещение вреда, причиненного федеральными государственными органами, а также их должностными лицами [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03 / Н.Р. Скобычкина. – Екатеринбург, 2007. – 35 с.

229. Штырова Е.П. Конституционное право человека и гражданина на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Е. П. Штырова. – Саратов, 2007. – 22 с.

230. Шуткина В.В. Конституция Российской Федерации о защите прав человека в межгосударственных органах [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / В. В. Шуткина. – М., 2001. – 188 с.

III. Материалы правоприменительной практики

231. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1997 г. № 18 – П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС // СЗ РФ. 1997. – № 50. – Ст. 5711.

232. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1993 г. № 1–П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1993. – № 2– 3.

233. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.06.2015 г. № 14–П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 256 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.И. Романовой» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 5.

234. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 г. № 8 – П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и Постановления Правительства Российской Федерации» «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти» в связи с жалобами граждан Э.Д. Жуховицкого, И.Г. Пойма, А.В. Понятовского, А.Е. Чеславского и ОАО «Хабаровск-энерго» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 4.

235. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.07.2014 г. № 20–П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О распространении действия Закона РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» на граждан из подразделений особого риска» в связи с жалобой гражданина В.Ф. Лякина» // СЗ РФ. 2014. – № 28. – Ст. 4138

236. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1997 г. № 18– П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 6.

237. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21– П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 6.

238. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2011 года N 16– П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно– процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» // СЗ РФ. – 2011. – № 30 (2). – Ст. 4698.

239. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2019 N 39– П «По делу о проверке конституционности положений статьи 13 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», пунктов 3 и 5 статьи 7, пункта 1 части 1 и части 2 статьи 8 Закона города Москвы «Об обес-

печении права жителей города Москвы на жилые помещения» в связи с жалобами граждан А.Л. Мейсснер, Е.С. Михайловой и Е.Б. Шашевой // СЗ РФ. 2019. № 51 (ч.II). – Ст. 7760.

240. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2017 N 11–П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И.Л. Трунова и М.В. Юревича» // СЗ РФ. – 2017. – №17. – Ст. 2655.

241. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 г. N 1–П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» // СЗ РФ. – 2001. – №7. – Ст. 700.

242. Определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2011 года «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Денисенко Людмилы Ивановны на нарушение ее конституционных прав статьями 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации»: [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.05.2021).

243. Определение Конституционного Суда РФ от 16.10. 2001 года № 252– О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Щигорца Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 151 Гражданского кодекса РФ»: [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.05.2021).

244. Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2008 N 734–О– П «По жалобе гражданки В. на нарушение ее конституционных прав статьей

151 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2009. – № 1.

245. Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2009 N 1005–О–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Уния» на нарушение конституционных прав и свобод статьями 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2021).

246. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гавриловой Наталии Александровны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации и статей 35 и 103 Налогового кодекса Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 24.01.2013 N 125–О [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2020).

247. Определение Конституционного Суда РФ от 24.01.2013 N 125–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гавриловой Наталии Александровны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации и статей 35 и 103 Налогового кодекса РФ» [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2020).

248. Определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2005 г. № 523–О «По жалобе граждан Бурбан Елены Леонидовны, Жирова Олега Александровича, Миловидова Дмитрия Эдуардовича, Миловидовой Ольги Владимировны и Старковой Тамары Михайловны на нарушение их конституционных прав положениями статьи 17 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» // СЗ РФ. – 2006. – № 12. – Ст. 1326.

249. Определение Конституционного Суда РФ от 02.04.2015 г. № 708–О «По запросу Сюмсинского районного суда Удмуртской Республики о проверке конституционности положений пунктов 4 и 5 части первой статьи 135

Уголовно– процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 4.

250. Определение Конституционного Суда РФ от 01.12.2005 N 462– О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Сахалинской областной Думы о проверке конституционности частей первой и второй статьи 16 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» // СЗ РФ. – 2006. – № 6. – Ст. 733.

251. Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 N 523– О– П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Общероссийской общественной организации «Российское историко – просветительное благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» в защиту конституционных прав граждан И.А. Бернакевича, Р.М. Бирюковой, С.И. Михайлюк, Ф.И. Михайлюка, С.Н. Полани и В.И. Шимичева на нарушение их конституционных прав отдельными положениями статьи 6 Федерального закона от 22 августа 2004 года N 122– ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2007. – № 6.

252. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 N 432– О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коваля Константина Лазаревича на нарушение его конституционных прав положением статьи 16.1 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2020).

253. Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2005 N 523–О «По жалобе граждан Бурбан Елены Леонидовны, Жирова Олега Александровича, Миловидова Дмитрия Эдуардовича, Миловидовой Ольги Владимировны и Старковой Тамары Михайловны на нарушение их конституционных прав положениями статьи 17 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – № 3.

254. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2007 N 383–О–П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Волика Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав Законом Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2007. – № 5.

255. Определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2015 N 236–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Михайловой Валентины Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 25.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2020).

256. Постановление ВС РФ от 01.04.1993 г. № 4721–1 «О реабилитации российских корейцев» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 15. – Ст. 529.

257. Постановление ВС РФ от 16.07.1992 г. № 3321–1 «О реабилитации казачества» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1805.

258. Постановление ВС РФ от 29.06.1993 г. № 5291–1 «О реабилитации российских финнов» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 22. – Ст. 1119.

259. Определение Верховного Суда РФ от 08.07.2008 г. № 18 – Г08 –: [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2019).

260. Определение Верховного Суда РФ от 13.12.2006 N 48 – Г06 – 21 [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2019).

261. Определение Верховного Суда РФ от 20.03.2012 N 78 – В12 – 3 [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2019).

262. Мнение Судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева «По делу о проверке конституционности Положений частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно– процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Первова и запросом мирового судьи участка n 43 города Кургана» // СЗ РФ. – 2013. – № 22. – Ст. 2861.

263. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 25.05.2015 по делу N 33– 1282а/2015 [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2019).

264. Апелляционное определение Мурманского областного суда от 23.04.2014 N 33 – 1164 [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2019).

Электронные ресурсы

265. Isabella Risini. Can't get no just satisfaction? The Cyprus v. Turkey judgment of the European Court of Human Rights. – Cambridge J. Int'l & Comp. L. (May 23, 2014) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://cjlcl.org.uk/2014/05/23/cant-get-just-satisfaction-cyprus-turkey-judgment-european-courthuman-rights/>. (дата обращения: 14.05.2020).

266. Rapport explicatif au Protocole no 14 a la Convention de sauvegarde des droits de l'homme et des libertes fondamentales. P. 49. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/194> (дата обращения: 14.05.2020).

267. Андреева И. А. Возмещение вреда государством как конституционно-правовой институт [Электронный ресурс]: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М. 2010. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/01/27/> (дата обращения: 16.10.2019).

268. Астахов П. Неподсудно, или правительство как ненадлежащий ответчик в ситуации с судебными исками жертв теракта на Дубровке // Бизнес-адвокат. 2003. N 2. [Электронный ресурс] // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

269. Валетова В.М., Ермаков В.Г. Конституционно– правовые механизмы возмещения государством вреда в результате противоправной деятельности публичной власти [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/16378928> (дата обращения: 15.11.2020).

252. Жеребцов А.Н., Облезова А.О., Семенова А.В., Ситкова О.Ю., Степанов А.В., Очеретько Е.А., Шапиро И.В., Артемьев Е.В., Богатырева Н.В., Тишин Р.В. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 115–ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (постатейный) [Электронный ресурс] // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.05.2020).

253. Заключение Венецианской комиссии о законе России о Конституционном Суде № 832/2015 от 15 марта 2016 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://constitutions.ru/?p=11496> (дата обращения: 22.08.2018).

270. 254. Зуева М.В., Климович А.В., Корнеева О.В., Мережкина М.С., Томтосов А.А. Комментарий к главе 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. N 14–ФЗ (постатейный) [Электронный ресурс] // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

255. Колоколов Н. Реабилитация царской семьи // ЭЖ–Юрист. – 2009. – N 33.

256. Материалы 9 – го ежегодного доклада Парламентской ассамблеи Совета Европы «Исполнение постановлений Европейского суда по правам человека» [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://website-pase.net/documents/19838/3115031/AS-JUR-2017-15-EN.pdf/18891586-7d6c-4297-b5f7-4077636db28e> (дата обращения: 22.08.2018).

257. Муйжниекс Н. Неисполнение решений ЕСПЧ: наша общая ответственность [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/non-implementation-of-the-court-s-judgments-our-shared-responsibility> (дата обращения: 23.02.2020)

258. Окончательное заключение Венецианской комиссии по закону о внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» № 832/2015 от 13 июня 2016 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)016-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)016-rus). (дата обращения: 23.02.2020)

259. Принят закон о компенсации за ненадлежащие условия в СИЗО// Ассоциация юристов России. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://alrf.ru/news/prinyat-zakon-o-kompensatsii-za-nenadlezhashchie-usloviya-v-sizo> (дата обращения: 14.10.2020)